

Ефреминюк Марина

КВЕСТ АКАДЕМИИ

Магические ребусы

Annotation

Зимние каникулы позади, в академии магии начинается учебное полугодие! Я составила план и собиралась ему следовать: сродниться с библиотекой, игнорировать чужие подначки, выкинуть из головы одного белобрысого аристократа. Но все опять кувырком! Новый товарищ по команде страшно бесит, аристократ не желает забываться, да ещё какой-то шутник отправляет тайные послания. И как, скажите на милость, сосредоточиться на занятиях?

- [Квест Академия. Магические ребусы](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1. Дин Дживс против высшей магии](#)
 - [ГЛАВА 2. Кружок войны](#)
 - [ГЛАВА 3. Давай поспорим](#)
 - [ГЛАВА 4. На крючке](#)
 - [ГЛАВА 5. День закрытых дверей](#)
 - [ГЛАВА 6. Свидание с нагрузкой](#)
 - [ГЛАВА 7. Любовная лихорадка](#)
 - [ГЛАВА 8. Дурные знаки](#)
 - [ГЛАВА 9. В поисках Ботаника](#)
 - [ГЛАВА 10. Ребусы и разгадки](#)
 - [ГЛАВА 11. Потусторонний квест](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Квест Академия. Магические ребусы

ПРОЛОГ

Как?!

Насущный вопрос возник в голове, когда я валялась на грязном половике в загаженной общежитской комнате Дина Дживса с самим Дином Дживсом под боком и снизу-вверх таращилась на Илая. Тот разглядывал нас с каменным лицом, а в светлых глазах горела жажда крови.

Не то чтобы мне когда-нибудь встречались люди, задумавшие двойное убийство, но, полагаю, выглядели они, как Форстад, обнаруживший бывшую подружку и лучшего друга в позе, оставляющей слишком много простора для фантазии.

У него вообще воображение богатое. Жаль, воображается всегда только плохое. Уже второй раз он застаёт меня наедине с другим парнем и по аристократической роже видно, что придумывает какую-нибудь бесящую гадость. Хотя в начале зимы он обнаружил меня в компании Вердена Армаса, которого парнем назовет только идиотка. А я валялась в обнимку с недоразумением, по какой-то нелепой причине получившим мужское имя и даже родовую фамилию – недалеко от идиотки ушла.

Кстати... я ещё не упоминала, что при оглушительном падении у меня задралась до коленок юбка? Очень выразительно. Приличными словами не опишешь. Надеюсь, что именно их, приличные слова, пытался отыскать Форстад и вовсе не прикидывал, где в завалах приятеля-неряхи могло прятаться что-нибудь колюще-режущее.

– Мы учили высшую магию! – в один голос выпалили мы с Дживсом, даже не подозревающим какая любовная драма развернулась у него на глазах.

– Вижу, - нехорошо усмехнулся Илай, не сводя с меня ледяного взгляда. - Не буду мешать.

Он развернулся, намереваясь оставить нас заниматься тем, чем мы занимались: высшей ли магией, неприличными глупостями или просто скоростным лазанием на пузе по захламленной комнатухе.

– Друг, ручку зажги! – крикнул ему вслед Дживс, с трудом поднимаясь на ноги.

Дверь с треском захлопнулась. Со стены печально свесилась кое-как прилепленная цветная гравюра грудастой полуголой девицы в полный рост.

Видимо, категоричный уход означал, что в ближайшем будущем потепления холодной войны с Илаем ожидать не следовало, более того она перешла на новый уровень заморозки.

– Зажги ручку?! – рявкнула я и резко встала. От движения в ушибленной (во всех смыслах этого слова) голове нехорошо стрельнуло. Комната чуточку пошатнулась. Пришлось схватиться за стул, чтобы снова не оказаться на полу.

– А что они все тут ходят? - возмутился Дживс.

Божечки, он смел возмущаться! Сволочь недоученная! Академические боги, курирующие общагу, где, говорите, в этом бедламе пряталось что-нибудь колюще-режущее?..

ГЛАВА 1. Дин Дживс против высшей магии

Утро началось как обычно, с задорной ссоры... с кустиком. Как понимаете, ворчала я, а он молчал. Вообще, если мандрагора когда-нибудь ответит на брюзжание человеческим голосом, то у меня, должно быть, случится остановка сердца.

– Чтобы ты знал, глупое создание, обиженным кустам согревающей растирки не подливают, - бранилась я, собираясь в деканат за расписанием на новое полугодие.

Ужасы экзаменационной декады почти забылись, подошли к концу две седмицы зимних каникул, проведенных в доме Матильды. Начиналось новое учебное полугодие, и мы вернулись в академию Дартмурт.

На приглашение родителей Тильды я соглашалась скрепя сердце – не хотелось обременять хороших людей присутствием чужой девицы. Но, как выяснилось, шумному семейству был не способен помешать даже рейнсверский игуанодон. В огромном особняке в пригороде столицы обитало такое количество представителей славного рода Юри, а в обеденной зале стоял столь длинный стол, что одним человеком больше, одним меньше – никто не считал. И отбивных не жалел. Это был ни больше ни меньше земной ад интроверта-вегетарианца. Окажись Флемминг с нами, точно не выжил бы. Вернее, выжил, но исключительно из ума.

К слову, с того самого дня, как объявили, что Ботаник бросил учебу, я пыталась с ним связаться, но все «приветики» и рассерженные письма уходили в пустоту. Флемм решительно отказывался общаться. Ни одной весточки за два месяца! Надеюсь, он сейчас отчаянно икает. На всякий случай, чтобы прочувствовал мое разочарование, помяну ещё разок: Бо-та-ник!

Кусачую флору пришлось взять с собой в поездку, чтобы она часом не мигрировала от засухи под кровать и не издохла в темноте, печально забившись в угол. В гостях зубастик вел себя, как – ну, – рейнсверский плотоядный куст, забывший, что рискует отправиться на аптекарские снадобья и готовый сожрать любое существо, случайно или специально

приблизившееся к горшку. Едва жутко породистой кот одной из тетушек Юри сунулся к цветочному хищнику, как оказался покусанным за нос. Вой стоял, будто бедняге отгрызли хвост и заодно передние лапы!

Я принялась извиняться, каяться и даже поклялась, что залеплю агрессивной рейнсверской поросли пасть, не знаю каким образом, но непременно. Однако хозяин дома притащил целую бутылку согревающей растирки и молча водрузил на подоконник возле стаканчика с кустиком, мол, держи, мужик. Видимо, невинная пушистая жертва оказалась не очень-то невинной, и хозяин дома давно точил на нее зуб, просто кусать кота самому было странно.

После тряски в карете и резкого похолодания его зубастое величество пребывало в отвратном настроении. Оно закопалось по самую корону, в смысле, цветок в ведро с землей, сомкнуло пушистые лепестки и не казало клыков, хотя по утрам любило ощериться на скудный солнечный свет в окне.

– Не смей мигрировать за сундук. Застрянешь, вытаскивать не буду!

Кустик нравоучений не оценил и повернулся буравчиком, ещё глубже зарываясь в землю.

Когда я вышла из комнаты, в закутке обнаружила Дина Дживса собственной персоной. В позе уличного хулигана, согнув одну ногу в колене и спрятав руки в карманы, он смело подпирал только-только побеленную стену. Некоторое время мы с одинаковым недоумением разглядывали друг друга. Я-то понимала, почему удивилась появлению главного придурка нашего потока, а по какой причине он выглядел озадаченным, оставалось неясным. Этажи, что ли, перепутал?

– Побелка пачкается, – оповестила я.

– Демоны дери! – Дживс шустро отлепился от стены.

К слову сказать, во время молниеносного ремонта смотритель общежития наконец-то решил проблему с коридорным светильником. Он вытащил крюк и замазал отверстие. Мол, нет крюка, нет лампы. Все логично. Проковыряла бы дырочку заново и продолжила непримиримую борьбу со скупердям, но за порчу стен выставляли просто конский штраф.

Пока Дин изворачивался ужом, пытаюсь отряхнуть перепачканный белыми разводами пиджак, я заперла комнату на ключ.

– Ведьма, посмотри: все? - Он явил измусоленную спину.

– В зеркало посмотришь.

– Какое ещё зеркало? – не понял парень.

– Которое сам себе наколдуешь.

– Ведьма, стой! – крикнул он, когда понял, что никто не собирается до ночи торчать в коридоре, любуясь на его испачканный зад, и прискоком нагнал меня на повороте. Чуть не врезался! Голубь почтовый.

– Что хотел? – спросила, не замедляя шага.

– Дать тебе денег.

От неожиданного предложения я остановилась и с возрастающим любопытством глянула на мецената.

– Предложение, конечно, замечательное, но не очень понятное. За что ты хочешь заплатить?

Все прошлое полугодие он пытался оттачивать на мне глупое чувство юмора и каждый раз смертельно обижался, когда прилетало в ответ. Может, захотел вернуть авторитет в глазах друзей и приплатить, чтобы я стоически проглотила пару шуточек? Однако Дживс заявил:

– Я провалил вышку...

– Нет! – немедленно догадалась я, к чему он клонит, и на подлете отказалась готовить его к пересдаче.

– Что, нет? - моргнул Дин. - Я же ещё ничего не сказал.

– И не надо. Найди другого репетитора.

– Это вообще-то не просто!

– Сочувствую, - пожала я плечами и шустренько, стараясь уйти от преследования, зашагала к лестнице.

Не зря люди в восточных долинах любят приговаривать: не плюй в колодец, пригодится напиться! И вовсе я не злопамятная, просто у меня память... Впрочем, зачем врать? Ужасно злопамятная, особенно, когда дело касается столичных снобов, отчего-то считающих себя земной осью.

Дживс, похоже, находился в отчаянии, и это самое отчаяние заставило его преследовать ненавистную ведьму. Не отставая ни на шаг, он принялся давить на жалость, даже голос как будто сделался тоньше:

– Если провалю пересдачу, то меня вышибут. Понимаешь?

– Ага.

– Разве друзья не должны друг другу помогать?

– Друзья, конечно, должны, но мы с тобой не друзья.

На лестнице взмокшие носильщики тащили дорожный и, по всей видимости, тяжеленный дорожный сундук. Следом, высоко задирая подбородок, шагала хорошенькая ухоженная блондинка в белой шубке. Нам пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить процессию.

– Позаниматься надо всего-то декаду, - пока мы ждали, снова заговорил Дин. – Я буду очень послушным.

– Можешь послушно оставить меня в покое? - по-человечески попросила я.

– Я хочу только тебя!

Проходившая мимо блондинка презрительно фыркнула.

– Хочешь? - вкрадчиво уточнила я.

– В смысле... Ведьма, ты же гений высшей магии! – поспешно начал льстить Дживс. – О твоём «превосходно» говорили всю экзаменационную декаду. Даже Качок с очкастой получили «хорошо»!

– У моих друзей есть имена, - недовольно заметила я.

– Обещаю их запомнить.

– Молодец.

– Видишь, какой я послушный.

Мы добрались до холла, где происходило светопреставление. Народ возвращался в общагу, тяжелые двери были открыты нараспашку, втаскивали дорожные сундуки, входили адепты. Сквозь дверной проем виднелся заметенный внутренний двор. Шел густой снег, отчего казалось, будто на улице царили грязноватые сумерки.

– Ладно, Дживс, – помедлила я. - Так и быть, помогу.

– Правда?! – Он не поверил своим ушам и правильно сделал.

– Советом.

– Каким ещё советом?

– Бесплатным, - нравоучительно, словно отчитывала зубастый цветочек, ответила я. - Повесь объявление, что готов заплатить за уроки. К вечеру возле твоей комнаты выстроится очередь из желающих. Возьмешь Остада, устройте смотрины.

– Два сорима! – перебил меня Дживс, решив удивить ценой.

Нет, удивил, конечно, паршивец, но не настолько, чтобы ему помогать.

– Укажи стоимость, очередь вытянется до лестницы.

В холле появился Илай. Кожаными перчатками он отряхнул черное

пальто от крупных быстро тающих хлопьев снега, провел ладонью по светлым волосам, собранным в небрежный хвост. В осанке, развороте плеч, в каждом жесте – во всем ощущалась порода и уверенность, даже самоуверенность.

Мы встретились глазами. Слабенькое сердечко застучало сбивчиво, словно механические часы перед полной остановкой. Помирать от созерцания бывшего парня-красавчика посреди общежитского холла, было глупо. Пришлось напомнить самой себе, что под лощеным фасадом Илая скрывалась столичная принцесса, упертая, категоричная и негибкая, как деревянная линейка моего школьного учителя по чистописанию. За два месяца после финального испытания у Форстада появлялось не меньше десятка поводов, чтобы помириться, и столько же возможностей поговорить по душам, но он подчеркнуто их проигнорировал.

С нарочито безразличной миной я развернулась на каблуках и твердым шагом направилась к переходу в главный учебный корпус. За спиной прогрохотал восторженный вопль Дживса:

– Форстад, ты вернулся!

Когда я выходила из деканата, с интересом изучая свиток с расписанием, обнаружила, что вселенское зло в чистом виде, вернее, в виде взлохмаченного Дживса в перепачканной побелкой одежде, снова подпирало стену. Думала, что отстал на веки вечные и вернулся к ноге приятеля, а, погляди-ка, опять караулил! Знатно его припекло.

– Ты обещал быть послушным? – процедила я.

– Да, - приободрился он.

– Будь послушным – свали за грань.

– Три сорима за урок!

– И за гранью найди репетитора.

– Четыре! – поднял он цену и неуверенно добавил: – С половиной.

Вдруг я поймала себя на дурацкой мысли, что в некоторых вопросах принципиальность вещь не только лишняя, но даже вредная. Конечно, Дин Дживс – редкостный придурок, но ведь мне с ним не под венец идти и клятвы у храмовника не произносить. Декаду-то перетерпеть можно, особенно когда за терпение отлично платят, а к весне стоит обновить гардероб...

Обернувшись к парню, я нахально назвала цену:

– Пять с половиной.

– Ведьма, побойся богов! – охнул он, театральным жестом схватившись за сердце. – В столице магистр со степенью брал пять за урок. Да за такие деньги можно самого Армаса нанять!

– Хорошо, – пожала я плечами. – Иди к своему столичному магистру или найми Армаса, но лучше повесь объявление.

Дин пожевал губами. На лбу появились глубокие складки. Ни дать ни взять старик-мыслитель, судорожно подсчитывающий карманные деньги: останется ли что-нибудь на развлечения или придется коротать грустные зимние вечера в общежитии, а ужинать в академической столовой, где кормили, мягко говоря, без особенных изысков. Было у меня подозрение, что с арифметикой у парня не лучше, чем с высшей магией.

– Ладно! Пять с половиной! – сдался он и протянул раскрытую ладонь, предлагая скрепить договор рукопожатием. Пока мы трясли сцепленными руками, я с елейной улыбкой добавила:

– Деньги вперед.

– Каждый урок оплачиваю отдельно.

– Идет, – легко уступила я. – Поздравляю, господин Дживс, вы наняли самого приличного репетитора по высшей магии в Дартмурте и его окрестностях. Начнем сегодня в семь.

– Где?

– Если ты не в курсе, то в академии есть отличное место для занятий, называется общий зал для самостоятельной работы.

Только попыталась освободиться, как он крепче сжал мои пальцы и дернул на себя. Невольно я сделала шаг вперед, а Дживс пробормотал:

– Пока ты только неприлично дорогой репетитор, поэтому за экзамен должно быть не меньше «хорошо». Иначе отец меня четвертует.

– Если не отпустишь, то тебя четвертую я. Совершенно бесплатно.

– Убедила, – наконец пожелал он расцепить руки.

Мы мгновенно разошлись в разные стороны. Сомневаюсь, что Дживсу действительно захотелось заглянуть в женскую уборную, потому как выбранное им направление заканчивалось комнатой для девочек, но кто я такая, чтобы его останавливать.

К вечеру снегопад превратился в настоящий буран. Плачущие окна ослепли, сквозь снежную круговорот пробивались тусклые пятна горящих уличных фонарей. Непогода нарушила планы адептов, желающих отпраздновать начало нового полугодия, и народ оказался

закрыт в замке, даже отчаянные кутилы не высовывались на улицу. На ужине в столовой, где еду стоило выбирать с большой оглядкой, было как никогдалюдно.

Тильда опаздывала. Я сумела найти места на уголке общего стола алхимиков и отбивала пустой стул, занятый для подруги. Соседи между тем украдкой подливали в кружки с напитком из боярышника какой-то подозрительный эликсир собственного приготовления. Темный флакон ходил по кругу, а хмелеющие участники тихого праздника воровато озирались по сторонам, проверяя, не засек ли кто-нибудь вопиющее нарушение свода правил академии.

Наконец Матильда появилась в столовой. Она гроыхнула подносом о стол, не уселась, а рухнула на стул и печально вздохнула:

- Бади застрял на постоялом дворе и приедет утром.
- Он прислал записку? - удивилась я.
- Ответил на «приветик».

Подруга продемонстрировала ладонь с размазанными печатными буквами. Надпись гласила:«утром».

- Ты обвела его ответ чернилами? - изогнула я брови.
- Прочитать не вышло, - мгновенно сжала она кулак, пряча короткое и емкое, как раз в духе Бади, послание.
- Теперь седмицу руку мыть не будешь?
- Ведьма, надо мягче относиться к человеческим слабостям, а Бади – моя главная слабость.

– Я думала, что твоя главная слабость – это плохое зрение, – подколола я, припоминая подруге, что она вечно выходила из себя, если кто-нибудь случайно или специально упоминал про ее очки.

– Бади – моя вторая главная слабость, - с серьезным видом поправила она кругленькие окуляры в широкой черепаховой оправе. - Он же сокровище, а за сокровищем надо следить. Иначе женится после академии на какой-нибудь Марлис Нави-эрн, придется с горя съесть десять ящичков зефира и потолстеть на три размера.

– А потом закопать обоих на семейном кладбище Юри, – пошутила я.

Ох уж это кладбище! До сих пор без содрогания не могу вспоминать, как во второй день каникул бабушка Тильды устроила мне экскурсию: подводила к могилам и подробно рассказывала о каждом усопшем родственнике. На улице стоял скрипучий мороз, птицы

замерзали в воздухе (если что, это ирония, но одна ворона действительно замертво свалилась с надгробия). Я не чувствовала ни рук, ни ног, ни лица и присматривала себе уютный клочок в уголке погоста, где собиралась пасть замертво, как ворона, но появился брат Тильды и спас нас с увлеченной бабушкой от обморожения.

Полвечера он отпаивал меня горячим грогом. Еле-еле до спальни дошла. Три раза с пути сбивалась! Хотя, конечно, опьянение в неожиданном топографическом кренилизме не виновато. В запутанной планировке особняка, подозреваю, разбирался только создавший проект архитектор (утверждали, что ужасно именитый). Семейство и само частенько блуждало по коридорам, особенно блаженная тетушка Юри.

За столом, где сидела шумная веселая компания Илая, разлетелся взрыв хохота. Мы с подругой невольно оглянулись. Дживс что-то увлеченно рассказывал, размахивал руками и думать забыл о назначенном уроке. По-хорошему, стоило наплевать и проигнорировать, но я уже мысленно потратила заработанные деньги.

– Только семь, а им уже весело, - проворчала Тильда.

– Уже семь?! – спохватилась я.

– У тебя дела?

– И мне за них хорошо заплатят.

Вытащив из напоясной сумочки пустое самописное перо, я нацарапала на руке коротенький, но многозначительный «приветик»: *«Высшая магия!»*. Обнаружив на внешней стороне кисти неожиданно вспыхнувшее напоминание, Дживс заткнулся и обвел столовую вороватым взглядом. Мы встретились глазами. С мрачным видом я постучала пальцем по запястью, мол, время тикает, скалывай хвост, павлин, и несись навстречу знаниям.

– У Мажора сейчас лицо серийного убийцы... – задумчиво вымолвила Тильда. - Страшно спрашивать, но у тебя дела с Дживсом?

– Ага.

– Он пообещал заплатить за свидание?!

– Вроде того, - хмыкнула я. - У него свидание с высшей магией, а я за деньги подрядилась поддержать свечку.

– Постой... – не поверила подруга своим ушам. – Ты согласилась заняться высшей магией с Дживсом?! С парнем, которого на дух не переносишь? Божечки, что делается! Надеюсь, ты потребовала хороших денег за услуги канделябра.

– Более чем.

Едва я поднялась из-за стола и подхватила поднос, как стул незаметно увели. Глазом моргнуть не успела! Сегодня в столовой действовал принцип переполненной станции междугородних дилижансов: пятую точку от сиденья оторвал, место тут же потерял. Теперь даже при большом желании вернуться к трапезе было невозможно, не есть же стоя.

– Встретимся за завтраком, - попрощалась я с подругой. - Удачи.

– И тебе, - согласилась она. – Если в сердцах прикончишь бездарность учебником, то зови. По-дружески помогу спрятать труп в сугробе.

Зал для самостоятельной работы, что не удивляло, окутывали темнота и холод. Занятия в академии начинались только утром, нового зрителя, видимо, ещё не назначили, и даже двоечники сегодня устраивали поминки по каникулам, а не готовились к пересдаче. Живое тепло, обогревающее старый замок, не справлялось с ледяными сквозняками, атакующими огромное безлюдное помещение. Хотя я сама видела, как в начале зимы кастелян заставлял лазать по лестницам и конопатить окна приснопамятных алхимиков, наказанных за взрыв атанора в лаборатории.

Магические светляки в световом шаре от холода впали в спячку. Лампу пришлось хорошенько потрясти, чтобы они проснулись. Я искренне пожалела, что не прихватила теплую шаль, и почти околела, пока дождалась Дживса. Он вошел ленивой походкой, словно никуда не торопился, приблизился к пустому столу с потрескивающей лампой и разочарованно протянул:

– А конспекты?

– Это я должна была у тебя спросить, – заметила я. - Почему ты с пустыми руками?

– Хочешь сказать, что я плачу, чтобы ещё и учебники таскать? - возмутился он.

– Пока что ты мне ничего не заплатил.

Дживс замялся, пожевал губами, шмыгнул носом, почесал бровь. Весь его дурацкий вид говорил о том, что обещанных за занятия денег нет.

– Слушай, Ведьма... – Он полез в карман, вытащил мелочевку и посчитал, перебирая медяшки на ладони. – Давай половину сорима

сейчас, а утром остальное.

Считайте меня меркантильной ведьмой, но в денежных вопросах я действительно крайне щепетильна, а раздражаться бесплатно можно и над собственными заданиями.

– Ладно.

– Здорово! – Дживс попытался пристроиться на соседнем стуле. Видимо, рассчитывал, что учебники, конспекты и писчая бумага материализуются из воздуха. Монетки со звоном ссыпались на крышку стола.

Я поднялась и затушила трещавшую, не до конца разгоревшуюся лампу.

– Или не здорово? - не понял парень.

– Раз у нас нет ни учебников, ни денег, то отложим урок до завтра.

– Ты просто так уйдешь? – возмутился Дживс.

– Да, – оглянулась я. - Чего и тебе желаю. Тут холодно, как в склепе...

– В моей комнате! – вскочил Дживс и, получив в ответ вопросительный взгляд, пояснил: – В комнате тепло!

– Предпочитаю греться под своим одеялом.

– А ещё там и деньги, и учебники, и вообще...

– Что ты имеешь в виду под «вообще»? - любопытствовала я.

– У меня есть стол! – нашелся он и добавил: – Маленький.

– Удачно позубрить.

– Ведьма, это дело жизни и смерти! – заканючил он. - Отец грозил стереть мой портрет из семейного древа, если я вылечу из академии.

– Дживс, прекрати давить на жалость, - проворчала я. - Мы договаривались на высшую магию, о сочувствии речь не шла... Ладно! Пойдем заниматься.

– К тебе, ко мне?

– У меня мандрагора.

– Ты так называешь беспорядок? – блеснул остроумием он.

– Я так называю хищный цветок, который ненавидит гостей.

– Значит, ко мне. - Дин развернулся и немедленно устремился к выходу, потом вспомнил о разбросанных по столешнице монетках. – Деньги забыл!

Вернувшись, он бережно ссыпал медяшки в ладонь и припрятал в карман. В этот трогательный момент у меня появилось смутное

подозрение, что я подписалась терпеть придурка в долг.

Дживс жил на пятом этаже, куда обычно селили старшекурсников. Комнаты здесь были побольше наших, но до аристократических хором не дотягивали.

– У меня чуточку не убрано, - сообщил он, отпирая замок и входя.

– Разбросано исподнее? - хмыкнула я и, сделав шаг внутрь жилища, схватилась за дверную ручку, едва не потеряв в липкой подсохшей луже туфлю.

Не знаю, что в представлении Дина Дживса считалось бардаком, но, по-моему, его комната представляла собой персональный ад аккуратиста-чистюли. В жизни такого не видела! Если бы мой ненормальный кустик решил в этой комнате мигрировать, пытаясь отыскать уголок свежести, то в завалах исчез бы без следа. Ни одним поисковым заклятьем не нашла бы!

Исподнее действительно было разбросано, точнее сказать, развешано: на спинке стула кумачом горели красные трусы в белый горошек. Под кроватью зарастали пылью носки, но, готова поспорить, при желании они вполне могли бы выстроиться в рядок с сапогами. Сбитое комом белье на кровати обнажало полосатый, похоже, привезенный из дома матрац. На учебной парте, не дотягивающей до гордого звания полноценного стола, теснились грязные кружки и всевозможная дребедень, не имеющая никакого отношения к учебе. На стене, со всех сторон стесненный цветными гравюрами полуобнаженных девиц, висел портрет семейства Дживс в полном составе: обалдевшая от возмутительного бардака мать с очумевшим младенцем на коленях, мрачный бородатый отец и пять старших сыновей, выстроенных по росту за спинами родителей. Подозреваю, что нарисованный Дин сам диву давался тому, как его живой оригинал загадил крошечную комнатку.

– Располагайся. – Не испытывая ровным счетом никакого смущения, неряха собрал со стула трусы и швырнул их в плетенную корзину для грязного белья в углу. К слову, не попал.

– Что-нибудь выпьешь? – Он залез в переносной холодильный ящик и быстро перечислил: – Имбирный эль, фруктовое вино, что-то коричневое в бутылке.

Если можно, яду или, на худой конец, капли пустырника. Не имеется? Тогда воздержимся.

– Ты всегда колдуешь на пьяную голову? - хмыкнула я, прикрывая дверь.

– Случалось пару раз.

– Поэтому ты мне платишь за уроки.

– Тогда, может, чаю? Он безалкогольный.

Невольно с подозрением покосилась на стол, где притулились грязные чашки, живо представила, как придется из них прихлебывать чаек, и поняла, что теперь седмицу не смогу смотреть в сторону заварки.

– Что за навязчивая идея меня напоить? - буркнула я.

– Пытаюсь выглядеть очаровательным.

Гостеприимство, конечно, приятно удивляло – никогда не заподозрила бы в первом придурке нашего потока хорошее воспитание, но, коль яда в меню не имелось, хотелось бы выйти из комнаты без тяжелого пищевого отравления.

– Если уберешь стол, то будешь вообще лучше всех, - кивнула я.

Уборка заняла не больше полуминуты. Все, что могло быть сдвинуто, было сдвинуто. Все, что не имело смысла двигать, например, тарелку с присохшим остатком какого-то фрукта, переместилось на подоконник. Последним штрихом скомканную постель накрыло стеганое одеяло.

Полтора часа спустя я была готова выхлебать весь алкоголь из холодильного ящика и даже неопознанной коричневую дрянь в подозрительной бутылке, лишь бы перестало мелко дергаться веко. А ещё вывела новый закон мироустройства: если хочешь узнать, что творится в голове у человека, изучи его комнату. Официально заявляю, что в башке у Дживса была помойка и ни одной аксиомы из базового курса высшей магии.

Бедняга сопел, страдал и выглядел глубоко несчастным человеком. Я снова и снова ловила себя на мысли, что пришибить его учебником и спрятать тело в сугробе – это не преступление, а высшая форма гуманизма. Добро в чистом виде! Могу поспорить, меня даже в суде оправдают. Жалко, он был выше среднего роста и по виду весьма тяжелым – нам с Тильдой своими силами до симпатичного сугроба никак не дотащить, а Бади застрял на каком-то постоялом дворе и понятия не имел, что я возжелала совершить благородный поступок и избавить Дживса от мучений.

– Слушай, гений, – не удержалась я от резкости, - ты за что платил своему столичному магистру, если даже основ толком не знаешь?

– Кто сказал, что я ему платил? - моргнул он.

– Ты.

– Да я просто расценки узнавал. Глянь: теперь правильно? - Он подвинул лист, и я вздохнула с облегчением. С теоретической частью справились, теперь надо было закрепить на практике.

– Перекрашивай в красный цвет, - дала высочайшее репетиторское соизволение начать колдовать по-настоящему.

– Ага.

Дживс размял шею и с серьезной миной принялся водить над каракулями раскрытыми ладонями. Неожиданно посреди листа начал надуваться пузырь.

– Ты что намагичил? – удивилась я.

Ученик убрал руки, а пузырь продолжал расти, словно бумага превратилась в каучук и теперь растягивалась.

– Ложись! – рявкнул недоделанный маг.

– Туда? – в ужасе ткнула я пальцем по направлению грязного половика, с начала осени не видевшего ни веника, ни заклатья чистоты. Да Дживсу придется меня повалить силой, чтобы я приложилась к этому пылесборнику!

Мгновением позже придурок свалил меня со стула. Мы с грохотом рухнули на пол. От удара перед глазами заплескали звездочки и что-то нехорошо хрустнуло в несчастном плече, уже пару раз травмированном в прошлом полугодии.

– Какого демона?! – взвизгнула я.

– Молчи, дура!

– Сам ты дура!

Он плюхнул ладонь мне на затылок и с силой опустил голову в половик. Теперь ещё в шее раздался неприятный хруст. Щека прижалась к жесткому ковровому ворсу, а взору открылась дивная картина пыльных завалов под кроватью.

– Не шевелись! Сейчас рванет!

В воцарившейся тишине прозвучал тихий хлопок, следом едва слышное шипение. Взрыва не случилось.

– Труп Дживса, да ты, блин, издеваешься! – ругнулась я, сбрасывая тяжелую руку.

И в этот острый момент дверь открылась и в комнату, как к себе домой, вошел Форстад. Он немедленно влип в ту самую лужу, что невидимой ловушкой пролегла на пороге, и выругался:

– Ты когда-нибудь уберешь свой гадюшник?!

Тут взгляд визитера остановился на нас, уютно лежащих в самом эпицентре этого самого гадюшника. Лицо окаменело, а в глазах вспыхнул нехороший огонек. По прошлому опыту знаю, если наедине с парнем я оказывалась в любой позе, кроме вертикальной, и ближе расстояния вытянутой руки, то Форстад непременно сочинял возмутительную гадость. В общем, судил о приличной девушке по себе!

– Я, похоже, не вовремя? - чрезвычайно мягким голосом проговорил Илай, буравя меня ледяным взглядом.

– Мы учили высшую магию! – в один голос выпалили мы с Дживсом и одновременно забарахтались, пытаясь подняться.

– Вижу. Не буду мешать, - нехорошо усмехнулся он и развернулся на пятках.

– Друг, ручку зажги! – крикнул ему в спину Дин.

Дверь с треском захлопнулась. Со стены печально свесилась гравюра грудастой полуголой девицы, обнажив клочок каменной кладки.

– Зажги ручку?! – рявкнула я, вскакивая с половика. От резкого движения в голове нехорошо стрельнуло, а комната зашаталась. Пришлось схватиться за спинку стула, чтобы удержать равновесие.

– А что они тут ходят? - возмутился бездарь.

Стараясь сдержать крепкое слово, я на секунду прикрыла глаза, глубоко вздохнула, досчитала до шести, что в сложившихся обстоятельствах само по себе являлось подвигом, сравнимым со спасением мира.

– Попробуем ещё разок? - Дин приземлил пятую точку на стул, потом опомнился и суетливо пересел на шаткий трехногий табурет.

– Слушай, труп Дживса, - проговорила я. - Отдай деньги за урок и на этом закончим.

– На сегодня?

– Насовсем! Я не буду с тобой заниматься.

– А как мне готовиться? – не понял он.

– Найми Армаса!

– Я же для красного словца сказал про Армаса, – простонал Дживс.

– Значит, зубри по учебнику! Или вон, обратись к своему лучшему другу. Он тоже неплохо знает высшую магию.

– Ты что-нибудь слышала о мужской гордости?

– Божечки, удивлена, что ты о ней слышал! – охнула я и протянула руку: – Мои соримы.

Некоторое время он разглядывал раскрытую, как на паперти, ладонь, перечеркнутую чернильным шрамом от самописного пера, шмыгнул носом.

– Ты знаешь, Ведьма... Мне завтра парни должны вернуть должок...

Судя по всему, о мужской гордости он слышал, возможно, даже не раз, но в себе, похоже, никогда не обнаруживал. У Форстада зашкаливала, Дживсу не хватало, им точно следовало по-дружески поделиться.

– И что?

– Возьми сегодня пятьдесят монет, а завтра отдам остальное.

Верхнее веко мелко и неприятно задергалось. Не произнося ни слова, я пересекла комнату, схватилась за ручку и... отчаянно выругалась, выплескивая накопленное за вечер раздражение. Ручка оказалась горячей! Форстад действительно ее зажег. В прямом смысле этого слова.

ГЛАВА 2. Кружок войны

На следующее утро из комнаты я выходила с опаской, почти уверенная, что в закутке увижу Дина Дживса со вкрадчивой улыбкой маньяка на физиономии. Ведь по закону мироустройства от Анисы Эден, если вечер закончился на грязном половике в комнате первостатейного придурка, то после завтрака жди самопроизвольное явление этого самого придурка под дверь. Он снова начнет умолять заняться с ним высшей магией, а в итоге повозит носом по загаженному коврику под ледяным взглядом своего лучшего друга. В довершение продемонстрирует красное исподнее, развешенное на спинке стула. И все совершенно бесплатно!

Вопреки дурным ожиданиям закуток оказался пуст, зато этаж содрогался от какофонии женских голосов:

– Извращуга! Зачем в открытую дверь подсматривал? Девочки, шваброй его! Шваброй!

На драки я насмотрелась ещё в теткиной таверне, где каждый вечер убирала столы и подавала напитки. Неторопливо закрыла дверь на ключ, поправила на плече сумку с учебниками и деловито вышла в общий коридор, в центре которого толпились девицы и кого-то прижимали к недавно побеленной стене.

– Я не подсматривал, а мимо проходил! – провыл «кто-то» голосом Дживса.

Вынуждена с прискорбием заявить, что новый закон мироустройства по Анисе Эден действительно работает, как часики с магическим зарядом.

– А зачем остановился, мимо крокодил?! – размахивая домашней туфлей с острым каблуком и розовым пушистым помпоном, взвизгнула худенькая брюнетка в наспех накинутом халате (без помпонов). – Сидел на карачках и таращился в открытую дверь!

– Что ещё за крокодил? Шнурок просто развязался! Дамы, не прижимайте меня к стене, она пачкается!

– Зовите смотрителя! – советовали те, кто не принимал активного участия в судилище пойманного маньяка.

Вообще, Дживс, конечно, самый отмороженный из всех известных

мне придурков. Кто, спрашивается, потащится с утречка пораньше в женское крыло? В это время этаж похож на поле боя: благовоспитанные адепки, напрочь проспав завтрак, истерично собираются на лекции, ругаются из-за очереди в помывочные кабинки и тихо ненавидят экзальтированных девочек-жаворонков (имелась у нас на этаже таких парочка, саму от их утренней жизнерадостности с души воротило).

С непроницаемым видом я прошагала мимо скандалистов. Староста направляла в грудь Дживсу швабру. На конце черенка потрескивали голубые искры какого-то заклятья. Понятия не имею, что именно она наколдовала, возможно, просто обманку, но именно угрожающая магия заставляла высокого парня цепенеть с видом кота, готового вскарабкаться на стену и повиснуть на лампе.

Естественно, преступник, ищущий пути к спасению, засек меня и жалобно промычал:

– Ведьма, помоги!

– Знакомый? - оцетинились активистки в борьбе за женскую честь и гордость.

– В первый раз вижу, - не сбавляя шага, уронила я.

– Я принес деньги за урок! – с отчаяньем выкрикнула жертва мне в спину.

Тут же притормозив, я медленно обернулась и с нарочитым удивлением протянула:

– Дживс, ты ли это с утра пораньше кошмаришь приличных девушек?

– Не виноват я, она сама испугалась! – взвыло ходячее недоразумение в штанах. - Еще рогатой тапкой швырнула!

Справедливо говоря, одинокая домашняя туфелька с острым деревянным каблуком действительно валялась на полу. Вторую туфлю жертва утреннего маньяка нежно прижимала к груди.

– Ты же сказала, что не знаешь его, – с подозрением сощурилась староста.

– Всю жизнь мучаюсь утренними провалами в памяти, - нахально заявила я.

– Да отпусти ты его уже, – задержала ее за рукав хозяйка туфелек, поднявшая переполох. – Пусть идет...

Все-таки в дурной молве есть свои преимущества. После случившейся в прошлом полугодии туалетной драки с Амандой-четыре

сорима соседки по этажу меня откровенно побаивались.

Староста опустила швабру. Угрожающе трещащие голубоватые искры втянулись в деревянный черен. Освобожденный Дживс перевел дыхание.

– Но я все равно пожалею смотрителю! – проворчала она.

– Непременно, - согласилась я. - Заодно скажи, что в закутке кто-то своровал крюк от лампы, а то смотритель от меня прячется.

Просьба ни восторга, ни энтузиазма не вызвала. Девушка пожевала губами, подхватила швабру и, гордо фыркнув, удалилась в ближайшую комнату. Мстительницы начали расходиться.

– Тебя тут все боятся, - с уважением прошептал Дин, когда, как на прицепе, шагал за мной по коридору к открытым дверям женского крыла.

– Я над этим долго работала. Ты что-то говорил о деньгах?

– Отдам вечером, - пообещал он. - Сразу за два урока.

– За два? - от немыслимой наглости я едва не запуталась в собственных ногах и притормозила. - Позволь уточнить, что за второй урок и каким вечером?

– Мы в ответе за тех, кого приучили! – немедленно выпалил парень, понимая, что больше никто не собирается его готовить к экзамену.

– Приучили, - поправила я.

– Приучили, – покачал он головой. - От слова «учеба». Понимаешь? Игра слов такая...

– Ладно, гений изящной словесности, если ты не понимаешь намеков, спрошу по-другому. Во вчерашней фразе «я не буду с тобой заниматься» тебя ничего не насторожило? Ни капельки? - Я сложила щепоткой пальцы, пытаюсь образно показать эту самую капельку.

– Да брось, Ведьма, хорошо ведь позанимались, – заканючил он.

– До того, как ты опрокинул меня на грязный половик, или после?

– Обещаю навести порядок! Клянусь, в комнате будет кристальная чистота! – Он прижал руку к груди, словно действительно давал торжественную клятву.

– Просто перейдем на предоплату.

– Это как?

– Нет денег, нет высшей магии. Утром деньги, вечером высшая магия. Мне продолжать или ты понял общую мысль? И еще, Дживс...

– А?

– У тебя мантия в побелке.

– Демоны дери! – закономерно ругнулся он и пока изворачивался, чтобы кое-как отряхнуть одежду, я сбежала из общежития на занятия.

Первой лекцией в новом полугодии шла философия мироустройства у магистра Хилдиса, испоганившего мне красивый табель паршивым «*хо-ро-шо*» за экзамен. Как видите, он умудрился между слогами написать целых *два минуса*! Как вспомню, что Дживс-прилипала даже трех слов не промычал, а его незаслуженное «превосходно» украшал жирный восклицательный знак, так хочется заново взломать платную методичку и задаром раздать всему Дартмурту. От души надеюсь, что у магистра действительно ещё одна такая имеется.

На занятие я почти опоздала, влетела в кабинет философии на последней минуте и немедленно обнаружила Илая, сидящего на втором ряду со страшненькой блондинкой, с которой мы вчера столкнулись на лестнице. Ладно, зачем врать? Она была недурна собой, даже чересчур недурна, а для первой лекции вообще выглядела преступно хорошо.

Из вредности я уселась ровнехонько перед парочкой. Пусть всю лекцию любуются на мой затылок! Но Форстад промурлыкал, даже не пытаясь скрыть иронии в голосе:

– Любимое место, Эден?

– Сам постеснялся сесть? - оглянувшись, мило улыбнулась я.

Мы оба замолчали и обменялись выразительными взглядами.

Место действительно было замечательное: с первой парты открывался превосходный вид на грифельную доску и преподавательскую кафедру. Сиди и разглядывай лощеную физиономию Хилдиса, сколько душевненьке угодно. А ещё в конце осени, не помню, в какой именно день, но очевидно получше, чем сегодняшний, Форстад усадил меня на этот самый стол и минут пятнадцать, путаясь в ученических мантиях, мы предавались умопомрачительным глупостям, совершенно недостойным этих самых мантий, и с остротой понимали, что в любой момент в кабинет философии могли заглянуть. Подозреваю, вышел бы славный скандал, и нас снова превратили бы в героев графического романа.

– Как вчерашний урок высшей магии? – спросил он.

– Как видишь, закончился.

– Дин остался доволен? - изогнул бровь Илай.

С ума сойти! Уверена, это самая длинная беседа из тех, что мы вели за последние два месяца!

– Ревнуешь? – Я с наслаждением проследила, как заledenели светлые глаза.

– Сомневаешься? - копируя мой тон, протянул он и нарочито небрежным жестом накрыл широкой ладонью пальчики блондинистой соседки.

Клянусь, мы обе едва не скончались! Она от неожиданного счастья, я – от удушающей злости. Теперь мне было известно, что чувствует человек на пороге двойного убийства. Надо бы запастись лопатой на тот случай, если Форстад заведет настоящую подружку. Я буду искренне желать им счастья, закапывая обоих на каком-нибудь заброшенном кладбище...

В кабинет вальяжной походкой, никуда не торопясь и не следя за временем, вплыл довольный жизнью и, по всей вероятности, вкусным завтраком магистр Хилдис. Своим явлением он спас меня от ссылки в Рейнсвер за кровавую расправу над сыном высокопоставленного мага и прилюдной блондинки, вообще не понимающей, в какой замес попала, просто пристроив пятую точку на стул возле моего бывшего парня.

Лекция началась. От обычного мироустройства предмет отличался лишь тем, что нам предстояло целое полугодие читать о постулатах кучу невнятных сочинений философов, чьи потемневшие от времени пыльные портреты рядом висели на выкрашенной стене кабинета.

– К сожалению, я не успел закончить методичку с лекциями по философии мироустройства, - объявил магистр. – Она будет готова только к следующему году и сильно облегчит жизнь вашим коллегам. А вам...

Просто придется жить с этим знанием и мечтать когда-нибудь в другой жизни ее взломать.

– Придется записать перечень рекомендованных к прочтению сочинений.

Ну и это тоже.

К концу занятия рука устала пополнять этот самый перечень с непроизносимыми названиями и в самописном пере начали заканчиваться чернила. Пожалуй, если весь список употребить внутрь (не съесть, конечно, а изучить), то у нормального человека, не

страдающего никакими душевными болезнями, случится заворот мозгов.

– Друзья мои, подискутируем на тему, какие законы общества, помимо «не убей» и «не укради», стоило бы приравнять к постулатам, - предложил Хилдис и сложил руки на груди, ожидая оживленных обсуждений.

Народ замялся. В аудитории повисло выжидательное молчание: кому не повезет первому шевельнуться и привлечь внимание магистра? На мой взгляд, требовать от адептов здравых рассуждений, когда одна половина группы левым глазом спала, а другая половина – правой ногой стояла в столовой в очереди за стаканчиком бодрящего напитка, отдаленного напоминающего кофе, являлось верхом издевательства.

Был бы Ботаник с нами, пришел бы от задания в восторг. Подозреваю, что он давно написал собственный философский трактат, просто до поры до времени стеснялся явить сочинение миру. Но Флемм бросил учебу, оставил команду обездоленной, а академию без умопомрачительных теорий о мироустройстве.

– Не заводи отношений с врагом ближнего своего, - в тишине проговорил Илай.

Простите?! Это был даже не булыжник, а осколок скалы, брошенный в мой огород. Я буквально услышала, как под весом каменной глыбы к рейнсверским демонам развалился хлипкий плетень. Как не дернуть глазом?

– Я придумала ещё один постулат, – выпалила на одном дыхании. - Доверяй ближнему своему!

– Умные люди говорят: доверяй, но проверяй, – парировал Форстад.

– А ещё умные люди искренне сочувствуют моральным калекам с проблемой доверия, - огрызнулась я.

– Моральным калекам? – вкрадчиво проговорил он и очень чувствительно ткнул кончиком самописного пера мне между лопаток.

Подпрыгнув от неожиданности, я резко обернулась и встретила с тем самым особенным взглядом, которым Илай замораживал на лету ворон и бумажные птички-записки. От всей его фигуры исходил ледяной холод. Странно, что стол и блондинка, по какой-то мне совершенно не понятной причине прыснувшая в кулачок, не покрылись инеем.

– Кое-кто склонен верить тому, что увидел собственными глазами, - угрожающе высказался он. – И не раз.

– Кое-кому не мешает купить волшебные очки, потому что у него не только проблемы с доверием, но еще со зрением и восприятием окружающего мира! – разозлилась я, а блондинка захихикала. - Что смешного мы сказали?

– А? - восторженно сказала она, кажется, догадываясь, что Ведьма Эден мысленно приготовила лопату и приготовилась прорубить могилу в промерзшей земле.

– Молодые люди, я рад, что вы приняли близко к сердцу мое предложение подискутировать, но какое отношение к постулатам имеет затронутая вами тема? - вставил несколько озадаченный Хилдис в возникшей острой паузе.

– К слову пришлось, - разрывая зрительный контакт, ответил за нас обоим Илай.

Я отвернулась, чувствуя себя ни больше ни меньше рейнсверской мандрагорой, готовой покусать любого, кто случайно или специально вторгнется в мое личное пространство.

– Господа адепты, не бойтесь высказываться! – попытался приободрить аудиторию Хилдис, но песочные часы, отсчитывающие время занятия, рассыпались золотистыми искрами и прозвенел переливчатый колокольчик. Лекция закончилась. Уверена, теперь все сломают головы, по какой причине Ведьма погрызлась с главным красавчиком нашего потока.

– Друзья мои! – остановил Хилдис поспешные сборы. – В конце учебной декады жду от вас эссе на тему новых постулатов.

Народ зашелся недовольным гудением: учиться толком не начали, а уже письменные задания получаем.

– Удачи в новом полугодии! – пожелал магистр напоследок.

– Эден! – рявкнул мне в спину Форстад. Доругаться, что ли, желал?

– Свали за грань! – Я выскочила из проклятого кабинета, где мы когда-то с упоением целовались. Впрочем, еще задорно грызлись, выясняли отношения и даже расстались. Дурное, в общем, место. «Превосходно» за экзамен здесь точно не получишь. Надо бы достать храмовой водички и опрыскать углы.

Через пять минут я стояла в холле под доской объявлений, ежилась от сквозняка, налетающего каждый раз, когда открывались тяжелые

высокие двери на улицу и изучала новый список нашей команды. Могу с уверенностью заявить, что торгош Хилди полностью прав: удача нам не помешает!

Джер Бади.

Матильда Юри.

Аниса Эден.

Дин Дживс...

Почтовый голубь оказался в нашей компании победителей! Видимо, меня настигло птичье проклятие. Я поморгала, надеясь, что имя само собой изменится. Не помогло. Со зрением у меня всегда был полный порядок, в отличие от Матильды, без очков не видящей дальше собственного носа. Впрочем, носа тоже не видящей.

Коэл Брокс.

А другое имя, оказывается, имелось. В отряде непримиримых друзей прибыло. С другой стороны, чему удивляться? Никто не позволит нам проходить проверочные испытания в квест-комнатах впятером. Особенно, когда пятый – это сущая бездарность Дин Дживс! Божечки, как о нем подумаю, так сразу вспоминается грязный ковер и очень хочется почесаться.

Илай Форстад.

Перед мысленным взором вновь появилась каменная физиономия столичной принцессы, препарирующей меня острым как бритва взглядом и тонко намекающей на то, что ему изменили с Армасом.

Не колеблясь ни секунды, я вытащила из напоясной сумки самописное перо, встала на цыпочки и накарябала рядом с фамилией обидное «младший».

– Уверена, ты в курсе, что за порчу официальных приказов отправляют на отработку, – раздался за спиной ехидный голос Тильды.

– Это не порча, а восстановление справедливости, – буркнула я, закрывая перо колпачком.

– Слушай, борец за добро и справедливость, ты знакома с Броксом?
- Она кивнула на список.

– В прошлом полугодии у нас не совпадали лекции, – покачала я головой.

– Спрошу у Бади, – решила подруга, будто молчун Качок действительно пустился бы в пространные размышления о новом составе команды. На слова Джер Бади был исключительно скуп и вряд

ли за две седмицы превратился в невозможного болтуна. Подозреваю, максимум, что она добьется от здоровяка – это лаконичное «да» или категоричное «нет», без каких-то комментариев.

– Он приехал?

– И уже вкалывает в спортивном зале. Собираюсь с ним поздороваться. Думаю, он страшно соскучился.

– Вряд ли.

– Он просто об этом не знает, - хмыкнула Тильда.

Коридоры Дартмурта бурлили, воздух дрожал от какофонии голосов, а под высокими потолками мельтешили нервные птички-записки. Неудачливая бумажная летунья вмазалась в один из трех стягов факультетов, свисавших с потолка, и сверзилась Тильде на голову.

– И даже не к деньгам! – ругнулась подруга, суетливо поправляя скособоченные очки.

Между тем бумажная птичка встрепенулась, подскочила в воздух и принялась кружиться над нами. Стоило поднять руку, чтобы поймать надоеду, как она немедленно, словно издеваясь, взмыла к стягам и отлетела, подхваченная сквозняком. Возможно, отправитель рассчитывал, что получатель, задыхаясь от любопытства, начнет подпрыгивать и с азартом ловить ускользающее послание, как маленькая собачонка – бабочку.

– Ты ждешь писем? - уточнила я у подруги, рассматривая зарвавшееся письмо.

— Не-а.

– Я тоже.

Щелчок пальцами и птичка превратилась в растаявший без следа пепел.

– Мне пора на высшую магию, – начала прощаться я.

– С Дживсом? – уточнила Тильда, весь завтрак хохотавшая над моими жалкими потугами вбить в бездарность основы сложного предмета.

– С Армасом.

– Тогда почему к нам на полных парусах мчится Дживс? – ухмыльнулась она.

Я даже оборачиваться не стала, сразу рванула к лестнице, рассчитывая затеряться в толпе, а не объяснять кошмару любого

репетитора, что не собираюсь с ним заниматься. Особенно бесплатно.

Дин нагнать меня не сумел, зато нашла новая бумажная птичка. И снова на высоте прыжка. Только я собралась развеять записку по ветру, в смысле по воздуху, как она вмазалась в арку и, мигом растеряв магию, упала прямоком в руки. Даже напрягаться не пришлось. На ходу развернув коротенькое послание, написанное кривоватым почерком с мелкими завитушками, я почувствовала, что от удивления брови поползли на лоб.

«Команда! Общий сбор после занятий в аудитории №11 главного учебного корпуса! Коэл Брокс».

Он в своем уме?

— Ну да, бегу и теряю по дороге туфли, - без зазрения совести я скомкала листик и бросила себе под ноги. Бумажный шарик стремительно съезжился, почернел и с тихим хлопком рассыпался почти незаметной пылью, не достигнув пола.

В кабинет, пропахший острым запахом высшей магии, я вошла за несколько минут до начала занятия. К счастью, преподавательская кафедра ещё пустовала. В новом полугодии состав группы полностью поменялся, все расселись, но мое обычное место, что характерно, никто не занял. Видимо, народ отпугивала красноречивая надпись «ведьма» в самом центре столешницы. За столом, где раньше занимался Илай, уронив голову на сложенные руки, сладко дремал другой парень.

— Адептка Эден, ошеломлены выбором места? - раздался за спиной резкий голос Армаса.

— Извините, - пробормотала я, тут же пошагав по проходу, потом помедлила, оглянулась и добавила: — Здравствуйте, магистр.

— Доброе утро, - произнес он, глядя куда-то поверх моего плеча. - Адепт Корви-эрн! Я пожелал вам доброго утра!

Спящий эртонец вскинулся, захлопал красными глазами, спросонья не понимая, где находится, и вытер рот рукавом мантии. Поперек щеки у парня красовался красный след.

— Счастлив, что вы с нами, - объявил магистр, определенно пребывающий в отвратительном настроении, и начал раскладываться, словно не замечая, что в кабинете воцарилась почти мертвая тишина. Адепты боялись не то что шевелиться, даже дышать.

К слову сказать, с магистром мы больше не являлись *товарищами по команде*. Это обстоятельство, конечно, усложняло жизнь, но не

расстраивало. Армас привлекательный мужчина, даже на взгляд бывшей подавальщицы из провинциальной таверны, а пополнять слухами богатую копилку Дартмурта, тем более становиться главной героиней нового графического романа за придуманную интрижку с преподавателем, у меня – никакого желания.

В начале зимы он случайно узнал о моих астральных перемещениях по коридорам замка и пообещал помочь избавиться от странного недуга, но единственный урок по ментальной магии закончился безобразной сценой с Илаем. После двух седмиц душевных терзаний я решила отказаться от занятий и, издыхая от неловкости, будто что-то должна магистру, вернула книгу о раздвоении сознания. Думала, он потребует объясниться, но Армас не задал ни одного неудобного вопроса и с подчеркнутой холодностью забрал фолиант. «Хорошо», – не поднимая глаз, кивнул он. По-моему, единственное хорошее в этой странной ситуации, что с нервирующим наставничеством было покончено. Да и недуг полностью отступил, словно я никогда не перемещалась в пространстве.

Полугодие удалось закончить без дурацких приключений и с хорошими баллами, но экзамен Армас превратил в натуральное чистилище. Наверняка даже в Рейнсвере в окружении плотоядной флоры и кровожадной фауны было не так опасно, как перед магистром, сыплющим вопросами, заданиями и ехидными замечаниями. Как вспомню, так вздрогну. И это не фигура речи! По спине бегут мурашки и хочется почесаться. Зато теперь ни одна сволочь в академии, даже самая завистливая, не посмеет намекнуть, будто Аниса Эден пользовалась преподавательским расположением и незаслуженно получила «превосходно» по высшей магии.

Юркнув за стол, я вытащила учебник и конспект. Шуршание казалось кощунственным, но тише, пожалуй, устраивалась бы только мышка.

– Если все проснулись и наконец выбрали себе стол, – Армас полоснул острым как бритва взглядом, словно пытаюсь ментально разрезать пространство и открыть портал, – начинаем лекцию.

Он перевернул песочные часы, вспыхнувшие золотистым светом. В замке сам собой три раза провернулся ключ, запирая кабинет изнутри, а по грифельной доске затанцевал меловой стержень, выводя тему занятия.

И, казалось бы, бумажной птичке-посланнице в закрытую аудиторию никак не проникнуть, но она просочилась в щель под дверью и, похожая на коршуна, начала нарезать круги над моей головой. Один, второй, третий. Медленные, размашистые, настойчивые. Только слепец не заметил бы записки, а Армас видел превосходно. Он оборвался на полуслове и некоторое время наблюдал за посланницей. Суровый взгляд переместился на меня.

– Какое счастье, что бумажные птицы не гадают, - со знанием дела протянул он и группа, с трудом сдерживающая смех, разразилась облегченным хохотом, точно хлопнула шутиха и всех попустило. - Адептка Эден, поймите записку.

– Она не моя, - спокойно отказалась я от любых притязаний на кружащий над головой раздражитель.

– Но поймать придется, – настаивал он, хотя был способен одним движением брови превратить птичку в ничто. Кто-кто, а магистр высшей магии мастерски умел пользоваться сложным заклятьем разрушения.

– Можно ее спалить? - попросила я.

– Тогда вы не сможете ее зачитать, и мы умрем от любопытства.

Не надо – не умирайте. Иначе крошечная записка от Коэла Брокса войдет в учебники по истории как оружие массового уничтожения, убившее уважаемого магистра и группу неопитов, а ее создателя пафосно причислят к маньякам тысячелетия (уж об этом я позабочусь).

Стоило встать и протянуть руку, как птичка закономерно вильнула в высоту. Народ прыснул смехом. Я бросила на магистра быстрый взгляд : с непроницаемым видом, сразу и не скажешь, что издевался над бедной адепткой, сложив руки на груди, Армас следил за охотой на птиц. Он выгнул бровь : ловите, Эден, ловите; не стесняйтесь, так сказать, применять акробатические трюки.

– Я могу поймать, - вызывался эртонец.

– Спите дальше, адепт Корви-эРН, - намекнул магистр, что развлечение исключительно для растрепанной дамы, отвоевавшей на экзамене высший балл.

Подпрыгивая с вытянутой рукой, я чувствовала себя полнейшей душой и тихо ненавидела инициативного кретина, отправляющего записки, магистра, превратившего меня в главную шутку занятия, глумящихся одноклассников и заодно белобрысого придурка с

фамилией на литеру «эф». Если что, последний просто под раздачу попал.

– Ведьма, прыгай выше, - посоветовал кто-то.

Разозлившись, я щелкнула пальцами, птица вспыхнула ярким пламенем, заставив аудиторию испуганно охнуть, и развеялась в воздухе.

– Простите, перепутала заклятья, - нахально заявила я, вперив в Армаса прямой немигающий взгляд.

– «Отвратительно» за сегодняшнее занятие, – спокойно объявил магистр. - Садитесь.

Я не сдвинулась с места и по-прежнему стояла в проходе.

– Будете заниматься стоя или не согласны с моим решением? - вкрадчиво уточнил Армас.

– Не согласна.

Следом за тихим вздохом ошеломленных зрителей по кабинету разнесся переливчатый сигнал об окончании занятия, похожий на треньканье маленького колокольчика.

– Все свободны, - объявил Армас и бросил на меня хмурый взгляд: – Адептка Эден, подойдите.

Собрав вещи, я направилась к преподавательской кафедре. В коридор, перешептываясь и оглядываясь, потянулся народ. Пришлось дожидаться, когда кабинет опустеет. Дверь сама собой захлопнулась. В тишине грохот отразился от стен.

– Я ставлю вам ещё одно «отвратительно», – объявил Армас в тишине.

– За что?

– За дерзость. Есть вопросы?

Воспитавшая меня тетка Надин любила приговаривать, что наглость – второе счастье. Раз заработала шальной кол за дерзость, так грех не воспользоваться.

– Есть, - спокойно кивнула я. - Как мне отработать «отвратительно»?

– Хотите отработать только одно? – с деланным уточнил он.

– Первое вы поставили нечестно.

– Вы перепутали заклятья, – напомнил Армас.

– Какие? - быстро спросила я.

На справедливый вопрос у Армаса ответа не нашлось.

Неожиданно на привлекательном лице мужчины расцвела улыбка, на щеках появились преступно-милые ямочки.

– Победила, - проговорил он.

Аудиторию я покидала с заданием просчитать заклятье для обездвиживания зачарованных предметов и большим желанием прикопать Коэла Брокса. Приобретение лопаты было делом решенным. Не рыть же могилки совочком для рыхления почвы в ведре у кусачего куста.

В коридоре меня нагнала очередная записка. Не пытаюсь изображать из себя благородную девицу, какой и в лучшие дни не была, я сбила птичку учебником по высшей магии и не пожалела перемены на колдовство.

Тот, кто утверждал, что бумажные птицы не гадили, просто не умел их правильно, с огоньком и воображением, зачаровать! Я выплетала заклятье от души, вкладывая в каждое слово накопленное раздражение. Под конец перерыва бумажная птичка, словно комета с черным хвостом, заскользила под потолком в сторону Коэла Брокса. Лучше бы новенькому владеть высшей магией ловчее Дживса и уничтожить послание еще на подлете, ведь от воды пепел приобретал ярко-синий цвет и оттирался только эликсиром для смывания стойких чернил.

О восхитительном в своей мерзости заклятье я узнала еще в школе. После эксперимента три дня пыталась отскрести руки и поклялась использовать только на кровных врагах. Коэл Брокс обладал поистине впечатляющим талантом раздражать людей, если еще до официального знакомства умудрился перейти в их категорию. Но знаете, что самое интересное? Непрозрачный намек притвориться тенью, не умеющей держать в руках самописное перо, он понял только со второй возвращенной записки! Потрясающая незамутненность.

Последняя лекция по истории проходила в соседнем корпусе, где обычно занимался факультет общей магии. Тильда и Бади уже сидели в центральном ряду, подальше от преподавательской кафедры. Не успела я поздороваться со здоровяком и пристроиться на широкую скамью, как подруга с нажимом спросила:

– Сколько?!

– Чего? - осторожно уточнила я и присела на самый край лавки во избежание, так сказать. У Матильды торчали в разные стороны косы, а очки воинственно блестели.

– Сколько это чудо от слова чудовище прислало тебе писем?
– А ты об этом... – расслабилась я. – Пять.
– Всего-то!
– Считаешь, мало?!

– Шестнадцать штук! Он шестнадцать раз объявил, что ждет нас после занятий! – прошипела Тильда. – Клянусь, он сжует каждую проклятую бумажку и проглотит без воды!

– А тебе? – спросила я у Бади.
– Не считал, – коротко ответил он, но на лице вдруг дернулся мускул.

Что сказать? Истинный талант! Довести до нервного тика нашего непрошибаемого здоровяка надо уметь! Невольно я оглядела лекционную на предмет свободных мест. Если вдруг в середине занятия у Джера сдадут нервы из-за какой-нибудь ерунды, скажем, в самописном пере не вовремя закончатся чернила, то произойдет большой взрыв. В этом случае предпочитаю находиться подальше от эпицентра...

– Как тебе удалось остановить почтовый апокалипсис? – с упреком в голосе, словно от нее скрыли какой-то очень важный секрет, спросила Матильда.

– Дала понять, что не стоит впустую тратить бумагу.
– И недоделанный почтальон послушался?
– Ты знаешь, я умею быть убедительной.
– Что ты сделала? – несколько поостыла подруга.
– Наслала проклятье городских голубей, – туманно пояснила я, но тут же мстительно добавила: – Очень прилипчивых, непуганых голубей.

По всему было заметно, что Тильду распирало от любопытства, но в лекционном зале появился магистр истории. По рядам прокатилась последняя судорога шепотков и наступила выжидательная тишина. Преподаватель не обращал внимания, если кого-то из слушателей усыплял его монотонный голос, даже позволял сладко подремать, но не выносил разговоров в аудитории. Все должны были дрыхнуть в гробовой тишине! Не дайте боги всхрапнуть. Поприветствовав адептов, он перевернул магические часы и начал лекцию по истории разломов.

Вопрос о том, идти на общий сбор или на обед, не стоял. У каждого из нас имелись причины, чтобы лично познакомиться с парнем, сумевшим напрячь даже невозмутимого Бади. Подозреваю, новенький

того и добивался.

В небольшой аудитории, где у факультета общей магии, если верить латунной табличке на двери, проходили занятия по заговорам, столы были сдвинуты к стене, а в центре расставлены кружком шесть деревянных стульев.

– Присядем, - воинственно процедила Тильда.

Ожидая явление Коэла Брокса во всей красе, мы расселись. Вернее, я ожидала его увидеть во всей красе, а Тильда, подозреваю, задумала натравить Бади и скоромить записки. Одну за другой, без воды.

Дверь отворилась. Не сговариваясь, мы выпрямились на стульях, но в аудитории появился Илай. Он успел избавиться от мантии и являл собой образчик модника, одевающегося у лучшего портного столицы. В его руках был увесистый учебник по философии.

– Это что за кружок дружбы? - удивился вновь прибывший.

– Мажор, сколько тебе прислали записок? – без приветствий рявкнула Матильда.

— Ни одной, – отозвался он. - Брокс пригласил меня лично.

– И поэтому ты явился? – фыркнула она.

– Нет. - Он приблизился ко мне и протянул книгу : – Эден, ты забыла на философии.

– Спасибо, – буркнула, не поднимая головы и забрала книгу.

Божечки, надо быть такой дурой? Утром я решила, будто он хочет насладиться очередным скандалом, даже злорадствовала, что лишила Форстада удовольствия, а оказалось, учебник – растеряха – забыла.

Обменявшись с Бади дружеским рукопожатием, Илай занял один из свободных стульев : расслабленно вытянул ноги, скрестил руки на груди. Устроился как раз напротив меня и теперь не спускал странного взгляда.

– Останешься? - удивилась Тильда.

– Разве можно пропустить общий сбор команды, скажи, Эден?

– Ты видел Брокса? – вскинулась я.

– Столкнулись в общежитии... – с трудом сдерживая ухмылку, кивнул он.

Дверь открылась. Все приготовились к явлению энергичного почтальона, но в кабинет вошел Дживс. Не обращая внимания, что к нему оглянулся целый квартет, он выпалил:

– Ведьма! Попалась!

– Даже не начинай, Дживс! – отрезала я.
– Ты должна мне помочь! – настаивал он.
– Из нас двоих именно ты мне должен, – огрызнулась я. – Денег за уроки!

– Какие высокие отношения, – издевательски протянул Илай.
– Подождите с отношениями! – сквозь зубы процедила Матильда. – Дживс, сколько он прислал тебе записок?!

– Кто? – даже притормозил Дин.
– Рейнсверский крикун, демоны его дери! – разъярилась она. – Зануда Брокс!

— Не понял : крикун, зануда или Брокс?
– Просто забудь, – прикрыла глаза Тильда, видимо, мысленно стараясь досчитать до десяти, но вдруг снова ошетибилась: – И что, вообще записок не было?

Дживс обвел нас непонимающим взглядом:
– Откуда я знаю? Мне все время пишут. Приходило что-то.
– Тогда как тебя загнали на наши посиделки? – не унималась она, начиная подозревать, что новенький доставал только нас, а неприкосновенных беспокоить побоялся.

– А где ещё поймать Ведьму?
Он шустренько плюхнулся на стул рядом со мной, широко расставил ноги.

– Штаны жмут? – с намеком, что неплохо занимать места поменьше, недовольно покосилась я на худые ноги, обтянутые узкими по последней столичной моде порточками.

– Прости, – пробормотал он, с трудом сводя колени, и заерзал на стуле в поисках удобной позы. Штанины-стручки действительно поджимали, а ноги, как два однополярных магнита, стремились оттолкнуться и разойтись в разные стороны.

– Какая чудесная дрессировка, – едва слышно процедила Тильда и разразилась возмущенной тирадой : — Не пойму, он слал записки только мне? Потому что я в очках, да? Скажите, да?! Думал, если я в очках, то не прочту с первого раза?!

За разговором мы не заметили, что в кабинет неслышно проник еще один человек. Высокая фигура, закутанная в широкий черный плащ с глубоким, закрывающим лицо капюшоном, возвышалась на пороге. Казалось, что он вынырнул из воздуха. С изумлением мы наблюдали за

неподвижным прищельцем и ждали, когда он пошевелится, подаст какой-нибудь знак... Ну или просто подаст голос.

– Изображаешь королевского палача? - громко спросила Тильда.

– Прежде чем я навсегда покину вашу команду, - прозвучало приглушенное плотной тканью приветствие, - ответьте на вопрос...

Он стянул с головы капюшон. Зачесанные назад волосы были яркосиними, только на висках колосились светлые жиденькие бакенбарды. Худое блеклое лицо с большим носом, торчащие большие уши и даже шею с выпирающим кадыком покрывали такие же синие кляксы.

– Чем это отмыть?! – с истеричными нотами спросил он.

Новенький отчаянно напоминал пятнистого рейнсверского *папеля*, демона, похожего на собачку с сине-желтым окрасом, страшно хищную, просто хуже скиффолса, но я его узнала. В смысле, парня. С папелем, слава богу, познакомиться не посчастливилось, только в столичном зоопарке со стороны посмотреть, а с Броксом в прошлом полугодии у нас совпадали занятия по боевой магии, положив руку на сердце мало отличавшиеся от посещения зверинца. Долговязый парень обычно трусил по беговой дорожке вместе с Ботаником, вернее, перед ним – за счет длинных ног. Может, еще являлся почетным членом исторического клуба.

– Узнаю почерк... – ошарашенно проговорила Тильда.

– Приятель, ты точно не затеряешься в толпе! – Дин не удержался и захохотал, как буйно помешанный в стадии острого обострения. Схватился за живот, согнулся пополам, потом подавился, закашлялся. В общем, Дживс всегда оставался таким Дживсом.

– Божечки, мне даже злиться за шестнадцать записок неловко, - проговорила Тильда.

– Смешно вам? – обиделся Коэл. - Между прочим эта гадость не оттирается!

– Эликсиром от водостойких чернил должна, – подсказала я.

Пострадавший впился в меня ненавидящим взглядом:

– Мне придется выкупаться в эликсире!

– Подсказать адрес алхимической лавки, где его продают в разлив? – изогнула я брови.

– У меня начинается удушье на любые эликсиры! – обвинительно воскликнул он.

— Ну... сочувствую.

– Извиниться не хочешь? - Коэл помахал рукой у себя над головой, давая понять, что возмущен фантастической окраской волос.

– А ты? - быстро спросила я. - Полагаешь, что закидывать народ записками отличная идея? Из-за твоих выкрутасов меня наказали дополнительным заданием по вышке.

– Опыт показывает, что после одного объявления на сбор никто не приходит, - проворчал он.

– С ума сойти, он такое уже проделывал! – охнула Тильда, не обращаясь ни к кому конкретно. - И кости все еще целы. Везунчик!

– Кстати, товарищ по команде, ты зачем вторую записку прислал? - полюбопытствовала я. – Первой не хватило?

– Спрашивал, как отмыться! Считаешь вот это – адекватным ответом? – скривил он физиономию в премилую крапинку.

– Вполне. Ковыряться с расчетом мне придется дольше, чем тебе отмываться.

В кабинете повисла выжидательная пауза. Новенький шумно сопел, видимо, пытаясь придумать, как переговорить девицу, известную ершистым нравом, и не заработать новую гадящую птичку. Я скрестила руки на груди и молилась богам, чтобы появился повод заставить посиневшее чудо от слова чудовище, как точно подметила Тильда, сжевать хотя бы одну записочку, пусть и самую маленькую. Ладно, согласна на половинку, но тогда точно без воды!

– Форстад, согласишься, что слушать, как Ведьма ругается с кем-то другим – это музыка для ушей, – чрезвычайно громко зашептал довольный, как зацвётший арауст, Дин в сторону лучшего друга.

— Не оглохни, меломан, - буркнула я.

– Как тебя люди выносят? - невпопад огрызнулся Коэл, словно догадавшись, что рисковал оказаться накормленным бумагой, и обвел ребят возмущенным взглядом : – Как вы ее выносите?

– Вообще мы ее обычно не выносим, она сама неплохо ходит, – ответила Тильда и обратилась ко всем сразу : – Если мы закончили знакомиться и не собираемся устраивать групповые чтения, то давайте свернем кружок войны. Очень есть хочется.

Подруга резво поднялась, следом Бади. Я задерживаться тоже не собиралась, повесила на плечо сумку, зажала под мышкой учебник по философии и напомнила себе, что нельзя таращиться на Форстада, а то жизнь не наладится.

– Добро пожаловать в команду, - уронила Тильда, проходя мимо новенького, несколько ошарашенного сплоченным побегом. - Кстати, плащик оставь, на весенний праздник грозят устроить маскарад.

– Вы что... – запнулся Коэл. – Вы все запросто уйдете?

– У Бади режим питания, - объявила она, давая понять, что остановить здоровяка способен только перелом ноги, да и тот ненадолго.

– А как же столы?

– Кто перестановку затеял, тот ее и заканчивает, - объявила я главный постулат мироустройства в нашей компании. К слову, правило почему-то никогда не работало, но звучало на редкость обидно.

– Но мы же команда! – возмутился он.

– Синий, ты же собрался нас кинуть, - спокойно напомнил Илай.

Они с Дживсом составить компанию посиневшему товарищу по команде не захотели. Оба насладились знакомством и пожелали удалиться. Как всегда, лучше всего у нас получалось коллективно покидать помещения.

Неожиданно Бади помедлил возле новенького, по-братски сжал ручищами прикрытые плащом узкие плечи и, склонившись, заглянул в глаза.

– Коэл Брокс...

– Так меня зовут, – оторопело кивнул тот.

Мы-то привыкли к манере Джера всех старомодно называть по имени и фамилии, но остальные всегда пугались. Не спорю, звучало угрожающе, особенно когда эти самые имя-фамилия были произнесены вкрадчивым низким голосом коротко стриженного здоровяка ростом под дверную притолоку.

— Никаких записок.

– Даже если я хочу узнать что-то важное?

– Никаких, – голос Бади стал тише, а потому еще страшнее.

– Я понял, - едва слышно проблеял Коэл.

— Никогда.

Клянусь, после такого предупреждения я не только забыла бы, как сворачивать бумажных птичек, но даже опасалась бы взять руки самописное перо.

ГЛАВА 3. Давай поспорим

Ночной буран перерос в обильный снегопад. Снег сыпал густо, сердито, не щадя окрестностей и наплевав на потуги городских дворников, привести улицы в порядок.

По оконным стеклам стекали тонкие ручейки талой воды, на широком каменном подоконнике собиралась лужица, страшно бесящая кусачий кустик. Маграция, которая рейнсверская мандрагора, похожая на маленького малинового человечка с цветочком на макушке, засела в ведре и с подозрением водила по воздуху сомкнутым бутонem. Талая вода кустик не интересовала – как пьянчуга со стажем он желал приложиться к согревающей растирке.

Где-то в замке после сбора кружка войны пытался оттереться от синей краски Коэл Брокс. Мои лучшие друзья скорее всего занимали места в столовой, забитой адептами по случаю дурной погоды. А я беззвучно открывала рот, не в силах даже выругаться, ведь крупная яркая надпись на стене, как раз над кроватью, лишала дара речи.

«Помоги!»– кричала каменная кладка черными скачущими литерами с жирным восклицательным знаком. В самом конце рука вандала дрогнула, искренне надеюсь, что от сожаления,и точка вытянулась в неряшливый хвостик.

Демоны меня дери, если я с первого раза не угадала имя варвара. Ведь не побоялся взломать дверь и испоганить чужую стену. По-мо-ги?! Теперь разве что закопаться в сугробе! Надо было с утра позволить девчонкам сдать этого недомага Дживса зрителю!

Кипя от возмущения, я забралась на кровать и, смятая аккуратно застеленное казенное покрывало, попыталась стереть надпись с помощью магии, но не добилась ровным счетом никакого результата. Литеры не только не стерлись, но, кажется, сделались чуточку ярче и покрылись приятным глянцем. Оставалось с прискорбием резюмировать, что стену придется покрасить заново. Желательно тихонечко, чтобы не заметил зритель, иначе конский штраф неминуем.

– Отомстим и успокоимся! – уперев руки в бока, провозгласила я собственный постулат мироустройства и добавила : – Согласен, кустик?

Любопытный малиновый человек-корешок, слепо выглядывающий из ведра на подоконнике, резко раскрыл махровые лепестки и согласно ощерил клыки-иглочки. Я соскочила с кровати, поправила покрывало. В воздухе засветилось наколдованное зеркальце и из напоясной сумки было вытащено пустое самописное перо...

Через пятнадцать минут, когда в моем сознании возмутительная надпись практически превратилась в часть скудного интерьера, в дверь постучали. Я открыла. На пороге, сунув руки в карманы, стоял Форстад. На капризных губах играла ленивая полуулыбка. Он выглядел жутко довольным, даже захотелось сказать какую-нибудь гадость.

– Неожиданно, - честно призналась я. - Пришел навестить кустик?

– Я свидетель.

– Чего, позволь узнать?

Секундой позже появился перекошенный и белый от ярости Дживс с зачесанными на лоб вихрами.

– Ты чокнутая злобная ведьма! – прорычал он, указав в меня трясущимся пальцем, и попытался протиснуться в комнату, но дорогу ему спокойно перекрыл Форстад.

– Говорите здесь.

— Нет уж, пусть проходит, - проворчала я. – Зря, что ли, приветик отправляла?

– Приветик?! – взвыл Дин и, резким движением подняв вихрастую челку, рявкнул: – Вот это ты называешь приветом?!

Поперек лба, похожие на татуировку, прочертились три крупные литеры с замечательным восклицательным знаком. И нет, бездарь был помечен не тем словом, о каком сейчас все подумали, хотя в сложившихся обстоятельствах оно уместно. Он красовался емким ответом на просьбу о помощи :«нет». Коротко и понятно даже Дживсу. Не спрашивайте, как я отправляла это магическое послание, вспоминать стыдно.

– Главное, за что?! – орал он, как ненормальный.

– Вообще не понимаешь? - быстро переспросила я. - Ты написал на стене в моей комнате. Я тоже написала у тебя... на стене. Такой полноценный диалог. Все честно.

– Какая стена? Она вообще рехнулась? - моргнул Дживс и обернулся к другу, следившему за скандалом с таким удовольствием, словно слушал чарующую оперу в столичном театре на Каменной.

Моему возмущению не было предела!

– Хочешь сказать, что надпись написала себя сама?

Я открыла пошире дверь и собралась предъявить непотребный акт вандализма, доказывающий, что в ближайший час Дживсу придется превратиться в маляра-самоучку, если он не хочет превратиться в закопанный в сугробе труп, но побеленная стена над кроватью оказалась девственно чистой. Ни намек на кривоватую наскальную живопись, ни единого крошечного мазка!

– Куда она делась? – изумленно пробормотала я, чувствуя себя безумнее блаженной бабки Лилиас. Прошлым летом она вопила перед теткой таверной, что в следующем году мы все всенепременно умрем во время раскола грани, окажемся сожранными скиффолсами, потоптанными игуанодонами, а она выживет, потому что умная и красивая.

– Ты – демоны дери – издеваешься, Ведьма! – прошипел Дживс. – Это даже для тебя через край!

Не поспоришь... Выходит, что бедняга пал жертвой моей то ли фантазии, то ли забористой галлюцинации.

— Но надпись только что была здесь! – указала я на стену. – Прямо над кроватью!

– Да неужели?!

Дживс, не поверишь, сама в шоке!

– В качестве компенсации я научу тебя передавать и тушить «приветики». Что скажешь?

– Что ты меня ещё лист в красный цвет толком не научила перекрашивать! – рыкнул вандал, который, как выяснилось, вандалом не являлся.

– Ладно, тогда Форстад уберет, – пожала я плечами, мол, добрых дел не навязываю и в феи с прозрачными крыльями не записываюсь.

С ошарашенным видом Дин повернулся к лучшему другу:

– Ты мог потушить надпись?!

– Я решил, что у вас с Ведьмой практика по высшей магии, – нахально заявил он, даже бровью не поведя.

К слову, в комнату Илай так и не зашел, будто у порога была проведена красная линия, запрещающая проникать в жилища бывших девушек. Следил за цирком из дверного проема, привалившись плечом к косяку.

– Дживс понял, что лучше сам будет готовиться к экзамену. Правда? – с нажимом спросила я у парня.

– Ну... – Он шмыгнул носом.

– Давай сюда свой лоб. Превращу тебя в нормального человека и иди с богом, – щедро предложила я и попыталась дотянуться до разрисованной физиономии. Парень отпрянул и, не позволив прикоснуться, с подозрением уточнил:

– Точно уберешь?

– Считаешь меня рейнсверским монстром?

– Нет, обычной ведьмой.

– Я взяла на пять минут перерыв от причинения зла, – уверила я, что ничего плохого не случится. Если, конечно, он не начнет отбиваться.

– Причинение добра меня пугает больше, – пробормотал Дживс и охнул, когда я шлепнула его по лбу. – Нежнее нельзя?! У меня голова, между прочим, неказенная.

– Нежнее тебе Форстад будет магию тушить, – фыркнула я, следя за тем, как постепенно таяли буквы. – Все. Теперь ты чище, чем был с утра.

– Жжет, – словно маленький ребенок заныл Дживс, потирая лоб, и проверил пальцы, словно магическую надпись ему нарисовали обычными пачкающими чернилами.

– Попроси лучшего друга, что бы подул, – фыркнула я.

Парни странно переглянулись и оба быстренько отвернулись. Невольно представилось, как Дживс, пряча глаза, приподнимает челочку и подставляет лобик, а Форстад, вытянув пунцовые губы уточкой, нежно дует на невидимый ожог. В страшном сне такое привидится – в кровать ложиться побоишься. Поменяешь подушки, попрыскаешь храмовой водичкой на матрац и под ним, но в итоге предпочтешь спать на половике в проходе.

– Вообще, Ведьма, теперь ты мне кое-что должна, – заявил Дживс.

– Уточни? – охнула я, поражаясь людской наглости. Каждый раз одна и та же песня: позволишь аристократам чуточку прихлебнуть из тарелки, а они слопают еду до последней крошки и еще потребуют бесплатной добавки. Воплощение жадности, а не люди!

– Как же компенсация морального ущерба! – выпалил он и боязливо покосился на Форстада, словно проверяя подстраховывает ли

приятель на тот случай , если девушка взбесится и натравит кусачий куст. Мандрагора, к слову, уже давно высовывала из ведра цветов и готовилась ощерить клыки , если незнакомое двуногое существо попытается приблизиться к чужой территории. Оно – существо, – конечно, пока не пыталось, но травянистый хищник бдительности не терял.

– Какая ещё компенсация, труп Дживса?

– Я теперь посмешище всего факультета! – плаксиво поделился он обидой. – Твоя надпись появилась, когда я с парнями в столовке был! Знаешь, как ржали?

– Не-а.

– Как кони! Форстад не даст соврать.

И хотя мне было в высшей степени ровно, что Дживс превратился в самую смешную шутку сегодняшнего обеда, я все равно покосилась на Илая, словно хотела подтверждения. С трудом пряча издевательскую ухмылку, он кивнул.

– Вот оно что... – протянула я. – Извинения – достаточная моральная компенсация?

– Шутишь? Я требую помощи в подготовке!

– Ты не в том положении, чтобы требовать, – развела я руками. – Сначала верни, что уже должен.

Дживс надулся и потеснил меня в проходе, чтобы с гордо-обиженным видом покинуть ведьмовское логово.

– Ладно, Дин, это даже к лучшему, что Эден отказалась. Найдешь кого-нибудь приличнее, – лениво протянул Илай, вроде бы поддерживая приятеля.

И что-то так зацепил, принцесса столичная, сил нет!

– Я прекрасный репетитор! – огрызнулась, оскорбленная в лучших чувствах.

– Как скажешь, – небрежно согласился он.

– Божечки, и зачем я пытаюсь что-то доказывать зашоренному аристократишке? – буркнула я, делая вид, будто не обращаюсь ни к кому конкретно.

– Зашоренный аристократ? – вкрадчиво повторил Илай.

– Ты этого даже признать не можешь.

– Пospорим? – вдруг предложил он, как зубастый пятнистый папель, вцепившись в мои слова. – Если Дживс получит «отлично», то –

так и быть – я согласен признать себя... Как ты там сказала?

– Шовинистской сволочью, - услужливо подсказала я. – Но спорить ради того, чтобы ты признал правду, неинтересно.

– Предложи ставку, – его глаза блеснули азартом.

– Например... На бал в честь первого дня весны ты наденешь золотое платье, туфли на каблуках, нацепишь корону и при всей академии признаешь себя придурком, не видящим дальше собственного носа.

– Уф-ф, – издевательски выдохнул Илай. - Это было жестоко, Эден.

– На правду грешно обижаться, Форстад, - пожала я плечами.

– А что если Дин не получит «отлично»?

– Эй, ты вообще мне друг или кто? - возмутился Дин.

– Если не получит, - с нажимом проговорил Илай, пропустив мимо ушей недовольное фырчанье приятеля, – то золотое платье с короной на праздник наденешь ты и всем объявишь, что я самый умный, привлекательный, сексуальный...

– И ко всему прочему такой скромный, что зубы сводит, - съязвила я.

– Идет! – Он щелкнул пальцами, в воздухе посыпались золотистые магические искры. - Принимаю ставку.

– Какую ещё ставку? - опешила я. - Не собирается никто с тобой спорить! Можно подумать, мне нечем больше заняться, только целую декаду бесплатно терпеть твоего приятеля.

– Пока что только я от тебя натерпелся, – проворчал Дживс голосом помершего десять лет назад дядюшки, объявляющего, что он еще с нами и слышит все неприятные разговорчики.

– Струсила, Эден? - насмехался Илай. - Просто признай, что репетитор из тебя никудышный.

– По рукам! – выпалила я неожиданно даже для самой себя. – Принимаю ставку!

Не отводя глаз, мы обменялись рукопожатием. Илай указательным пальцем погладил мне запястье. Возможно, он не хотел, чтобы приятель заметил необъяснимого даже для меня нежного касания, но на коже предательски вспыхнул знак Дартмурта, наносимый всем адептам во время церемонии посвящения. Мы немедленно расцепили руки. Этот маленький жест запутывал наши непростые отношения ещё сильнее.

– Я чего-то не понял, - с искренним недоумением проговорил Дин,

- вы на меня поспорили?

– Вроде того, - согласился Илай. - Идешь?

Парни удалились, оставив после себя странную тишину. В ушах звенело, точно бы мы полчаса орали друг на друга, как оглашенные. Я слушала этот самый звон и медленно осознала, что снова, как глупая золотая рыбка, позволила втянуть себя в нелепое пари.

– Дживс! – заорала я, словно он все еще мог услышать требовательный вопль. – Вечером на урок!

Тайна настенного послания оказалась раскрыта тем же вечером, когда мы с Дином на пару брали штурмом заклятия высшей магии. Я училась обездвиживать предметы, а парень с разнесчастным видом зубрил закон об изменении форм.

Победить злосчастное колдовство мы оба оказались не в силах. У Дживса мстительно не распрямялся скомканный бумажный лист, а меня игнорировали пролетающие мимо птички-записки. Ни одна, даже самая маленькая и корявая, даже с разорванным крылом, не пожелала парализоваться! В сердцах я сожгла парочку, посыпав себе голову пеплом. Дину тоже досталось. Символизм жеста он не оценил, но только принялся ворчать и скрипеть, как в зал для общих занятий ворвалась Тильда.

Она зло громыхнула учебниками о стол и пронзительным голосом, наплевав на многозначительное покашливание дежурного, заявила, что ее дверь осквернили некрасивым ругательством. Более того она накрыла вандалов на месте преступления, в смысле, с банкой краски в руках посреди коридора! Ими оказались неофиты из академического тайного общества, о существовании которого знали даже мыши в замковом подземелье.

Новобранцам устроили очередную проверку, а страдали мирные жители общежития. Судя по всему, моя «темная башня», после первого пришествия существовавшая в относительном мире, тоже попала под раздачу. Клянусь, если бы доморощенные «братья» изрисовали мои стены несмываемой краской, то висеть им всем тайным обществом в суровый мороз на флагштоке вместе или вместо академического знамени. Костями легла бы, но заставила взбираться!

Следующие два дня у нас с Дживсом прошли под общим лозунгом: «не хочешь – заставим, не умеешь – научим». На третий день, вернувшись после занятий, я обнаружила на ручке своей двери

золотистую корону с острыми разновеликими зубцами, словно вырезанными ножом на глаз. На одном из острых «клыков» была пришпилена записка, написанная рукой Форстада: «Угадал с размером?».

– Белобрысая сволочь!

Чувствуя неладное, я сдернула ощеренную жестянку и направилась лично вернуть дарителю. Оригинальный головной убор хотелось сунуть ему в зубы или натянуть на шею, как строгий ошейник, но шутник предусмотрительно спрятался и на стук не открыл. Пришлось нацепить корону на ручку, а на обратной стороне записки накарывать злобное: «Жмет!».

Вечером выяснилось, что дурное предчувствие не подвело: Дживс не появился в общем зале для занятий! Время шло, я ерзала на стуле и бросала негодующие взгляды в открытые двери. Дин как сквозь землю провалился.

– А я говорила, что он сломается, - съехидничала Тильда и бросила Бади, что-то переписывающему из учебника по истории: – Ты мне должен сорим.

– Они еще и поспорили, – буркнула я, вытащила из напоясной сумочки пустое перо и наскребла на ладони «приветик» Форстаду: «Где твой друг?!».

– На вечеринке?! – возмущенно охнула я, прочитав вспыхнувшее послание.

На кону, можно сказать, стояли девичьи честь и гордость, а неуч посмел загулять?!

– Где-то идет вечеринка? - заинтересованно подняла голову подруга.

«Хозяйственная башня», - словно на расстоянии услышал и ответил Илай.

Следом на руке засветилось сочное ругательство, одно из тех, что в приличном обществе говорили или почти беззвучным шепотом, или вообще мысленно, зато от души. Я продемонстрировала ладонь и любезно уточнила:

– Поможете разрисовать Мажору дверь?

– Он тонко намекает отвалить? – удивилась подруга. - Бесстрашный!

– Бессмертный, – поправила я.

– Это пароль, - прогудел Бади, останавливая меня от порчи общежитского имущества ради сиюминутной мести.

– Откуда ты знаешь? – не поверила я.

– Приглашали, – кивнул он.

– Не пошел без нас? - умилилась Тильда.

– Устав запрещает.

– Мог бы и соврать!

Пока подруга вдохновенно спорила с молчуном, умело вставляющим в нужном месте междометия, отчего складывалось ощущение полноценного диалога, я решительно захлопнула учебник и сложила перья.

– Ты куда? - удивилась Тильда.

– Выигрывать спор, - мрачно объяснила я. Вот выловлю Дживса и верну на путь знаний! Даже если он отчаянно хочет веселиться и не разделяет моих убеждений, что лучшее развлечение – это высшая магия в любых ее проявлениях.

– Идем вместе! Всю жизнь мечтала побывать на тайной вечеринке адептов! – Подруга принялась шустренько собирать вещички. – Бади, забережь наши книги?

– Девы! – Он с грохотом отодвинул стул, заставив нас удивленно переглянуться.

– Ты чего буйствуешь?

– Сопровожу, - миролюбиво пояснил Джер.

Потенциальный носильщик захотел выступить в роли телохранителя и пришлось вернуться в общежитие, чтобы оставить учебники. Когда я спустилась в холл, то нашла только Бади, терпеливо ожидающего нашего появления. Тильда появилась минут через двадцать, одетая в новое платье и с накрашенными губами. Спускалась подруга с видом королевской особы, но цепко хвататься за перила не забывала, что бы не скатиться кубарем нам под ноги.

– Что? - воинственно вздернула подбородок она, утопая в облаке жасминового аромата.

– Ты даже надушилась! – проворчала я.

– Мы идем на вечеринку.

– Не знаю, куда идешь ты, а я собираюсь на подпольный кутеж, что бы спасти Дживса от похмелья.

– Слушай, сестра милосердия, моя матушка говорит, что в девушке

в очках должны быть красивыми хотя бы платье и аромат, - парировала новообращенная кокетка.

– И именно сейчас ты прислушалась к ее ценному совету, - огрызнулась я, почти уверенная, что обнаружу подопечного в том счастливом состоянии, когда с вечеринки его выйдет изъять, разве что вынеся на закорках.

– Аниса Эден! – оборвал меня Бади. - Не завидуй.

– Ты всегда ее защищаешь, – обиделась я.

В хозяйственных башнях, куда никто, кроме голубей, летучих мышей и, пожалуй, кастеляна, лишний раз не заглядывал, живое тепло не пробуждали, холод стоял нечеловеческий. В общем, как на улице, разве что снег не скрипел под ногами. От дыхания в стылый воздух вырывались облачка жидкого пара. Волшебные светляки в лампах впали в летаргический сон и не реагировали на движение, подниматься к складу старой мебели приходилось в потемках.

Перед низкой деревянной дверью с железными заклепками и наглухо закрытым смотровым окошком тряслись от холода три девчонки в разноцветных тонких платьях.

– На вечеринку? – с надеждой в голове простучала зубами та, что была в красном. - Мы стучали, стучали...

– Ага, стучали очень громко, – подхватила другая.

– Стуч... – попыталась третья, и я ее перебила:

– В общем, пароль не знаете.

– А нужен пароль?! – изумились девчонки, видимо, осознавая, что рисковали покрыться инеем от макушек до пяток раньше, чем им кто-нибудь сподобился бы открыть .

– Дамы, - прогудел Бади, заставляя девчонок потесниться. Они сбились в яркую стайку, шмыгали замерзшими носами и с надеждой смотрели на спасителя. С решительным видом тот взялся за кольцо, заменявшее ручку, а заодно дверной молоток, и с сосредоточенным видом замер, буравя толстую дверь хмурым взглядом.

– Бади, действуй, - поторопила я. Эффект от карабканья по лестнице на верхотуру постепенно иссякал, холод проникал под одежду и тело стремительно остывало. Подхватывать простуду даже ради выигрыша в споре, не было никакого желания.

Джер набрал в грудь побольше воздуха, словно собирался читать долгую поэму... и промолчал. Мы ждали. Он очень старался: пыжился,

глубоко дышал, надувал щеки, открывал и закрывал рот, но ядреное словцо не желало произноситься, застревая где-то в районе кадыка. Вид у здоровяка был ужасно несчастный, как у Дживса, зубрящего закон сохранения магической энергии.

– Что же все такие воспитанные? - проворчала я и, подвинув не умеющего ругаться боевого мага, схватила ледяными пальцами за металлическое кольцо.

Бранное слово, произнесенное громко и четко, отразилось от стен затихающим эхом. Девчонки испуганно заморгали.

Некоторое время ничего не происходило.

– Думаешь, Мажор пошутил? - спросила Тильда в тишине.

Я уже хотела снова произнести то самое словцо, но уже выражая отношение к ситуации, зверскому морозу на улице и к шуточкам разных белобрысых придурков, но на смотровом окошке вспыхнул замысловатый знак. Дверь со скрипом приоткрылась. Из щели повеяло блаженным теплом, послышались невнятные голоса и тихое мяуканье, словно кто-то мучил котика тетки Юри.

Одно время Надин воспыкала любовью к музыке (точнее к бездарному скрипачу, но это частности) и принялась приглашать в таверну менестрелей. Оставалось тайной, где она выуживала дуэты и даже трио, напоминавшие отборных бродяг, но раз в седмицу они неизменно пиликали грустные мотивчики на издававших лучшие времена инструментах и гнусавыми голосами тянули непередаваемые рулады. Потом случилась драка с местным пифием, закончившаяся знаменитым поджогом. Все, кто мурлыкал невнятные песни или выкрикивал сумбурные предсказания, были безжалостно изгнаны из заведения на веки вечные.

В память о темных временах, когда за счет Надин кто-то бесплатно угощался крепленным вином, на стену повесили отобранную у музыкантов лютню с разорванными струнами и полустертым цветочком на покато боку, которую тетка справедливо считала боевым трофеем. Если никто испорченную «бренчалку» не стащил, как мишень для дротиков, то скорее всего она по сей день пылилась в обеденной зале.

– Через какую дыру в заборе они протащили музыкантов? - заинтересовалась я.

– Понятия не имею! – выбила Тильда зубами чечетку. - Входи, не задерживай очередь, а то мы издохнем от холода!

– Зато принаряженные и благоуханные, - не удержалась от шпильки я и пропустила отмороженных – ой! – обмороженных красоток вперед. И хотя с моим ростом не было необходимости наклоняться, все равно инстинктивно пригнула голову, что бы не вписаться затылком в низкую притолоку. Дверь закрылась сама собой, лязгнул запирающий крючок, точно нашедший ушко петельки.

Вшестером мы замерли на пороге и оглядели утопленное в полумрак помещение. Избранных на закрытой вечеринке оказалось на удивление много. Старая мебель была сдвинута, на партах тускло светились несколько ламп, подозрительно похожих на те, что обычно освещали библиотеку. В воздухе витал ядреный запах какой-то алхимии и царило тепло. Не хуже, чем в жилых комнатах! Гуляки подошли к подготовке основательно, расстарались от души: запечатали дверь паролем, навели магический полог и затуманили дымкой окна, что бы с улицы никто не заметил света.

Правда, менестрелей протащить не сумели. Источником кошачьего мяуканья являлся магический музыкальный ящик, мерцающий рассованными в отдельные ячейки кристаллами. Зачарованные камни по очереди загорались, испуская бледный свет, и одна мелодия сменяла другую. Видимо, в помещении было слишком шумно, все песни звучали на один шаманский мотив.

– Подруги, – проговорила одна из оттаивающих девчонок, решительно подтягивая лиф красного платья, что бы грудь в вырезе казалась попышнее, - помните, что из чужих рук ничего не пьем, а если пьем, то хорошо закусываем. Вперед!

Она сделала шаг, запуталась в длинном подоле и только чудом удержала равновесие. Сдула с лица прядку волос и, передернув плечами, провозгласила:

– Вперед, но потихонечку! Бережем юбки и каблуки.

Отчаянные красотки отправились искать приключений на то место пониже спины, каким смело виляли.

– Как будем искать нашего клоуна? - проговорила Тильда, стараясь перекрыть шум и стремительно нарастающую музыку. Впрочем, она всегда с легкостью оказывалась самой громкой.

– Он возле Мажора, - убежденно заявила я, приподнимаясь на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть народ. - Сейчас спросим...

– Увидела знакомых? – удивилась подружка.

– Вроде того.

Ловко протиснувшись между людей, я приблизилась к столу с мерцающим музыкальным ящиком и изящным движением руки захлопнула крышку. В помещении мгновенно стало удивительно тихо. Разговоры смолкли, словно в хозяйственной башне появился магистр Армас и щелчком пальцев наложил на толпу адептов заклятье немоты. Думала, сейчас обругают, но от наглости какой-то девчонки в простеньком платице гуляки лишились дара речи.

– Форстада-младшего кто-нибудь видел? - нахально спросила я.

Как ни странно, вопроса, кто такой этот самый Форстад-младший, ни у кого не возникло.

– Там, - махнул рукой незнакомый парень в сторону выстроенных неровной преградой книжных шкафов, возможно, когда-то служивших ректору, славящемуся слабостью к дорогой мебели.

– Спасибо, - мило улыбнулась я и снова откинула крышку музыкального ящика.

Скрытая в темнице мелодия набрала мощь и пронзительно взвизгнула, словно кто-то провел железкой по стеклу. Окружающие болезненно сморщились. В одном ухе у меня тоненько зазвенело.

– Идем? – повернулась я к друзьям.

– Куда? - промышчал нетрезвый тип, в руках которого тускло светилась ополовиненная бутылка с мутновато-голубым питьем. Тильда куда-то смылась, прихватив Бади и заставив очередной раз задуматься, а друзья ли они мне вообще.

– За грань, – коротко указала направление.

– За какую? – икнул он.

Не поверите, но даже в тупик поставил. Обычно, когда посылаешь человека, он сразу понимает, что следует скрыться с глаз девушки, пока та не превратилась в ведьму и не огрела метлой.

– За острую! – не придумала я ничего остроумнее.

Сверными друзьями мы нос к носу столкнулись в перешейке между заставленной бутылками партой и креслом с дырой в сиденье. Не произнося ни слова, парочка развернулась и направилась в противоположном направлении, даже не оценив многозначительно упертых в бока рук.

– Помочь не хотите? - прикрикнула я им в спину.

– Мы помогаем! – бросила она через плечо.

– Чем?!

– Не мешаемся.

Компания знакомых аристократов действительно нашлась за баррикадой из шкафов. Света здесь было меньше, мебель стояла побогаче, не иначе как из преподавательских кабинетов, и нестерпимая какофония музыкального ящика практически не долетала.

Дживса в толпе я не заметила, но зато обнаружила Форстада... с блондинкой в красном платье, только-только шмыгавшей замерзшим носом под дверь склада. Она стояла преступно близко к моему бывшему парню и с самым кокетливым видом теребила пуговицу у него на пиджаке из дорогой ткани. Знаете, не зря тетка говорит, что добрые дела всегда выходят боком! Оставила бы эту, в красном, синеть на холоде, сейчас не чувствовала бы удушающей волны ревности...

Вдруг Илай широко зевнул в кулак, видимо, зеленая тоска побеждала необходимость изображать хотя бы вежливый интерес к любительнице пуговичек. Только у меня отлегло, как девица, особым женским чутьем почувствовав, что скучающий кавалер готов всхрапнуть, откинула голову, тряхнула густой шевелюрой и коварно продемонстрировала, может, не очень выдающееся, но низкое декольте. Не то чтобы Форстад заинтересовался, но мне сразу вспомнилось, какая снежная в этом году зима... Сугробы за замковой стеной выросли в человеческий рост, хватит зарыть целый отряд недалёковидных адептов факультета общей магии, любящих покрутить пуговички на пиджаках чужих парней.

– Эден, - резюмировал Илай, когда я остановилась в шаге от парочки.

Блондинка удивленно оглянулась:

– А я тебя знаю!

– Ага, встречались пять минут назад, – согласилась я. – Оставишь нас?

Та изобразила милую улыбку и по-настоящему удивила, ответив:

– Нет.

– Даже так? - изогнула я брови.

Размороженная, смотрю на тебя и не пойму: ты бессмертная, что ли, или инстинкт самосохранения отмерз?

– У нас важное дело, - объявила смелая блондинка.

– Какое?

– Пуговички рассматриваем, – ухмыльнулась она и погладила пиджак тонкими пальчиками. – Правда, котик?

– Ясненько, - понимающе кивнула я. - Разреши?

С непроницаемой миной подвинула соперницу бедром, схватила за пуговицу на пиджаке у Форстада и с треском выдрала , заставив обалдевшего парня отпрянуть .

– Эден, какого демона?! – охнул он, поспешно оглаживая пиджак.

– Не жадничай, котик, - хмыкнула я и протянула пуговицу опешившей блондинке: – Держи!

Она ошарашенно посмотрела на кругляш на моей раскрытой ладони. Казалось, будто ей предлагали принять яд, от которого лысели исключительно блондинки в красных платьях.

– Я не... Зачем мне пуговица?

– Почем мне знать? Рассматривай. Только лучше под лампой, а то зрение испортишь.

Мы непримиримо скрестились взглядами. Правда, дуэль длилась недолго: противница буркнула нечто невнятное, мол, оба мы сволочи,и развернулась, стеганув Илая по лицу волосами.

– А пуговицу–то забыла! – крикнула я ей в спину.

– Дай сюда. - Форстад вырвал у меня из рук костяную пуговку, приставил к пиджаку и выругался: – Эден, что у тебя за характер?

– Характер, может, непростой, зато широкая душа. Я спасла тебя от вывиха челюсти. Ты так зевал, что даже мне самой стало неловко, можешь не благодарить.

– Пришьешь! – ругнулся он.

– Рискуешь, котик, - отсоветовала я.

На некоторое время возникла странная пауза. Илай с подозрением сощурился:

– Признайся, это ты прошлой осенью повесила мои брюки на флагшток.

– Имеешь в виду собственными руками?

– Ну, конечно, - наконец беззлобно хмыкнул он, – кому еще придет в голову светлая мысль спалить чужую одежду.

– Форстад, почему мы говорим о твоих сожженных портках , если у меня Дживс пропал? - возмутилась я. - Ты ведь специально его притащил на вечеринку. Думаешь, я не поняла, что значит эта твоя корона?

– Ах, корона... – протянул Илай. – Просто мимо торговой лавки проходил, смотрю: отличная корона. Подошла?

– А тебе?

– Не пробовал.

– Очень напрасно! Начнет жать – голова на балу заболит. Прими добрый совет: когда будешь покупать туфли, обязательно примерь. Иначе во время танцев намнешь ноги.

– Непременно прислушаюсь, – согласился он с самым серьезным видом, насколько может быть серьезный вид у человека с оторванной пуговицей на одежде. – Если ты выиграешь спор.

– Выиграю, не переживай. Ты лучше не теряй время и тренируйся ходить на каблуках – все равно обуешь туфли, даже если играешь нечестно...

– Прийти сюда было идеей Дина. Он вообще парень легкомысленный, если ты не заметила, а я наплевал на мужскую солидарность и даже подсказал, где он сейчас, – полностью снимая с себя вину, развел Илай руками, отчего в том месте, где раньше красовалась пуговичка, разошлась замечательная дыра и обнаружился кусочек черной рубашки.

– Ну и где он?

– Оглянись, – кивнул он в сторону.

Мысленно уверенная, что Форстад подшучивает, я заставила себя обернуться и действительно обнаружила пропавшего подшефного кутилу! Он был при полном комплекте аристократа-сibarита: с галстуком-бабочкой, надменным приятелем Троем Остадом, парочкой смущенно хихикающих девиц и с двумя бутылками светящейся мути в руках. Почему-то из этого набора больше всего меня возмутила крылатая бабочка в красный горох, а не выпивка.

– Только не калечь его, как ты любишь, – с весельем в голосе подначил Илай.

– Не дожدهшься, – уверила я. – Ему еще экзамен на «отлично» сдавать.

Заметив своего лучшего друга, Дин поднял вверх бутылки, мол, глянь-ка, друг, мы с выпивкой и красотками, но обнаружил меня, многозначительно упирающую руки в бока, и на роже нарисовалось ничем не замутненная паника.

Он резко остановился, словно врезался в невидимую стену,

воровато оглянулся через плечо, ища пути к спасению. Пришлось выразительно покачать головой, чтобы не смел прятаться. Все равно выловлю, выставлю с вечеринки и не сегодня, так завтра заставлю припасть к источнику незаменимых знаний – учебнику по базовому курсу высшей магии.

Испуганный Дин Дживс естественно поступил как Дин Дживс в обычном состоянии. Нет, он не уронил какую-нибудь девицу на грязный пол, а судорожно припал к горлышку бутылки.

– Паршивец! – охнула я.

И в этот момент кто-то выкрикнул через гул вечеринки:

– Облава!

Народ, словно оглушенный бахнувшей посреди хозяйственной башни шутихой, переглядывался. Осознание, что это не дурацкая шутка, нахлынуло не сразу, прошло несколько долгих секунд и пространство забурлило от хаотичного движения. Толпа первым делом качнулась в сторону единственной входной двери, очевидно перекрытой отрядом дежурных.

С другой стороны, а куда бежать? В окно ведь не полезешь! Хотя прошлой осенью даже высота не остановила трех почтовых голубей, сегодня стайей собравшихся на очередной птичий слет, перебраться с четвертого на третий этаж. Сейчас я сама была готова выбраться на парапет, прилипнуть к стене хозяйственной башни и под ледяным ветром переждать облаву. Главное, что бы потом окно не закрыли, иначе каюк.

Народ толкался, паниковал. Никому не хотелось оказаться пойманным во время пьянки, а потом до конца полугодия работать в замке уборщиком.

– Эден, прячемся! – Форстад дернул меня за руку и, крепко сжимая запястье, потащил в противоположную движению сторону.

– Возьмем Дживса!

– Какого к демонам Дживса?! – опешил он.

– А ты много Дживсов знаешь?

– Эден, сейчас не время для душевной широты!

– При чем здесь душа? Ему заниматься надо, а не полы драить. Я не собираюсь тебе проигрывать из-за какой-то облавы!

– Ты шутишь, да?

Я вырвалась, полная решимости спасти нерадивого ученика.

– Нет, ты не шутишь, - пробормотал Илай, видимо, внутренне смиряясь с тем, что придется прятаться втроем.

Дживса, по-прежнему сжимающего бутылки, мы выудили из толпы буквально за шкуру. Почему он не избавился от улики, как сделал бы любой нормальный человек, оставалось загадкой.

– А как же Остад? - заканючил он, порываясь вернуться обратно.

– Идет к демонам! – выругался Илай, увлекая нас в другой конец склада, где стояла громоздкая старая мебель, видимо, хранившаяся в башне ещё с тех времен, когда королевскую резиденцию перестраивали под учебное заведение. - Шкафа на всех не хватит.

– Твоя гениальная идея спрятаться в шкафу? – насторожилась я.

– Есть другие варианты?

Большой покосившийся гардероб с плотно закрытыми глухими дверцами нашелся в самом углу. Высоким измученным стариком он устало подпирал стену и прятался в глубокой тени.

– Эден, забирайся! – скомандовал Илай.

Не споря я нырнула в пахнущее старьем деревянное нутро, но в голове крутилась неприятная мыслишка, что на единственной даме хотели проверить, не провалится ли дно и не сложится ли шкаф, как карточный домик.

Следом заскочил Дживс, немедленно шибанулся башкой о перекладину для одежных вешалок и выругался непечатным паролем от вечеринки. Потом забрался Форстад, аккуратно прикрыл за собой дверцы.

Места и воздуха стало катастрофически мало. Я прижимала скрещенные руки к груди и старалась не шевелиться. Парни возились, пытаясь провести совершенно ненужную рокировку. Кто-то протанцевал у меня на ноге, и я взвыла:

– Да остановитесь вы уже, кони! Все туфли копытами отдавили.

Соседи по гардеробу замерли. Они практически терлись носами, а я едва не тыкалась в бабочку Дживса. В душной темноте светились бутылки с алхимическим алкоголем. Где-то на другом конце склада грохотали и шумели.

– Проклятье, Форстад, - зашептал Дин, - когда ты говорил, что Ведьма ко мне прилипнет, я не думал, что это в буквальном смысле. Давай ее выкинем.

– Заткнись, Дживс! – процедил он. - Ты здесь из-за Эден. Она,

знаешь ли, изредка страдает приступами человеколюбия.

– Ты бы вышвырнул меня ради Ведьмы?! – возмутился тот.

– Я и сейчас готов тебя вышвырнуть .

– Божечки, заткнитесь оба! Достали уже! – прорычала я. – И так дышать нечем.

Неожиданно рядом со шкафом кто-то завозился. Мы застыли, напряженно прислушиваясь к звукам. И дверцы с неприятным скрипом резко распахнулись. Из проема через темноту нас разглядывал Джер Бади.

– О, все в сборе! – вынырнула из-под его руки Тильда.

– Не смей! – приказал Илай, догадываясь, к чему идет дело.

Она, конечно, наплевала на запрет. Подхватила длинный подол и, с налета втиснувшись в узкое пространство, принялась тесниться:

– Двигайтесь, демоны! Бади, забирайся, тут ещё места на десятерых хватит.

– Нет! – категорично отказался принимать здоровяка Илай. – Без обид, мужик. В этот шкаф второй шкаф точно не войдет!

– Где твой командный дух, Мажор? – укорила его Тильда.

– Прищемили, блин!

– Ничего, в тесноте да не в обиде! – Подружка расставила руки и с неожиданной мощью тяжеловесной вагонетки сдвинула всех вглубь гардероба, отвоевывая крошечный клочок свободного пространства для Бади. По всем законам геометрии у здоровяка не поместилась бы даже нога, но он как-то ловко сгруппировался, подогнул голову и забрался внутрь.

Мы снова застыли. Двигаться не выходило, разве что моргать . И дышать. Желательно через раз.

– Дверцы кто-нибудь закроет? – сухо спросил Илай, словно видел затылком, что наше убежище чуточку не заперто. Прячься кто хочет!

Опять началась возня. Не знаю, как мы пережили страшный момент, когда Бади сгибался, неуклюже вытягивал ручищи и прикрывал дверцы.

– Эден, твои руки занимают слишком много места, – пробубнил Илай, упираясь ладонями в стенку над моей головой.

– Предлагаешь их отстегнуть?

– Было бы неплохо, – рискнул подать голос Дживс.

– Было бы неплохо, проглоти ты свои бутылки! – парировала я. –

Они занимают много места.

– Просто обними меня, - едва слышно прошептал Форстад.

Предложение оказалось во всех отношениях здоровое. Кое-как освободив руки, я обхватила Илая за пояс и прислонила щеку к крепкой груди. Пожалуй, так тесно в последний раз мы прижимались в оранжерее, опутанные лозами куста арауста. Да и ситуация была не менее абсурдной.

– То есть, пока я царапаю очки о стенку, вы обнимашки устраиваете? - испоганила Тильда момент. - Официально заявляю, Ведьма, что ты мне больше не подруга!

– Хочешь обниматься с Форстадом? - огрызнулась я. – Забирай!

– Ты в своем уме? – возмущенно прошептал он мне в макушку.

– Подруга важнее, – цыкнула я. - Немедленно перелезь и обними ее!

– Вы рехнулись? - взвыл Дживс. - Не двигайтесь, я и так на одной ноге стою!

– Нужен мне твой Мажор, - небрежно отказалась от возможности потискать потомственного аристократа гордячка. - Просто ты спряталась, а нас не позвала.

– Вы первые сбежали!

– Девы! – прогудел Бади.

– Что?! – в один голос рыкнули мы, наплевав на конспирацию.

– Поймают, – договорил он, словно намекнув, что сейчас смелые мужчины останутся в шкафу, а скандальные дамы пинком под зад отправятся в руки дежурных, где смогут выяснять отношения сколько душевнике угодно и даже, если очень захотят, то вцепятся друг другу в волосы.

Мы прикусили языки. В шкафу стало тихо, до нас доносились звуки шагов и чьих-то разговоров. Похоже, дежурные пытались отыскать непойманных нарушителей порядка. А Дживс принялся громко икать. Раз, второй. Алхимическая муть явно сушила горло.

– Икота, икота, уйди... – начал бормотать он детскую считалочку, пытаясь справиться с неприятным недугом.

– Ты издеваешься, клоун? - зло перебила я. - Закрой рот!

– Не вопи.

Он вобрал в грудь побольше воздуха и на некоторое время затаил дыхание, потом шумно выдохнул. С икотой, слава богам, было

покончено, но у Дина вдруг начал течь нос! Душное пространство наполнилось отчаянным шмыганьем.

– Да что с тобой, Дживс? - цыкнул Илай.

– Жасмином воняет, - пожаловался он. – У меня аллергия.

– Почему же сразу воняет? - оскорбилась Тильда. – Прыснула-то пару раз духами на платье.

– А ощущение, как выкупалась, - заругался болезный. - В носу свербит...

– Не смей чихать! – охнула я.

– Это невозможно контролировать .

– Нос заткни.

– Закрой рот, заткни нос, а дышать чем? – проворчал он.

– Ушами!

Возле нашего убежища кто-то остановился. Я немедленно осеклась и от греха подальше стиснула зубы. Некоторое время неизвестный крутился рядом со шкафом, неожиданно постучал по стенке, словно рассчитывая, что изнутри ему ответят басовитым голосом Бади, мол, дома никого нет, заходите попозже. Не знаю, как мы не легли от коллективной остановки сердца. Наконец дежурный отошел. Казалось, угроза миновала... и Дин смачно чихнул.

Прошла целая секунда прежде, чем дверцы дернули. Невольно «сокамерники» качнулись вглубь деревянной темницы. Илай навалился всем весом, выбив у меня из груди весь воздух, а заодно и странное кряканье.

– Добрый вечер... – с глумливой интонацией протянул смутно знакомый голос.

Я кое-как вывернулась и глянула в открытый проем. Держа над головой яркую лампу, нам ухмылялся Коэл Брокс. Свет причудливым образом падал на лицо, превращая парня в кровожадного клоуна со зловещей улыбкой. Усиливая впечатление, из-под края вязаной шапочки, прикрывающей волосы, высовывалась ярко-синяя завитушка.

До сих пор краска не отмылась! Так мастерски получилось заколдовать птичку, даже гордость берет. Столкнись мы с новеньким где-нибудь в коридоре или на лекции, непременно позлорадствовала бы, но сейчас я, как последняя идиотка, пряталась в старом шкафу на мебельном складе... Не до издевок, знаете ли.

Тяжелая пауза затягивалась . Он явно наслаждался зрелищем

стиснутых, как селедки в бочке, новых товарищей по команде.

– Магистр Гариф, здесь никого нет! – наконец крикнул Коэл.

Мы дружно перевели дыхание.

– Команда, встретимся завтра, - тихо произнес оң с непередаваемой интонацией победителя огнедышащих драконов и закрыл дверцы, оставив нас в глухой темноте.

– Вот кретин, - обреченно вздохнул Илай.

– Он? - жалобно шмыгнул носом Дин.

– Ты!

Словно подтверждая вердикт, Дживс снова звонко чихнул.

ГЛАВА 4. На крючке

Появление бумажной птички на следующий день, точно в середине занятия по высшей магии, воспринялось как неизбежное зло. Летунья появилась в щели под дверью, застряла на некоторое время и суматошно задергалась. Я делала вид, будто слушаю объяснения Армаса, и молилась академическим богам, что бы птаха намертво застряла, но нет – она вырвалась на свободу. Стремительно разрезав воздух, записка пересекла аудиторию и закружилась над моей головой.

Магистр оборвался на полуслове и вперился в меня немигающим взглядом. Одногоруппники зашептались, завертелись и в общем обстановка воцарилась весьма нервная.

– Адептка Эден, ваше? – выгнул бровь Армас.

Отпираться не имело смысла, но я все-таки промычала:

– Не уверена.

– Как успехи с дополнительным заданием? – намекнул он, что самое время продемонстрировать успехи в изучении заклятья обездвиживания.

– Ну...

Народ сдавленно захихикал.

– Проверим? – почти по-дружески предложил он.

Подняла голову. Сложенная бумаженция нахально нарезала круги. Пытаясь потянуть время, в надежде, что у Армаса лопнет терпение, и он сам подрежет крылья посланцу, я размяла плечи, похрустела пальцами.

– Адептка Эден? – не сдавался магистр.

Ладно, недоделанный почтовый голубь, если ты сейчас не издохнешь, то сегодня на одного Коэла Брокса в нашем мире станет меньше! Я громко щелкнула пальцами. Из хвоста пичуги вырвалось дымное облачко.

– Внезапно, – с каменной физиономией прокомментировал Армас.

– Сама в шоке, – призналась я, вызывая новую волну сдавленных смешков.

Тлеющая обездвиженная птица упала на страницы раскрытого учебника по высшей магии. Пришлось ее схватить и хорошенько потрясти, чтобы не дать разгореться пламени.

– Читайте, - развел руками Армас.

– Кхм... – Я начала разворачивать обугленную с одного края бумажку.

– Стоя, - добавил он.

Мысленно обозвав магистра тираном и громыхнув стулом по дощатому полу, я поднялась и кое-как расковыряла на совесть сложенную птичку. Посреди испещренного заломами листика прятались крупные печатные литеры: «Помоги!».

Что за идиотские шутки посреди бела дня?!

Тревожное послание мёлко задрожало. Тонкие чернильные линии засветились и исчезли. В одно мгновение от записки не осталось ни следа, только пустой сероватый клочок бумаги с почерневшей каемкой.

– Мы все жаждем узнать, адептка Эден, - поторопили меня.

– Она пустая, магистр. - Я продемонстрировала бумажку.

– Очень предусмотрительно. Садись... – хмыкнул Армас, но поспешно оговорился: – Садитесь, адептка. За выполнение дополнительного задания «удовлетворительно».

– Я могу лучше, – буркнула, со злостью плюхаясь на стул.

– Верю, - согласился он и обратился к слушателям: – В этой аудитории записки запрещены. Всем ясно?

Народ опустил головы и едва не уткнулся носами в парты. Вообще было бы странно, подай кто-нибудь голос и с жаром поклянись, мол, ни-ни, ни разу, вообще никогда.

Состроив вид, будто с незатухающим энтузиазмом, подогретым низким баллом, переписывая формулы за пляшущим по доске меловым стержнем, я попыталась выяснить, кому из друзей настолько срочно понадобилась помощь, что пришлось написать во время занятий. Почему-то в голове крутилась идиотская мысль, будто Тильда застряла в комнате для девочек...

Я начертила посреди чистого листа неровный круг и быстренько прикрыла ладонью, пока по линии бежала яркая искорка. Внутри отчерченного контура появился кусочек белой мелованной бумаги из конспекта подруги.

«Ты мне писала?» – быстро накарябала я.

«Я все еще тебя игнорирую!» – немедленно отбрила она, но тут же добавила: – «Зануда объявил об общем сборе после занятий. Идем?»

«Зачем?»

То есть встряхнули только меня, остальных просто попытались согнать в кабинет и устроить кружок дружбы.

«Так и быть, займу тебе место в столовке», - поменяла гнев на милость Тильда и потушила магическую связь.

Бади на вопрос ответил лаконичным «нет». Дживс витиевато объяснил, в каком разукрашенном гробу после вчерашних коллективных обнимашек в шкафу видел мою помощь, но попросить перевести мудреную фразу со старомагического, конечно, не преминул. Не обращая внимания на стенания, я разорвала переписку. На Форстада пожалела чистый листик, но не успела встряхнуть чернила в иссякающем пере, как по листу прочертилась искра и начали проявляться написанные твердым знакомым почерком литеры.

«У меня не спрашиваешь?»— любопытствовал Илай, видимо, узнавший о переписке от сидящего рядом верного пажа.

«Нет», - сухо ответила я в манере Джера Бади и погасила магию.

Но по листу вновь пробежала искра и Форстад принялся насмехаться откуда-то из другого конца замка:

«Вдруг я смертельно ранен?»

Ну да, издыхающий аристократ дрожащей рукой пишет записку, высасывает последние силы, что бы заколдовать птичку, лишь бы бывшая подружка сбежала с занятий и успела к последнему сипу, а лучше на хрупких плечах дотащила до лазарета. Очень логично.

«На погребении прочту трогательную речь»,— сердито ответила я.

«И все?!»

«Очень трогательную речь».

Коэлу, конечно, писать не стала, много чести, а если кто-то надо мной просто шутил, то, как показывал опыт выживания в старшей магической школе, если не можешь укунить противника – гордо проигнорируй. Он устанет ждать и расхочет шутить.

Когда я вышла из кабинета, то первым делом выкинула пустую записку в урну, где ей было самое место. В столовую пришла последней и с удивлением обнаружила за нашим привычным столом неожиданное оживление, какого не наблюдалось с самой осени. Помимо моих друзей на обед собрался цвет аристократии в полном составе, в смысле, в количестве трех штук. Если Илай с Дживсом и раньше не пренебрегали местной кухней, то присутствие Троя Остада по-настоящему удивляло. Может, под домашний арест в качестве наказания посадили?

Пристроившись на край стола, я немедленно полубопытствовала:

– Тебя вчера поймали?

– Нет, - с непередаваемо надменной рожей отозвался он.

– Десять соримов и ты невидимка, Эден, – прокомментировал Илай. Вообще-то он читал газету, будто сидел не в академической столовке, а в отцовском особняке возле камина, и не потрудился оторвать взгляда от статьи.

– Остальные – в шкаф, - фыркнула я.

– Лучше бы я остался с Остадом, – проворчал Дживс и показательно шмыгнул носом, намекая, что по-прежнему страдает от аллергии на жасминовое благовоние. Хорошо не достал платок и не попытался высморкаться, точно выгнали бы обедать под стол без права возвращения на поверхность .

– У тебя были деньги? - удивился Трой в свою очередь.

– Друг, ты бы за меня не заплатил? - возмутился Дин.

– На себя с трудом наскреб, - пожал тот плечами.

– Так что, Дин, благодари Эден за приступы человеколюбия, – ухмыльнулся Илай. - Было весело.

– Только очень тесно, - напомнила я.

– И нас накрыли, - добавила Тильда. – Кстати, думаете, Брокс еще сидит в кабинете?

И в этот самый момент Коэл в шапочке и в расстегнутой мантии, демонстрирующей вязаный жилет с кривой белой кромкой по вороту, возник в широком дверном проеме. Двери давным-давно сняли, видимо, опасались, что неофиты, в голодных корчах напоминающие рейнсверских игуаноносов, выдерут их с петлями.

Зорким глазом товарищ по команде осмотрел людное помещение и, пересекая зал широкими шагами, начал споро приближаться к нашему столу.

– А нет, прилетел, - протянула подруга.

Он подскочил, уперся ладонями в стол и хриловато спросил:

– Что вы здесь делаете?!

– Не видишь? - удивилась я. - Обедаем. Хочешь с нами?

– Вы разве не получали записок? – обвел он нас мрачным взглядом, не обещающим ничего хорошего. - У нас общий сбор!

– И как? – любезно уточнила Тильда, с умным видом поправив очки. - Кто пришел?

– Понимаю... – снова изобразил он улыбку злого клоуна. - Парни... Я многозначительно кашлянула, мол, чего уж, грози сразу всем.

– И девушки, - добавил Брокс, полоснув по мне нехорошим взглядом, – я же могу и намекнуть кое-кому о вместительном шкафе в хозяйственной башне. Забыли про вчерашнее?

– А что было вчера? - изображая вежливый интерес, Илай наконец отложил газету.

– Вечеринка! – процедил он.

– Какая вечеринка? - обратился ко мне Форстад.

– Впервые слышу, – покачала я головой.

– Вчера была гулянка? - включилась в игру Тильда. – Почему нам никто не сказал, опять избранных позвали? Бади,ты знал?

– Да, - коротко кивнул он, едва не заставив нас закатить глаза.

– И промолчал?! – охнула она в точности, как вчера, когда узнала, что наш Качок допущен до круга избранных и даже знает, каким словом ругнуться на пороге мебельного склада.

Тильде не следовало подмигивать так явно, что даже очки скособочились, но конспираторы из сладкой парочки были хуже, чем из Дживса, несколько ошалевшего от того, с какой наглостью наша компания разыгрывала полное непонимание. Ах, жаль, впечатляющую командную работу мы демонстрировали лишь тогда, когда под задом раскалялись стулья.

– Вечеринки запрещены, - прогудел Бади и с индифферентным видом начал разрезать третью отбивную.

– Слушай, старина Брокс... – Илай почесал бровь, делая вид, что совершенно сбит с толку. - Что ты от нас хочешь-то? Устроить выборы капитана? Раз все в сборе,то давай здесь проголосуем. Кто за Брокса?

Он обвел стол вопросительным взглядом. Недолго думая, мы почти синхронно вздернули руки, словно первоклашки, желающие ответить на несложный вопрос учителя. Даже Трой, не имеющий к нашей команде никакого отношения, поднял два пальца, голосуя за избрание новенького.

– Единогласно, - кивнул Илай. – Поздравляю, приятель,ты теперь капитан. Сядешь обедать со своей новой командой или, может, постишься?

У Коэла задержался на лице мускул. Уверена , если бы по известной причине парень не сбрил бакенбарды, они бы встали дыбом, но шапочка

на макушке затопорщилась.

– Знаете, что о вас говорят? – процедил Коэл.

– О нас говорят? – удивилась я.

– О, да! – Он принялся указывать пальцем, словно пересчитывая вертялых цыплят: – Мажор, Ведьма, Качок, Очкастая...

Едва оскорбление сорвалось с уст зарвавшегося болтуна, как Бади перестал жевать и в воцарившейся напряженной паузе громыхнул вилкой о стол. Все вздрогнули, в том числе сама оскорбленная дама, посуда звякнула. Коэл попятился от греха подальше и поспешно исправился:

– Девушка в очках.

Качок многозначительно кашлянул и скрестил руки на груди.

– Матильда Юри! – выпалил обидчик.

– Уже лучше, Коэл Брокс... – удовлетворенно кивнул Джер, не меняя позы.

– А меня называй господином Дживсом, – разрядив обстановку, предложил обвинителю Дин.

– При упоминании ваших имен, преподаватели готовы осенять себя божественными знаменами, – никак не назвав шутника, обвинительно вымолвил Коэл.

– Это признание, – вздохнула я.

– Это напрочь испоганенная личная грамота любому, кто с вами свяжется! – отрезал он.

– Понимаю, – усмехнулся Илай. – Хотел поменять команду, но получил от Армаса пинок? Не расстраивайся, Капитан, ты не первый.

– Зад очень болит? – вырвалось у меня.

На горле Коэла дернулся кадык.

– Я думал поговорить за закрытыми дверьми, но раз вы, ребята, не желаете по-тихому...

С мрачным видом он полез за спину и начал что-то вытаскивать из-под пояса брюк. «Что-то», по всей видимости, застряло и вылезать отказывалось. Надеюсь, он не притащил тренировочный меч из подсобки магистра боевой магии, чтобы нас всех силой загнать в кабинет и поговорить «по-тихому». А если притащил, то как меч поместился в портках?

– Может, не стоит? – заволновалась я. – Все-таки люди смотрят. Неловко...

Но Брокс справился с непослушным ремнем и жахнул между подносами с едой измятую копию методички по мироустройству. За столом воцарилось молчание.

– Я знаю, что вы делали прошлой осенью! – с торжеством в голосе объявил он.

– Изучали мироустройство? - не поведя даже бровью, с видом наивной дурочки переспросила я.

– Не-ет, - протянул шантажист.

– Ходили на лекции к Хилдису? – снова предположила я.

– Да нет же! – взбесился Коэл.

– Все, – удрученно покачала я головой, - сдаюсь! У меня закончились варианты. Дашь подсказку?

– Я точно знаю, кто взломал защищенную методичку!

– Но почему ты об этом говоришь нам? - изогнул брови Илай.

– Любопытно: Армас уверял, что Форстад задаст именно этот вопрос, – усмехнулся Коэл.

Издеваться и ерничать мигом расхотелось, не буду говорить за других, но мне – точно. Магистр прекрасно знал о коллективном подвиге, даже одарил каждого высоким баллом на занятии, словно привесил медали, а потом при первом удобном случае подставил. Мы крепко попали на крючок, демоны раздери этого доморощенного воспитателя непослушных первокурсников!

– Совершенно забыл сказать! – продолжил новый капитан. - Я решил, что нашей команде просто жизненно необходимо участвовать в общественной жизни академии. Согласны?

Команде было необходимо избавиться от придурка-энтузиаста, но, похоже, он хотел остаться с нами всерьез и надолго, до самого окончания полугодия.

С большим сожалением я подавила кровожадную фантазию о лопате и сугробах, но мысленно сделала зарубку. Честное слово, если это чудо от слова чудовище не успокоится, то в академии выживет только один из нас – я. Но пока неупокоенное – ой! – неупокоенное чудовище, не скрывая злорадной улыбочки, направлялось не домой к любящим родителям, а к выходу из столовой. Ученическая мантия развевалась за спиной, как крылья огромной вороны.

– Божечки, как же я сейчас скучаю по занудному Ботанику, - грустно вздохнула Тильда.

– Слушайте, я одного не понял, – проговорил Дин. - Что ему жалко было сказать, кто взломал методичку?

Дурацкий вопрос повис в воздухе.

– Кушай супчик, друг, - похлопал приятеля по плечу Трой, для которого ответ, по всей видимости, был очевиден.

К вечеру по всему замку и даже в общежитии развесили объявления о том, что в первые выходные нового полугодия в академии пройдет день открытых дверей. Текст щедро приправили заглавными литерами и восклицательными знаками. С каждой стены словно кричало: «Ребята! Спасайся, кто может! В Дартмурте грянет репетиция локального конца света, переждите ее в теплом месте, запершись от рейнсверских чудищ магическими щитами!». В прошлом году я сама приезжала в академию на день открытых дверей, поэтому знаю, о чем говорю.

В предпоследний день декады, когда Дживс уже успел дозубриться до коматозного состояния и ожидал пересдачу, как осужденный смертник ожидает казни, то есть, молясь богам о прощении грехов и с трудом переваривая последнюю в жизни трапезу (читай, параграф из учебника), в главном холле замка на доске объявлений появились списки адептов, обреченных на день открытых дверей. Им отводилась роль нянек для суетливых мамаш с вдохновенными чадами, телохранителей для преподавательского состава и сторожей замкового имущества. Единственного выходного лишились все наказанные нарушители, а еще кретины, желающие принимать активное участие в общественной жизни. Думаю, не стоит упоминать, что наша команда была представлена в полном составе.

Глядя на собственную фамилию где-то в середине списка, между Илаем Форстадом-младшим и Джером Бади, я пыталась найти хотя бы одно приличное слово, но на языке вертелись только непечатные, а между ними попадались междометия для связки. И только поэтому встретила новость об инициативе нашего Капитана-шантажиста молча.

– И мы просто спустим придурку эту... – Тильда выразительно кашлянула, - общественную деятельность? Он в жизни не докажет, что мы прикасались к методичке.

– Да, но если намекнет, то Хилдис спустит с нас шкуру просто ради демонстрации, - была вынуждена признать я и справедливости ради добавила: – Со всех, кроме принцессы.

- Негодяй.
- Редкостный, - согласилась я.
- Я о Мажоре.
- Я тоже.

– Думаешь, Капитан уgomонится , если мы забудем его в лабиринте? – переводя взгляд с ненавистных списков на меня, спросила мстительница.

- Вряд ли.
- Тогда решено: просто прикопаем. Поможешь?
- Даже не сомневайся.

Неожиданно вспомнилось, что в день открытых дверей адепты, дежурившие в замке, смотрели на толпу с ненавистью голодных скиффолсов, запертых в клетках зоопарка. Тогда было невдомек, чего ребята взъелись, но теперь-то я их понимала. День локального конца света ещё не наступил, а мне уже хотелось кусаться.

– Мама с утра прислала письмо, что на выходных приезжает братец Gear, а тут эта... деятельность, – вздохнула Тильда. - К слову, он тебя хочет видеть.

- Gear? - удивилась я.

– Да, – согласилась она и добавила со значением: – Если верить матушке, очень хочет.

Брат Матильды спас меня от обморожения во время затянувшейся экскурсии по семейному кладбищу Юри, отпоил горячим грогом и даже проводил до лестницы на второй этаж. Правда, потом я потерялась в несуразном доме, но это мелочи. Еще он три часа изображал вежливый интерес в центральной книжной лавке столице, пока я с горящими глазами изучала полки, забитые всевозможными фолиантами по высшей магии.

В провинциальных лавчонках выбор разнообразием не отличался, в основном продавали дамские романы, приключенческие новеллы да школьные учебники,и в лавке, где от богатого выбора просыпалось транжирство даже у скупердяев, я чувствовала себя жадным ребенком, прыгающим возле перевернутой подводки с леденцовой карамелью. Жаль, что купить абсолютно все книги не позволял кошелек, но парочкой отличных сборников заветий разжиться удалось. Книги шли со скидкой за испорченный переплет и масляные пятна на форзаце.

- Я решила позвать на встречу Бади, - объявила подруга.

– Спору нет, самое время для смотрин, - съехидничала я. - Дороги замело – отступить Бади некуда.

– Божечки, Ведьма, ты умная, но такая глупая! – закатила подруженица глаза. – Хочешь сама тащить ящики с колбасой?

– Геар привезет колбасу? – насторожилась я.

– Почти наверняка, - ухмыльнулась подруга.

Столько копченостей, сколько вручили мне хлебосольные родители Матильды, не в состоянии слопать даже стоя голодных папелей. Ладно, разве что стоя голодных папелей, но точно не одна худенькая Аниса Эден, вообще-то не испытывающая привязанности ни к чесночным сосискам, ни к свиной грудинке. За эти дни комната напрочь пропахла едой! Пришлось потихонечку сплавить годовой запас мясных изысков привратнику. Я просто спасала жизнь кусачему кустику – от ядреного запаха бедняга начал увядать .

Бади уже сидел в третьем ряду в кабинете истории и на новость, что на выходных нашей команде в полном составе предстоит изображать привратников, отреагировал по-обычному – даже бровью не повел. О приезде брата Тильда рассказала походя, между горячими проклятиями в сторону Брокса и просьбой дать запасное самописное перо.

– Не пойдешь? - не дождавшись никакой реакции от здоровяка, воинственно уточнила она, имея в виду встречу с братом.

– Пойду, – коротко согласился Бади, видимо, не осознавая, что с легкой руки подписался на знакомство с будущим родственником.

Готова поспорить на десять соримов, однажды Джер проснется глубоко женатым на нашей очкастой подружке, с недоумением оглядит семейную спальню и попытается вспомнить, в какой момент дал согласие на брачный обряд. Наверное, тогда случится большой взрыв... Или не случится, и новоявленный муженек просто обратно заснет, довольный тем, что ловко пропустил свадебный кошмар.

В середине лекции, когда я, с трудом сдерживая зевоту, пыталась записать хотя бы пару фраз за преподавателем, а Тильда, перестав изображать интерес, читала спрятанный под столом любовный роман, по контуру листа заскользила искорка, вырисовывая ровный прямоугольник. Кривые строчки, уходящие хвостиками вверх, исчезли. В открывшемся «окошке» проявилась разлинованная страница из чужого блокнота и начали вырисовываться литеры:

«Команда, жду в столовой. Капитан».

С ума сойти! Брокс презрел бумажные птички и, как бы пошло оно ни звучало, устроил групповую беседу.

«Почему все молчат?!»— требовательно спросил он, не дождавшись никакой реакции.

«Кэп, ты уже в жральне?»— вдруг появилась подпись совершенно незнакомым почерком, и от удивления у меня поползли на лоб брови.

— Это кто? - одними губами спросила Тильда. Оставалось только пожать плечами.

«Да, я уже в столовой!»— Под последним словом, словно молния, прочертилась жирная чернильная линия, и от конспекта точно посыпались невидимые искры. Видимо, Брокс нешуточно вспылел.

«Тогда возьми мне чай», - дружелюбно попросил собеседник.

«И пирожок», - поддержал новый участник переписки. Оба не имели никакого отношения к нашей команде победителей. Подозреваю, даже косвенного.

Тильда толкнула меня в бок локтем и кивнула, мол, ты наколдовала? Я с искренним сожалением покачала головой. По всему выходило, что веселье затеял Форстад, ведь его паж вряд ли справился бы со специальным заклятьем из углубленного курса высшей магии.

«Отбивную», - неожиданно отметилсЯ Бади в мужском разговоре. Мы с подругой синхронно подняли вверх большие пальцы, отвечивая здоровяку беззвучный комплимент.

Сосиску».

«Две!»

«Нас четверо. Возьми на всех!»

«Записываешь, Кэп?»— съехидничал кто-то.

«Бери чан сосисок!»

«И мандаринок девочкам...»— вступили в беседу дамы, повесив в конце многозначительную паузу.

«Девочки, в очередь!»

«Мне холодную лапшу».

«Она в столовке не подается, кретин!»— ругнулись мелкие литеры с кокетливыми хвостиками, написанные женской рукой.

«Серьезно?! Кэп, сгоняешь в город?»

«Кэп, ты еще с нами? В общагу жратвы принеси. На свой вкус»,— потребовали у Брокса, словно он являлся бесплатным доставщиком еды.

А что? Хотел творить добрые дела и зарабатывать баллы в личную грамоту? Вперед и с песней. Общество постарается запомнить героя.

«Алхимики с вами, парни! Философский камень вечен!»

Божечки! Похоже, Илай раскрыл переписку для половины академии. Какой непередаваемо-восхитительный, замечательно-бесящий розыгрыш! Даже обидно, что не я придумала.

«Команда, найду вас вечером», - сухо объявил Коэл и, потушив магию, решительно закрыл «стол гастрономических заказов».

Возможно, он действительно пытался отыскать нас, но обычно по вечерам все занимались личными делами и разбрелись по замку: тренировались в зале, ревностно следили за этой тренировкой, готовились к пересдаче, просто убивали время (Мажор), а я спасала мигрировавший за сундук кустик. Конечно, миссию по извлечению злюки приходилось проводить не каждый вечер, разве что в дурную погоду, но сегодня за окном стоял полный штиль и даже мороз отступил, так какого демона куст распсиховался?!

Высмотреть беглеца удалось с трудом, лишь прижавшись щекой к холодной шершавой стене. Он дрожал как осиновый лист, а не как рейнсверское растение, из которого любой уважающий себя аптекарь мечтал сварить волшебное зелье, и отказывался выманиваться даже на согревающую растирку, аккуратной лужицей налитую посреди комнатенки. Оставалось выколупать безмозглое растение ручками, пока оно не попыталось буравчиком войти в пол и не сломало корешки-ножки.

Хотя, может, неплохо, если обломает? Перестанет из ведра выпрыгивать и начнет вести себя, как нормальный куст.

– Вылезай, звереныш!

С натугой я принялась отодвигать сундук, с которым за последние месяцы произошла необъяснимая метаморфоза: осенью бандура просто занимала много места, а теперь набрала вес. Складывалось ощущение, что мое барахло, оказавшись в замкнутом пространстве, бросилось безудержно размножаться.

Братъ на редкость раздраженный кустик голыми руками я побоялась, сначала натянула перчатки, а потом началась игра в кошки-мышки. В какой-то момент мандрагора совершенно охамела и, молнией вылетев из-под кровати, попыталась напасть на мою туфлю.

– Вообще нюх потерял? - охнула я, ловко подхватывая злюку.

В перчатку немедленно вонзились мелкие клыки. Боевой трофей куст не выпустил, даже когда споро закапывался в ведро с землей.

– Отдай, – вздохнула я, – все равно же жрать не станешь...

Может, челюсти заклинило, и он был бы рад выплюнуть невкусную кожаную перчатку, но раскрыть пасть не мог? Помочь бедняге не успела – в комнату громко и уверенно постучались.

После вечеринки, на которую через дыру в заборе (и это не оборот речи, дыру уже заделали) действительно протащили гостей, в общаге начались рейды. Не знаю, проверяли ли верхние этажи, где жили аристократы, но ко мне вваливались каждый божий день. Все ждали, когда обнаружат кого-нибудь противозаконного.

Жаль, что Коэл Брокс не значился в черном списке персон, не имеющих права входить в общагу, потому как в закутке под дверью обнаружился именно он. Шапочка была по-прежнему на месте, в смысле, на волосах, синяя прядка тоже торчала, но на висках уже начали проклеиваться рыжеватые бакенбарды.

– Ты с рейдом или заблудился, пока остальных искал? – любезно уточнила я, намекая, что очень удивлена неожиданным визитом.

– Я тебя искал, – делая вид, будто пропустил сарказм мимо ушей, пояснил он. – Поговорим?

– Говори.

Он как-то странно глянул через плечо, хотя за спиной кроме голой побеленной стены ничего не было.

– Пригласишь?

Ладно, Кэп, сам захотел! Как раз подумывала найти Бади, что бы передвинуть сундук, а то после охоты на мандрагору поясницу нехорошо ломит...

– Сразу бы сказал, что хочешь посекретничать, – усмехнулась я и подвинулась в дверях, позволяя нежданному гостю стать долгожданным разнорабочим. – Подвинешь сундук?

– Этот? – при виде гиганта он даже не заметил, что в комнате царит разгром.

– Другого нет.

Коэл пожевал губами, с опаской приблизился к машине, примерился, а потом с хрипами принялся двигать к стене. После некоторых плясок сундук был возвращен на место. Побагровевший помощник поправил сползшую на затылок шапку, скрыв бледно-синие

вихры,и объявил:

– Завтра пройдет общее собрание по поводу дня открытых дверей.

– Ну да, – протянула я, - общественная деятельность... Если ты не в курсе, то все в восторге от необходимости торчать в академии на выходных.

– Попроси ребят прийти.

– Почему сам не попросишь? – спросила я, хотя ответ был обоим очевиден.

–Тебя послушаются.

– Спорное, конечно, утверждение.

Он медленно прошелся по комнате, остановился возле подоконника, даже не представляя, как рискует, оказавшись в опасной близости к озверевшему цветочку. Мандрагора с зажатым в бутоне перчаточным пальцем выглядела ужасно странно.

– Слушай, Кэп,ты бы лучше к моему кустику не подходил... – попыталась предупредить я, но осталась не услышанной.

– Мы оба знаем, кто идейный вдохновитель в вашей компании. Так ведь, Ведьма? - проговорил Брокс и дернул за перчатку в ведре. Одно слово: кретин.

А дальше случилась сцена из дурацкой страшилки! Клянусь, сама не ожидала от зубастика подобной прыти. Кожаная перчатка была мгновенно выплюнута, а клыки воткнуты в хлебосольно подставленный палец. Занавес.

Тишина, окутавшая комнатенку, казалась осязаемой. Ошеломленный парень начал медленно поднимать руку. На оттопыренном указательном пальце, намертво сомкнув клыки, висела мандрагора, словно пиранья, намертво вгрызшаяся в добычу. От ножек-корешков на подоконник посыпались крошки земли. Так и подмывало строгим голосом приказать непослушной кусаке, что бы отпустила бяку, пока не вывалились челюсти.

– Что это? - стремительно бледнея, сдавленным голосом проговорил Коэл.

– Рейнсверская маграция.

Пожалуй, еще никогда главному блюду не представляли жрущего его хищника.

– Она с зубами... – едва шевеля языком, проговорил он, не веря собственным глазам.

– Я знаю.

Что еще сказать? У самой случился шок, когда зацветший «проект по флоре Рейнсвера» впервые раскрыл мягкие махровые лепестки и явил миру жадную зубастую пасть с длинным малиновым языком.

– Обалдеть! – Коэл закатил глаза и, как подрубленная липка, с грохотом рухнул на пол. Какое счастье, что он сдвинул сундук к стене, иначе точно вписался бы головой в окованный угол.

Мандрагора кубарем откатилась от жертвы и «заморгала» лепестками, точно сбитый с толку ребенок недоуменно захлопал глазами. Вернее, ребенок с одним глазом. Посреди лба... Божечки, какая страшная фантазия.

– Плохой кустик! Брысь! – хлопнула я в ладоши, заставляя недоделанного охотника опрометью мигрировать под кровать, и легонько попинала потерявшего сознание гостя под ребра. – Просыпайся, Кэп. Кровожадное чудовище повержено.

Брокс лежал неподвижно и признаков сознания не проявлял. В душе шлохнулась тревога. Я нагнулась над парнем, заглянула в бледное до синевы лицо и потрепала по плечу:

– Эй, подъем! Можно уже прийти в себя, слышишь?

Прийти-то было можно, более того, нужно и поскорее, но укушенная жертва что-то не торопилась осчастливить мир пробуждением.

– Ты вообще жив? – Я похлопала парня по холодным щекам и почувствовала, как меняюсь в лице. – Брокс, ты же не решил помереть? Кто вообще умирает от укуса мандрагоры? Она даже не считается живым существом. Это как прищемить палец тумбочкой, слышишь? От этого не умирают!

Справедливо говоря, если неудачно грохнуться на тумбу, можно и издохнуть...

Чувствуя, как горло сжимается от нарастающей паники, я вскочила на ноги и бросилась к подоконнику, где в жестяной маленькой лейке отстаивалась вода для зубастика. Недолго думая, выплеснула воду на Коэла. Намокли шапка, ворот рубашки, выглядывающий из-под вязаного жилета, прилипли ко лбу синеватые пряди. Пострадавший выглядел не краше выкупанного трупа.

Божечка, послушай внимательно! Когда я говорила, что из нас с Броксом в этой академии выживет только один – это была метафора,

оборот речи, никакого буквального смысла...

– В лазарет! – осенило меня светлой мыслью. Не иначе как боги услышали претензии и решили чуточку прочистить девушке мозги.

Попытка взвалить парня себе на спину закончилась полным провалом: колени подогнулись, и я едва не уткнулась носом в пол. Пришлось тянуть за руки. Длинные ноги Брокса волочились по полу, пятки скребли по доскам. Одна туфля соскочила и явила взору жутковатый полосатый носок с разделенными пальцами, отчаянно похожий на монструозную перчатку. Голова безвольно свесилась назад. С синеватых вздыбленных волос слетела шапка.

И только я широко распахнула дверь, как услышала громкие голоса. На этаже снова устроили проверку! Что же так не вовремя-то?!

– Да чтобы вас всех там несварением разобрало! – выругалась я и захлопнула дверь. Честное слово, только одновременный приступ несварения у отряда дежурных был способен спасти меня от обвинения в попытке укокошить бесящего придурка.

Еще бы придумать, куда этого самого придурка припрятать! Под кровать он по всем параметрам не помещался, оставалось уложить в кровать. Но составить план оказалось проще, чем воплотить его в жизнь. Отчаянно пыхтя, я начала подтягивать, что называется, верхнюю половину парня на расправленную койку.

– Кэп, вредитель, самое время очнуться! – цедила сквозь зубы, чувствуя, что готова оставить придурка на полу и для симметрии прилечь рядышком.

Нижняя половина Брокса почему-то оказалась тяжелее или же меня просто покидали силы. Ноги удалось перевалить на кровать по одной. Только-только парень был уложен и даже подвинут к стенке, как настороженную тишину раздробил резкий требовательный стук.

– Отroyте дежурным! – скомандовали из коридора.

Молниеносным движением я дернула за одеяло и накрыла Коэла с головой. Теперь он особенно напоминал припрятанный на самом видном месте труп...

– Добрый вечер, господа, - с непроницаемым видом открыла я.

В дальний закуток добрались всего двое, остальные по-прежнему стращали девчонок на этаже. Оба дежурных были знакомы: один работал в деканате факультета, а второй в приемной у Армаса и делил кабинет с любимицей магистра, плотоядной рейнсверской мухоловкой.

Невольно я покосилась на его руки. Пальцы как всегда были замотаны перевязочной тканью.

– Кто на кровати? – Он еще и глазастым оказался.

– Однокурсник, - честно призналась я и добавила: – Спит. Как мертвый.

– Позвольте проверить, - потребовал помощник Армаса.

– Насколько он мертв? - напрягалась я.

– Насколько он однокурсник.

Бесцеремонно отодвинув меня в сторону, плюгавенький помощник коршуном ворвался в комнату и первым делом сдернул с тела... с парня одеяло. На свет божий, вернее, на свет магической лампы явилась мертвецки-бледная физиономия Коэла, а ниже – задранные до коленок портки, распальцованный носок и ботинок на ноге, который я впопыхах забыла с жертвы снять .

– Брокс?! – узнал дежурный товарища по рейдам.

– Напился, – немедленно прокомментировала я бессознательность и неподвижность жертвы.

– Кто? Он?! Брокс же никогда и ни за что...

– Видимо, сегодня в его «ни за что» ворвались жизненные обстоятельства.

– Какие ещё обстоятельства?

В гости – демоны дери! – неудачно зашел. Надо было плеснуть на рожу покойнику – божечки! – товарищу растиркой для запаха. Одна надежда, что принохиваться к пьяному никто не станет.

– Откуда мне знать? Он молча ввалился в комнату и упал в кровать. Даже не разулся! Я, конечно, не брезгливая, но не считаете, что это такое местечковое свицство – спать в чужой кровати в грязных туфлях, – указала я на ноги и исправилась: – В одной туфле и в одном носке. Кто знает, когда он последний раз эти носки менял.

– Вы у меня спрашиваете? - испуганный напором уточнил проверяющий.

– Просто рассуждаю вслух.

И ведь почти не соврала , просто умолчала о некоторых событиях, предшествующих укладыванию в кроватку.

– Извините, - зачем-то виновато попросили прощения визитеры.

– За что вы извиняетесь? Вы ведь не падали в чужие кровати, - пожала я плечами. – Но раз такое дело и вам действительно очень

жаль...

– Ну, не то чтобы очень, - едва слышно выдохнул помощник Армаса, видимо, чуя, что сейчас заставят вкалывать физически. Мало что глазастый, еще и догадливый – редкий экземпляр!

– Неловко, конечно, просить, но без помощи сильных мужчин точно не справлюсь, – сделала я вид, будто не слышала сдавленного бормотания. - Отнесем его в лазарет? Пусть откачают.

– Сейчас? - ужаснулись предположительные носильщики и начали скоренько пятиться к двери.

– Кровать одна, комната маленькая, с единственной подругой поссорилась... – тонко намекнула я, что со стороны администрации бесчеловечно вынуждать девушку спать на полу из-за болвана, перепутавшего койки.

Дежурные затравленно переглянулись .

– Не поможете? - тоном Матильды Юри, мастерски умеющей давить на совесть, уточнила я. - Правда, нет?!

С лицами святых мучеников, подставив каждый по плечу, они тащили товарища по длинному коридору. Бедняги пыхтели, напрягались и неуклюже смахивали текущий по вискам пот, а голова Коэла свешивалась, болталась, словно он действительно перебрал крепких напитков. Длинные ноги волочились по полу. С кротким видом я несла туфли с побитыми носами и гадала, протрутся ли странные Броксовские носки до дырок. До самого лазарета меня не покидала надежда, что покусанный ипохондрик очнется без помощи лекаря, но он обрадовать мир возвращением не торопился.

– Алхимик? – с суровым видом встретила нас сестра милосердия в приемном покое, где стояла непривычная тишина.

– Общественный деятель, доброволец... – начал напыщенную речь помощник Армаса, видимо, друживший с «общественным добровольцем» ближе, чем мне подумалось сначала.

– А наакался, как алхимик, - перебила его сестра.

– Или с алхимиками, - простонал секретарь декана и взмолился: – Покажите, куда это тело... нашего друга...

– Занести, - подсказала я.

– Сюда, - вздохнула сестра, указывая на открытую палату.

Парни свалили Коэла на узкую больничную койку. #286136130 / 02-дек-2019 Раненная кустиком рука свесилась с края и в белом

неживом свете магической лампы было видно, как сильно опух прокушенный палец.

Заметив, что носки и впрямь порвались, помощник магистра стыдливо прикрыл бессознательному другу ноги простынкой. Критически осмотрел со стороны и сложил Броксу руки на груди, как покойнику во время прощальной панихиды.

– Кто у нас тут? - вошел в палату знакомый знахарь, осенью лечивший мое травмированное на боевой магии плечо. - Сестга утверждает, что жегтва алхимического эликсига?

– Рейнсверской магации, – не дала я никому открыть рта.

– Он выпил зелье с магацией? – Глаза лекаря вспыхнули живым интересом.

– Не то чтобы выпил... покусали, - вынуждена была признать я, что куст вполне себе живой и до естественного высыхания не собирается ложиться под нож сумасшедшего аптекаря, чтобы оказаться ингредиентом в животворящем снадобье.

– Когда покусали? - оторопел помощник Армаса.

– Минут пятнадцать назад, на отрезке между дверью и кроватью, – охотно поделилась я.

– Но у Коэла аллергия на укусы насекомых! – охнул помощник Армаса.

– Магация – это гастение, - нравоучительно поправил лекарь, подходя к неподвижному пациенту.

– Он об этом не успел узнать, – вздохнула я.

– Господин знахарь, разве его не надо приводить в чувство? – засуетились друзья. - Может, это... яд отсосать, пока до сердца не дошел?

Оба почему-то красноречиво покосились на меня, словно предлагали немедленно, прости Господи, приложиться к покусанному пальцу Коэла. Секретарь декана и вовсе громко сглотнул, словно приготовился к шоу подпольного театра, где показывали неприличные сценки известного содержания.

– Сок магации не ядовит, - поморщилась я.

– Ну, может, хотя бы массаж сердца?

– Правильно, чтобы с кровотоком по всему телу разошлось, - согласилась я. – Логично. У вас, должно быть, куча запасных друзей? Одним больше, одним меньше...

– Дыхание рот в рот? - последовало новое предложение.

– Нос в нос не сделать? - вкрадчиво переспросила я, упирая руки в бока.

– Господа, не паникуйте! – начал увещевать знахарь, почувствовав, что в лекарской палате назревал большой скандал. - Оставьте своего дгуга в покое. В пгямом смысле этого слова. Идите отдыхать . Он пгоспится и сам пгидет в сознание, - пояснил знахарь.

– А он спит? - не понимая, чувствую облегчение или желание по-настоящему укокошить ипохондрика за то, что едва не довел до остановки сердца, переспросила я.

– Как младенец, - согласился знахарь. – Действие маггации всегда такое непгедсказуемое!

В подтверждении поставленного диагноза пациент неожиданно хрюкнул, громко и как-то очень жалобно, а на следующем вздохе смачно, по–медвежьи захрапел...

Утром я первым делом заглянула в лазарет. Кровать Брокса была скрыта занавесками из белых простыней, пришлось осторожно заглянуть за полог. Искусанная жертва кустика сладко дрыхла, свернувшись бубликом и по-детски подложив под щеку сложенные ладони. Из-под покрывала торчала нога, из дыры на монструозном носке торчал большой палец. Грязновато-синие волосы стояли торчком.

– Не могу поверить, что говорю это, но нам с кустиком очень жаль, – извинилась я и поставила на табурет возле кровати бутылочку с алхимическим эликсиром, уничтожающим даже самые стойкие чернила.

Во время завтрака за столом вновь было тесно. Аристократия окончательно переселилась с козырного места у окна и теснила нашу компанию. При моем появлении друзья примолкли.

– Не стесняйтесь, можете дальше меня обсуждать .

С непроницаемым видом я поставила поднос и уселась, заставив Форстада свернуть газетный лист и сдвинуться на угол. Вообще с тех пор, как Илая прекратили окружать девицы разной степени блондинистости, он увлекся чтением новостных колонок.

– У нас только один вопрос, – проговорила Тильда, выдержав – с ума сойти! – целых десять секунд, - как ты заманила Кэпа к себе в комнату?

– Сам явился.

– И ты его впустила? - со странной интонацией уточнил Илай.

Взгляд, поднятый от газеты, проткнул во мне дырку где-то в районе переносицы.

– Да, чтобы уколошить! – огрызнулась я.

Не удивлюсь, если к концу дня по академии разлетятся листовки с новым графическим романом, в котором злобная ведьма натравливает на общественного – демоны его дери! – деятеля кусачий цветочек, а верные друзья из администрации прячут его в лазарете от кровавой расправы.

– Ведьма, не злись. Мы испытываем искреннюю благодарность. – Тильда прижала руку к груди. – Все мечтали, но ты решилась и сделала. Железный характер!

– Вообще-то это был куст, – сухо заметила я.

– Все равно спасибо!

– Раз все преисполнены благодарности к моему кусту, то сегодня пойдем на общее собрание в зал торжеств, – с улыбкой заключила я.

– У меня экзамен, – немедленно напомнил Дживс и осенил себя божественным знаменем, словно вспоминать о пересдаче было чревато неприятностями.

– Я у тебя и не спрашиваю!

– Тренировка, – бросил Бади.

– Собрание исторического клуба, – немедленно развела руками Тильда, хотя пару седмиц назад взяла за привычку сидеть на скамейке в спортзале и бдеть, чтобы ни одна длинноволосая, симпатичная сволочь, никогда не носившая очков (да и в очках собственно тоже), не посмела покоситься на красавчика боевого мага. Странно, как лопату с собой не носила, чтобы прихлопнуть соперницу по голове и немедленно прикопать в сугробе за пристройкой.

– Это даже смешно! – разозлилась я. – Что ты забыла на собрании исторического клуба? Ты в него даже не вступала!

– Пробный заход, – выкрутилась она. – Знаешь, ностальгия по Ботанику замучила.

– Ты же ненавидишь историю, – процедила я сквозь зубы.

– Ну вот, буду сидеть в компании умников и искренне ненавидеть.

Стоило искоса глянуть на Форстада, как раздалось категоричное:

– Нет.

– Это совести у вас – нет! Поделиться?

– Знаешь, совестливая наша: кто главного энтузиаста из строя

вывел, тот на общем собрании его и заменяет, - с индифферентным видом объявил Илай.

– Другими словами, идет мандрагора?

– Эден, мы в ответе за тех, кого приручили, – нахально ухмыльнулся он. - Ты, главное, все хорошенько запомни, потом расскажешь.

– Друзья мои, вы самые лучшие друзья! – буркнула я.

Что там говорил ипохондрик: идейный вдохновитель, меня послушают? Ха-ха три раза!

– Ведьма, мы в тебя верим, - ухмыльнулась очкастая подружка. - Ты обязательно справишься.

Собрание затянулось. Ректор нудным голосом, вводящим народ в медитативное состояние, раз за разом перечислял инструкции и настоятельно просил задавать вопросы. Адепты молчали, хотя, очевидно, ничёго толком не запомнили. Все опасались, что даже один крошечный вопросик вынудит нас заночевать в зале. Магистр Гариф, стоящий за спиной ректора, сладко зевнул. Я зевнула следом, как под гипнозом, хотела прикрыть рот и резко отдернула руку, когда на полете к губам на ладони вспыхнул «приветик»: *«Поздравляю, Эден»*.

Дживс пересдал вышку! Выходит, я что, победила?! Бо-жеч-ки! Принцесса в золотистом платьишке точно станет гвоздем программы на весеннем балу.

На радостях с трудом я дождалась окончания собрания, едва нас отпустили, бросилась к дверям, будто все время стояла на низком старте и наконец получила отмашку лично от ректора. Где-то в середине дороги к коридору передо мной вырос магистр боевой магии Гариф. Так торопилась, чуть не врезалась!

– Эден, почему одна? – строгим голосом пробухтел он. – Где остальные?

Кто, скажите на милость, ругает постфактум? Сразу нужно было задавать вопросы, когда мы только-только собрались в зале для торжеств. Ректор важным голосом потребовал: «Добровольцы, поднимите руки», и я одна единственная среди толпы последовала приказу. Еще тихоня Марлис Нави-эрн, неведомым образом затесавшаяся в ряды ярых энтузиастов, но она не считается. Знаете, в жизни я попадала в разные ситуации, но впервые примерила «рубашку» инициативной идиотки. Ощущения, мягко говоря, паршивые.

– Остальные были на пересдаче экзамена у магистра Вердена Армаса, – не моргнув глазом «округлила» я ответ.

– Все, что ли? – не понял Гариф.

– Одни сдавали, другие сочувствовали... – туманно отозвалась я.

– Бедолаги, – покачал головой боевой маг и кивнул: – Передай своей команде, что завтра вы будете курировать тренировочные квесты.

– Мы?!

– Против?

– Не то чтобы конкретно против, но... магистр Гариф, вы уверены?
- осторожно уточнила я.

По-моему, Косоглазый единственный был не в курсе, что наша команда проходила квесты не благодаря здравому смыслу, а вопреки этому здравому смыслу. С другой стороны – и я вполне допускаю такую мысль – в новом году на факультете хранителей ожидают полный аншлаг абитуриентов. Десятком поступающих больше, десятком меньше никто не считает.

– Вы же лучшие на курсе... Особенно Форстад-младший, – принялся нахваливать нас магистр. – За общественную работу наконец взялись .

– И то верно, – пробормотала я и указала пальцем через плечо: – Пойду?

– Иди, – кивнул он с видом пастора, благословляющего безумца на смертный бой с полчищем рейнсверских демонов. – И не забудь передать, что в десять утра всем быть на месте.

– Непременно! – на ходу обернулась я и, конечно же, едва не вписалась плечом в дверной косяк.

Дина Дживса долго искать не пришлось . Он вразвалочку, заснув руки в карманы, шел по коридору и при виде меня просиял, как начищенный сорим:

– Ведьма, я готов признать, ты гениальный репетитор!

– А ты верить не хотел, – фыркнула я и потребовала: – Покажи табель!

Дин вытащил из внутреннего кармана пиджака свернутый свиток и жестом фокусника, демонстрирующего дешевые трюки посреди рыночной площади, расправил лист. Взглядом я нашла строчку с высшей магией и, чувствуя, как меняюсь в лице, выдрала свиток из рук парня. Присмотрелась получше, но ошибки не было...

– Что это? - ткнула пальцем.

– «Хорошо»! – с восторгом воскликнул Дживс. - С двумя восклицательными знаками.

– Нет, я вижу, что тут восклицательные знаки, но должно-то быть «отлично». Да хоть бы с двумя минусами, но «от-лич-но»! – повторила я по слогам. Строго говоря, во время бесплатного репетиторства мне в голову ни разу не пришла мысль о возможном проигрыше.

– Армас сказал, что на пересдаче ставит средний балл. Типа, «отлично» минус «отвратительно» получилось «хорошо».

– С двумя восклицательными знаками.

– Ага, с ними.

– Какая хитрая арифметика, - процедила я и вернула табель бывшему подопечному, из-за которого обрекла себя на костюм принцессы и пять минут несмываемого позора на балу.

Как мне вообще пришло в голову, что с Дином Дживсом можно иметь дела? Поправив на плече сумку, я резко развернулась.

– Увидимся завтра.

– Ты вообще меня не поздравишь? - бросил он мне в спину.

– Поздравляю!

– Ты сказала не от души! Как будто за грань послала!

– Дживс, у тебя проклюнулась догадливость. Высшая магия творит чудеса!

– Ведьма!

– Бездарность!

И я не удивилась, когда обнаружила на дверной ручке знакомую позолоченную корону с неровными зубцами – символ позорного проигрыша в дурацком споре.

ГЛАВА 5. День закрытых дверей

– Здесь записывают на тренировку в лабиринте? – перед нами стояла полнотелая дама, пахнувшая густыми благовониями. В одной руке она держала ридикюль, во второй – худосочного болезненного юношу в очках с толстыми стеклами, делавшими глаза непропорционально большими.

– Добро пожаловать, – вежливо улыбнулась я.

День открытых дверей был в самом разгаре. Сразу после приветственной речи ректора в зале для торжеств началась запись слушателей на открытые лекции и практикумы. Нам с Тильдой пришлось составлять списки желающих пройти учебный квест.

Подозреваю, что Армас хотел бы кого-нибудь повнушительнее, но Бади с братьями по спортивной секте записывал народ на тренировку по боевой магии, Мажора демонстрировали каким-то «высоким» гостям в качестве местной знаменитости, Дживс вообще не появился, а при виде Коэла, отоспавшегося за пару дней до опухшей рожи, магистра самого скривило.

В общем, нашего капитана в компании тихони Марлис отправили в главный холл изображать информационные столбы. Они держали деревянные таблички с указателями, мол, налево пойдешь – в зал торжеств попадешь, направо пойдешь – уборную найдешь, прямо – вмажешься в стену, поэтому – пр-р-ру! – сворачивай под стрелочкой.

– Ферди, садись! – властно указала мамаша пальцем.

Юноша послушно согнул коленки и стыдливо пристроил пятую точку на краешек стула. Невольно я покосилась на Армаса, следившего за нами с другого конца зала. Куратор соорудил брезгливую гримасу и одними губами произнес: «Отсеять!». Странно, что ребром ладони по горлу не провел, мол, иначе четвертую на следующем занятии по вышке.

– Фердинант Сигизмунд Даумстад третий, – сообщила дамочка.

– У меня все это в строчку не поместится, – прошептала Тильда, не обращая ни к кому конкретно, но все-таки начала усердно выводить на желтоватом листе опросника заковыристое имя.

– Фердинант пишется через «и», – тихонечко поправил этот самый

Фердинант Сигизмунд третий.

– Нельзя ли побыстрее? - спросила дама.

– Нельзя, - покачала я головой. - Поторопимся, напишем «четвертый», как ваш сын попадет в лабиринт? Никак не попадёт.

– Ваш стол невозможно найти! Мы пропустили очередь на экскурсию в алхимическую лабораторию, пока по залу кружили и вас искали, - недовольно высказала мадам.

Истинная правда! Нас спрятали. Следуя собственному постулату мироустройства «всех в сад», в смысле, на факультет общей магии, Армас приказал втиснуть стол между «историческим клубом», подвесившим на длинные палки страшный, как моя смерть, плакат, и «экскурсией в академическую оранжерею», расставившей на столе плотоядные мухоловки. И монструозная вывеска, и рейнсверски цветы, открывающие игольчатые пасти на любого, кто случайно оказывался в радиусе двух шагов, отпугивали народ.

К слову, подозреваю, кровожадную клумбу вообще устроили с тем расчетом, что экскурсия не соберется и ни один натуралист не прорвется в оранжерею, не потопчет грядки и не встанет под любвеобильный, но очень голодный арауст.

– Божечки, аж пальцы заломило, – пробормотала Тильда себе под нос, встряхивая рукой, обычно «под нос» она бормотала так, как иные говорили вполголоса. – Теперь надо заполнить опросный лист. Ответьте на следующие вопросы. Испытываете ли вы страх темноты?

В тот момент, когда Ферди жалобно косился на матушку и мычал неразборчивое «совсем чуточку», у меня на ладони вспыхнул приветик крупными большими литерами: «Помоги!».

– Испытываете ли вы страх перед замкнутыми пространствами? - продолжала мучить Тильда бледнеющего на глаза юношу.

Пока он думал, что проще: ответить или сразу грохнуть в обморок, чтобы матушка сжалилась и не заставила лезть в страшное темное место, я взяла со стола пустое перо и быстро начертала: «Свали за грань!».

«Не будь ведьмой!»

Я чуть не поперхнулась. Ничего себе шутники пошли! Мало что достают, ещё и в ответ огрызаются!

«Это кто?»

«Догадайся!» – рявкнул аноним.

В изумлении я подняла голову, подсознательно надеясь отыскать отправителя в зале, но наткнулась на чрезвычайно выразительный взгляд Армаса и крепко стиснула кулак, гася магию. Следующий приветик пришел практически мгновенно, ладонь начало жечь, сквозь сомкнутые пальцы вырывались лучики света, но магистр по-прежнему не спускал глаз с нашего стола. Знаете, он – человек нервный, я – подневольный, зачем нам обоим страдать из-за чужих «приветиков»? От греха подальше удалила послание не читая.

– Девушка, почему вы задаете странные вопросы? - вернул меня в реальность раздраженный голос мамыши-аристократки, наседающей на Тильду. - Вы как будто его собираетесь отправлять в Рейнсвер!

– Темнота, замкнутые пространства, крикуны, - осекая недовольную мамашу, резко проговорила я. - Родителей в лабиринт не пускают.

– Вообще?

– Даже в подземелье не позволят спуститься.

– А кто такие крикуны? - подал голос Фердинант, пока его матушка поедала меня недовольным взглядом.

– Рейнсверские демоны.

– Настоящие?

– Сто процентные.

– Как эти? – указал он рукой в сторону мухоловок. Кровожадные цветы миглом взбодрились и, как по щелчку пальцев, одновременно открыли жадные пасти с острыми иглками вместо клыков.

– Что вы, - снисходительно улыбнулась я. - Мухоловки – обычные комнатные растения.

– А есть еще и необычные?! – охнул юноша.

– Некоторые выкапываются из горшков и мигрируют под кровать, - поделилась я «болью» хозяйки, вечно на коленках выкуривающей кустик из темных углов.

– Знаете, главное, в лабиринте добудьте палку, тогда ни один демон-крикун не страшен! – радостно поделилась щедрым советом Тильда. - Поверьте моему личному опыту.

– Они на вас нападали?! – охнула впечатленная мамаша.

– Ну... – Подруга замялась. – Сначала мы, потом они... Главное, не дать команде забыть вас в лабиринте!

– Ферди, вставай! – приказала мадам и, легким движением руки

вытащив из кармана вышитый платочек, принялась вытирать сынуле взопревшее лицо. - Я не желаю, чтобы тебя сажали в клетку к демонам и забывали. Мы лучше вместе посмотрим на шоу стихийной магии. И ты в безопасности, и мама спокойна.

Они поспешно пристроились в хвост длинной очереди.

В прошлом году открытый урок по стихийной магии тоже собрал кучу народа. Я сама почти полчаса ждала, чтобы записаться. Помнится, люди набились в тренировочный зал, как селетки в бочку, и за спинами наглых аристократов, приехавших из столичных магических школ, ничего толком не удалось увидеть. До сих пор обидно: на квест не попала, заклятьями не любовалась, разве что услышала напутственную речь ректора, но она была ужасно нудной, и я чуть не заснула стоя, как коняшка.

В этот раз занятие было решено провести на улице, мол, на свежем воздухе гостям не придется тесниться и от заклятий водной стихии в замке не случится потоп. По такому случаю учебный полигон не чистили больше седмицы, и к выходным снега накопилось столько, что хоть лопатой ешь, хоть этой самой лопатой закапывай в сугробах бесящих аристократок.

– Меня посетило озарение! – вздохнула Тильда, откладывая испорченный опросник в неуклонно растущую стопку. – Теперь я точно знаю, почему нормальные люди превращаются в ненормальных мизантропов. Они встречают мамаш всяких там Фердинантов.

– Распугиваете детей, девушки? - раздался сверху мужской голос. Мы дружно подняли головы. С широкой улыбкой на румянном лице перед нами стоял ГEAR Юри.

– Уже приехал? – бросила Тильда.

– Кузина, ты как всегда само радушие, - отпарировал он и кивнул мне: – Здравствуй, Аниса.

– Добро пожаловать в Дартмурт, – приветливо улыбнулась я.

– Отлично выглядишь.

– Почему ты делаешь комплимент только Ведьме? - возмутилась Тильда. - Это потому что я в очках, да? Скажи, так ведь?

– Ты с ночи забыла краску смыть, - перебил он бесконтрольный словесный поток.

– Я вообще в академии не крашу глаза!

– Значит, это синяки от недосыпания.

– Дурак! – окончательно обиделась кузина.

Геар, выпускник сельскохозяйственной академии, не был образчиком мужской красоты: грубоватые черты, крупный нос и глубоко посаженные глаза. Но он отличался высоким ростом и отличным телосложением – этакая разговорчивая версия Джера Бади, а самое главное, казался по-особенному взрослым и подкупающе разумным, что вызывало у меня неясный трепет где-то под ребрами. Должна признать, что здравомыслие – вторая вещь после высшей магии, которую я всегда находила сексуальной.

И тут вопрос на миллион соримов! Форстад не мог похвастаться ни первым, ни вторым, разве что деньгами, красивыми телесами и раздутым эго. Как я умудрилась в него втрескаться? Если кто-нибудь знает правильный ответ, то, пожалуйста, отправьте мне «приветик». Только обязательно начинайте разговор со слова «ответ» – от дурацкого «помоги» уже глаз дергается.

– Ты притащил колбасу? – насела на кузена Тильда.

– Пока я притащил только себя, а колбасу не пустили.

Какое счастье!

Брат с сестрой уставились на меня, как ярые проповедники на богохульницу.

– Я сказала это вслух?

– Громко. Я начинаю подозревать, что ты не любишь колбасу, – сощурилась подруга, как когда-то щурилась на убежденного вегетарианца Ботаника.

– Люблю! Просто не три раза в день, – немедленно уверила я и постаралась перевести разговор: – Уважаемый абитуриент Юри, присоветовать, какой открытый урок посетить?

– По-моему, мне поздновато мечтать о магии, – улыбнулся он, не сводя с меня глаз, и от этого прямого улыбочивого взгляда очень хотелось поерзать на стуле. – Но я бы погулял по замку. В программке написано, что у Дартмурта уникальная архитектура.

Геар помахал сложенной листовкой с описанием мероприятий, такие раздавали в главном холле.

– Соврали, – уверила я и чуть не скривилась от боли, когда Тильда без всякого милосердия вонзила каблук мне в туфлю. – Зачем ты мне ногу под столом отдала?!

– Почему бы тебе не устроить Геару экскурсию? –

многозначительно уставилась на меня Тильда.

– Мне?

Божечки, Мальтида Юри даже сводничеством занималась в своей обычной манере, то есть с изящностью рейнсверского игуанодона.

– Коль я незаменима и не имею права покидать рабочее место, иди ты. Покажешь лепнину в холле, витражи в столовой, двери... – Она запнулась и неопределенно махнула рукой, заставив разъяренных мухоловок на соседнем столе раззявить пасти.

– Где? - с любопытством уточнила я.

– Да везде! В этой академии, куда ни сунься – одни двери. До вечера можно экскурсии водить.

– Убедила.

Я поднялась, отдернула мантию и, глубоко вздохнув, направилась к Армасу. Шла и ощущала себя так, словно под ногами вовсе не наборный паркет, а скользкий лед: ещё один шажок и непременно растянусь во весь рост где-нибудь между столом со злобными мухоловками и не менее злобным магистром в синей преподавательской мантии. Но, как ни странно, добралась без трагических падений, сломанных ног и попранного достоинства.

Армас неожиданно легко благословил меня на роль экскурсовода и сразу предложил взять с собой парочку особенно крикливых мамаш. Насилу отбилась! Правда, пересилить себя и отпустить адептку без внушения магистру, конечно, не позволила вера.

– Эден, начало тренировки в лабиринте через час. Постарайтесь управиться со всеми... – он бросил быстрый взгляд на Геара, стягивающего с могучих плеч плотное пальто с меховым воротником, - со всеми личными делами до этого времени. Вы с Форстадом сегодня наблюдатели.

– Я помню.

– Мало помнить, главное, не опоздать! – строго отчитал магистр, будто мы уже пропустили тренировку и, виновато потупившись, изображали раскаянье у него в кабинете.

В коридоре действительно проводили экскурсию. Знакомая блондинка, любительница пиджачных пуговиц, тыкала длинной деревянной указкой в портрет первого ректора академии, висящий на стене, и вещала слушателям об истории открытия Дартмурта. Острые указки попадало то в нарисованную ноздрю благородного мужа, то в

правый глаз.

– Это наша галерея, - пояснила я Геару и махнула рукой: – Позолоченные раритетные рамы на портретах бывших ректоров академии. Потолок галереи.

Мы одновременно подняли головы.

– Без лепнины, - пришлось признать печальный факт.

Кое-как минув сгрудившуюся возле портрета толпу, мы добрались до широкой арки, ведущей в приукрашенную по случаю смотрин столовую. Деревянные столы покрыли белыми скатертями, расставили приборы, а на линии раздачи уже выставляли чаны с блюдами. На собрании ректор настаивал, чтобы кураторы ни в коем случае не смели менять меню, кормили тем, что обычно подавали адептам. Надеюсь, что повара не прислушались к этому ценному указанию.

– Это наша столовая, – ткнула я пальцем в сторону арки и добавила: – Без двери.

– Когда обед? - полюбопытствовал Геар.

– С часу до трех, но лучше не рискуй.

– Не советуешь?

– Охота, конечно, пуще неволи. Если вдруг не удержишься, то у меня в комнате припрятана бутылочка с укрепляющим, – жизнерадостно объявила я и указала: – Обрати внимание, окно академии Дартмурт.

– Без витража, - с трудом сдерживая улыбку, заметил Геар.

– Что-то нам не везет с архитектурой... Можем вернуться, полюбуешься портретами и их рамами. В конце галереи есть пара пейзажей из королевской сокровищницы.

– Рамы дорогие?

– Не думаю, - изображая серьезность, покачала я головой. - Все ценное заперто в ректорском кабинете, но туда на экскурсию точно не пустят.

Неожиданно над нашими головами запорхала бумажная птичка. Геар ловко перехватил записку и покрутил в руках.

– Тут написано «Ведьме Эден».

– Очень оригинально, - буркнула я и, забрав послание, спрятала его в карман мантии.

– Прочти, вдруг что-то срочное.

– Было бы срочное, пришли бы лично. Махнем в главный холл? Я

покажу стяги факультетов и парадные двери. Не подумай, что это намек выметаться из замка.

– Почему тебя называют Ведьмой? - все-таки не удержался Gear от ожидаемого вопроса.

– Потому что у людей в Дартмурте плохо с воображением и еще хуже с чувством юмора.

Я вообще милая, отзывчивая и особенно – скромная, но всякие кретины постоянно пытаются гладить меня против иголок.

Гости все еще прибывали. Парадные двери постоянно распахивались, и злой сквозняк трепал разноцветные стяги. «Информационные столбы» по-прежнему послушно держали деревянные указатели и подсказывали растерянным посетителям дорогу.

– Того, кто синий, покусал кустик, – кивнула я на Кэпа, что-то терпеливо объясняющего двум девушкам. Судя по тому, что шевелюра перестала радовать глаз ярким колером и выцвела до серо-сизого, он все-таки решился помыть голову моим эликсиром. Выглядел бедняга так, словно над ним поиздевался нетрезвый ученик парикмахера.

– Он поэтому посинел? – любопытствовал Gear.

– Посинел он раньше, - вынужденно призналась я.

Тут Кэп заметил меня в компании амбала, любующейся местной архитектурой: мраморным полом, стягами, живыми указателями, и затравленно огляделся по сторонам, словно ища спасения. Но куда деться, если приказали изображать говорящий столб? Правильно, продолжать в том же духе. Общественная деятельность такая нервная штука!

– Чем закончилось нападение?

– Как видишь: синий успешно выжил, но заработал фобию перед комнатными растениями.

– Я о твоём ручном демоне.

– А кустик по-прежнему злобствует, - пожаловалась я человеку, который видел зубастика в действии и даже слышал душераздирающий вопль искусанной хвостатой жертвы. - Мне кажется, у него начался переходный возраст.

Я огляделась по сторонам.

– Если ты уже восхитился парадным входом, то поднимемся по лестнице и полюбуемся дверьми аудиторий?

– Я бы лучше навестил куст. - Gear смотрел мне в лицо прямым немигающим взглядом.

Знаете, в короткий список моих добродетелей никогда не входили ни застенчивость, ни стыдливость, но после неожиданного предложения я вдруг ощутила и то, и другое. Щеки вспыхнули. Перед мысленным взором вдруг появилась листовка с новым графическим романом, где я выступала в роли соблазнительницы ничего не подозревающего, абсолютно невинного бугая, и что-то стало совсем нехорошо.

– Она сейчас оторвется, - иронично проговорил Gear.

– Прости?

– Пуговица, - кивнул он.

Я осознала, что по-глупому нервно крутила пуговицу на воротнике мантии и поспешно опустила руки. Выпуклый костяной кругляш жалко повис на одной ниточке.

– Знаешь, Аниса, пожалуй, посмотреть двери аудиторий – отличная идея, – попытался сгладить чудовищную неловкость парень. – Уверен, дверные коробки в учебном корпусе – произведение искусства.

– Окна тоже ничего, - согласилась я. – И светильники на стенах – выше всяких похвал. Уверена, что ты оценишь...

Пуговица свалилась аккуратно мне в руки. Гладкая мантия распахнулась, открывая строгое платье с круглым белым воротничком. Уверена, я выглядела нем заучкой из женского монастырского пансиона.

– Одну секунду, – быстро проговорила. - Сейчас подштопаю и пойдем любоваться коридором.

Gear наблюдал за действием высшей магии с живым интересом человека, не успевшего прочувствовать рано заснувший дар, а потому приходящего в трепет от любых, даже самых простых, заклятий. Пришивать пуговицы и латать прорехи умел любой уважающий себя маг. Кроме Дживса.

По черной поверхности пуговицы, украшенной гербом Дартмурта, пробежали голубоватые искры. Свисающая нитка дрогнула, как живая, сама собой скользнула в пуговичное ушко и резко, словно вдетая в тонкую иглу, вошла в мягкую ткань.

– На «приветы» не отвечаешь, записок не читаешь. Важные дела? – прозвучал рядом ледяной голос Илая.

Мой бывший парень замер в двух шагах, и даже на расстоянии

ощущалось напряжение, исходящее от его подтянутой фигуры, упакованной в неприлично дорогой для обычного адепта костюм. Сердце екнуло, магия в пуговице развеялась. Я отшатнулась от склонившегося Геара, словно он бился разрядами, и немедленно ошетибилась:

– Да, важные!

– Какие?

– Пуговицы считаем!

– И как? - Он скользнул взглядом по Геару, сделав вид, что ритуал знакомства не обязательный, более того исключительно вредный. Вдруг придется здороваться за руку, а он перчатки забыл. Видимо, аристократишки не позволяли себе пожимать руки простых смертных без перчаток.

– Из-за тебя сбились.

– Эден, открою тайну, на мантии одна пуговица. Идем, надо посекретничать. - Он схватил меня за локоть и наконец пожелал обратить королевский взор на незнакомого здоровяка, явно превосходящего его в весе: – Ты же не против, приятель, если я поговорю со своей подругой?

– Ты хотел сказать с сокурсницей? - тонко намекнул Геар, что услышал, с каким усердием противник подчеркнул слово «подруга», даже мне резанувшее слух.

– Я сказал ровно то, что хотел, - вкрадчивым голосом уверил Форстад.

Совершенно точно он нарывался, но знал, что сцепиться с магом решится только сумасшедший. Кузен Тильды, по всей видимости, умел рассчитывать силы, а потому попытался сгладить ситуацию:

– Просто у Анисы пуговица на мантии...

– Понравилась? - перебил Илай. - Момент, парень! Я все устрою.

– Божечки, что ты собираешься устраивать? – уперла я руки в бока.

С неожиданной проворностью недоделанный «решала» дернул за только-только возвращенную на положенное место пуговицу, лихо содрал и швырнул противнику:

– Рассматривай.

Несмотря на ошеломление, Геар вскинул руки за подброшенным в воздух кругляшом. Небрежно переброшенное через локоть пальто едва не соскользнуло на пол, но пуговица была поймана. С дурацким видом

парень вытаращился на трофей:

– Зачем мне пуговица?

– Форстад, ты в своем уме?! – придя в себя от дерзкого нападения, взвыла я и проверила «раненный» ворот. – Божечки! Ты выдрал ее «с мясом»! Поверить не могу! Тебя, что ли, куст покусал?!

– Разве вы не рассматривали на ней герб Дартмурта? – издеваясь, нахально спросил он.

– Да она оторвалась, кретин! Я ее примагичивала вот этими ручками! – Я помахала перед аристократической рожей пальцами, а потом потрясла за мантию: – Вот к этой одежде!

– Кхм... Но ты мне тоже недавно пиджак испортила... В общем, теперь в расчете, один-один... – Видимо, что-то в моем лице заставило белобрысого придурка заткнуться и начать лстить:

– Милое платье, кстати.

– Милое платье?! – возмущенно повторила я. – Будущий труп Форстада, ты мне мантию вконец испоганил!

– Не причитай, я куплю тебе новую.

– Далась мне твоя новая мантия, старую не надо было портить!

Неожиданно раздалось деликатное покашливание. Я обернулась и обнаружила Геара. Он по-прежнему стоял рядышком и никуда не исчезал. Ей-богу, чуть не поздоровалась! Как и обычно, когда в шаговой доступности возникала белобрысая принцесса, весь мир был вынужден ждать, когда у меня закончится затмение в голове, сознание прояснится и я снова превращусь в адекватную девушку.

– Аниса, похоже, срочные дела тебя все-таки нашли, – по-доброму усмехнулся кузен Юри и начал натягивать пальто.

– Это не срочно!

– Конечно, срочно, – встрял Илай. – Дело жизни и смерти.

– Чьей? – сквозь зубы процедила я.

– Дживса.

– Вот видишь, Геар, – обратилась я к кузену Тильды, – ничего срочного!

– То есть, пусть Дин издохнет? – возмутился Форстад.

– Или благополучно выживет, – предположила я.

– Все в порядке, Аниса. Думаю, что извозчик и так долго стоит на морозе, – решительно прервал новую перепалку Геар и продемонстрировал пуговицу, зажатую между пальцами: – Верну

вечером, а пока хорошенько рассмотрю.

Он лукаво подмигнул.

– До встречи, – вздохнула я и, провожая гостя до дверей долгим взглядом, пробормотала себе под нос: – Форстад, как же ты меня достал.

– Вы еще и встречаться собираетесь? – недовольно фыркнул Илай.

– Тебя это совершенно не касается.

– Ну да... – показалось, будто он скрипнул зубами. – Давай, Эден, шевелись! Дин в общаге.

Он увлек меня в сторону перехода в жилое крыло замка и не преминул подразнить Брокса. Когда мы поравнялись, улыбнулся и с совершенно серьезным лицом проговорил:

– Кэп, отличная прическа. Дашь адресок парикмахера?

Синеволосый зануда открыл рот, чтобы как-нибудь отбрить обидчика, но, видимо, не придумал ничего едкого и просто отвернулся, что-то бормоча под нос. Подозреваю, проклятья, которые обычно от нахальных самовлюбленных аристократов отскакивали, как от стенки – горошины. Лучше бы Брокс сделал Мажору прицельную подножку и сразу отомстил, чем уповал на проведение.

По моим наблюдениям, люди, утверждающие, будто земля круглая и причиненная подлость обязательно возвращается обидчику в тройном размере, просто себя тешут и напрасно ждут от вселенной справедливости. Может быть, это прозвучит по жути депрессивно, но благородство, справедливость, высокие цели, светлые мечты постепенно превращаются в атавизмы, вызывающие у отдельных личностей неконтролируемый приступ злодейского смеха. Правда-правда. Не знаю ни одного негодяя, кто бы страдал из-за собственной гнусности. Земля исправно крутится, а они живут себе, превосходно здравствуют и в ус не дуют.

– Хоть скажи, что у Дживса стряслось? – потребовала я от Илая.

Неожиданно тот крепко сжал мой локоть – я бы сказала, даже вцепился – словно опасался, что, узнав архиважную причину, помощница немедленно пошлет и пострадавшего, и провожатого в сторону рейнсверской грани.

– Он заболел.

Помощница естественно не постеснялась и очень громко спросила:

– Вы обалдели? Я похожа на знахаря?

И нет, я выпалила вовсе не «обалдели», а кое-что покрепче, что

емко выражает мое личное отношение к выходке Форстада.

Какая-то мамаша негодуяще округлила глаза. Пришлось пробормотал сдавленные извинения. Вообще странно, как она не прикрыла своему великовозрастному чадо уши, чтобы ни одно грубое ругательство, слетевшее с уст адептов академии, не осквернило нежный слух худого «столба» на полторы головы ее выше.

– Почему он не спустился в лазарет?

– Знахарь – знакомый его отца и точно донесет. Поверь, Дин, лучше тихо издохнет, чем переживет появление матери, а ты хорошо разбираешься в аптекарских снадобьях.

– Да с чего ты так решил? - вырвалось у меня.

– Ты же тайный ипохондрик.

– Я?! – даже поперхнулась на вздохе.

– Ты хранишь порошки на все случаи жизни.

– И что?

– Кто в твоём возрасте прячет в шкафу ящик аптекарских снадобий? – бросил он насмешливый взгляд.

– Может, я к концу света готовлюсь .

– Не стесняйся, - блеснул Илай улыбкой и предупредительно открыл передо мной тяжелую дверь общаги. - Мы все с причудами.

– Не обобщай.

– Хорошо, ты принцесса с причудами, - издевательски хмыкнул он.

– Форстад! – вызверившись , перебила я. – Просто прикуси язык, иначе Дживсу придется молиться о самоисцелении. И прекрати называть меня принцессой. Бесит!

С нахальным видом, тот продемонстрировал, будто запирает рот невидимым ключом на замок , а потом этот самый ключ выбрасывает за спину.

В комнате Дина как всегда творился страшный беспорядок. Спертый воздух пах... в общем, пах и сильно. На злосчастном половике появился черный след от чьего-то ботинка такого размера, в каком хозяина берлоги было невозможно заподозрить. Со стены кто-то содрал парочку особенно пикантных гравюр полуобнаженных девочек, воспоминания о которых до сих пор заставляли меня неприязненно морщиться.

Автор вдохновенного беспорядка лежал на кровати и очень трогательно до ушей кутался в тонкое стеганое одеяло. Он приоткрыл

воспаленные глаза, вернее, один глаз и просипел:

– Ведьма, почему ты так долго не шла?

Я скрестила руки на груди.

– Общественной деятельностью занималась.

За несколько лет работы в теткиной таверне я до нервного тика насмотрелась на мужиков, страдающих разной степенью похмелья, и мгновенно узнавала этот несчастный, тоскливый взгляд человека, мечтающего повернуть время вспять и провести вечер тихо, чинно, за интересной книжкой и кружечкой сладкого чая. Опыт подсказывал, что товарищ по команде, который был обязан скакать кузнечиком по замку и встречать суетливых мамаш, находился где-то между стадиями «сегодня издохну, не поминайте лихом» и «лучше бы издох еще вчера».

– Это твой вопрос жизни и смерти? – быстро проговорила я, обращаясь к Илаю.

– Эй! Вообще-то, «это» пока ещё живо и может вас слышать, – простонал с кровати болезный.

– А тебе нравилось гулять по замку с тем парнем? – в точности копируя мой вкрадчивый тон, ответил Форстад.

– Да! Очень нравилось! – не отводя взгляда, огрызнулась я. – Но мантия с пуговицей мне нравилась ещё больше.

– Ведьма, почему я раньше не замечал, что у тебя такой пронзительный голос? – промычал Дживс, далекий от чужих скандалов.

– Нельзя ли потише? Я тут как бы стараюсь выжить!

– Заболел, значит? – кивнула я.

– Отравился.

Он перевернулся на спину. Одеяло сползло, выказывая измятый пиджак, рубашку и развязанный шейный платок, по-прежнему обвивающий горло, как змея. Дживс спал, не раздевшись.

– Чем?

– Хлебушком, – едва не зарыдал он, прикрывая рукой глаза. – Ведь чувствовал, что кислил! И запах от него шел такой странный. Скажи, Илай?

Выходит, что они вместе устроили безудержное празднование моего проигрыша в споре? Мило.

– Запах, значит, странный? – Я измерила Форстада многозначительным взглядом.

– Не смотри на меня с таким упреком, я вчера был на разnose

друзей по комнатам и на хлебушек не налегал, - уверил он.

– Спину не сорвал?

– Вроде нет, - совершенно серьезно повел Илай плечами.

– Жаль, - вкрадчиво заключила я. – Дживс , пей побольше лимонной воды. К вечеру полегчает. Удачи.

– И все? - приподнялся на локтях он. - Никаких снадобий? Форстад говорит у тебя целый ящик всяких порошков и эликсиров. Тебе жалко, что ли, для друга?

– Боюсь, от твоего недуга существует только одно верное средство.

– Какое?

– Мама!

На что бедняга испуганно икнул и вороватым взглядом осмотрел загаженную комнатуху. Видимо, в красках представил, что будет твориться, если матушка войдет в двери.

– А снадобий нет никаких? – вздрогнул он. - Вообще?

Вздохнув, я вытащила из напоясной сумочки конвертик с порошком от головной боли, таскала на всякий случай... как натуральный ипохондрик, честное слово.

– Держи, болезный.

– Дала, как от себя оторвала, - проворчал тот недовольно, но конвертик все-таки заграбастал трясущейся рукой. - Это что?

– Противоядие от того, чем ты вчера испорченный хлебушек запивал.

– Я же потом смогу выйти из общаги? – напрягся он, видимо, наслышанный о нашем эпичном знакомстве с его лучшим другом и сюрпризе в кувшине с крепленным вином.

– Вылетишь, голубь! Главное, дверь с окном не перепутай.

Время до начала тренировки таяло на глазах, не хватало еще опоздать из-за гуляки, не знающего меры в возлияниях. Я развернулась на пятках, собравшись уходить.

– Ведьма, куда ты? - жалобно позвал он.

– На день открытых дверей! – отрезала я и кивнула Форстаду: – Чего и тебе желаю, иначе Армас нас живьем съест.

– Вы оба меня покидаете? - охнул Дин, когда мы споро выбрались в коридор. - Что, даже никто не принесет лимонной водички?!

Он продолжал стонать, но дверь закрылась, и жалобы стихли. По пустой залитой солнечным светом лестнице мы спустились в обоюдном

молчании. В косых лучах плавала пыль, воздух был сухим и теплым, не верилось, что на улице стоял мороз. И ничто не предвещало катастрофы, но она нас все-таки поджидала... Переход в учебный корпус оказался заперт!

Я подергала за ручки, бесполезно погрохотала створками, надеясь шумом вызывать смотрителя, но старик, по всей видимости, тоже занимался общественной деятельностью, хотя общество ненавидел всей своей жадной до коридорных светильников душой.

– И почему я не удивлена?

– Эден, пошли через улицу, – предложил Илай.

– Божечки, там же собачий холод, – мысленно покрываясь льдистой корочкой, простонала я не хуже похмельного Дживса.

Не прошло и минуты, как отморозить зад уже не казалось отвратительной идеей, более того я с радостью померзла бы, лишь бы выбраться из общаги!

Смотритель забаррикадировал крыло и нас в этом самом крыле. Уличные двери заперли на замок, закрыли на засов и наложили охранное заклятье. Для пущей надежности оставалось подпереть ручку шваброй.

– Форстад, у тебя же были ключи от перехода! – вспомнила я.

– Конфисковали, – покачал он головой.

– Есть запасной выход?

– Через окно, – съехидничал Илай, которого, похоже, совершенно не волновал прогул важного мероприятия. Аристократишке-то не грозило остаться без денежного довольствия на следующий месяц, а логика подсказывала, что именно деньгами меня накажет магистр.

– Я... я даже разозлиться не имею права, потому что сама поперлась к Дживсу! – конечно же, взбесилась я и, как злой ребенок, неожиданно даже для себя топнула ногой.

– Ты топнула ногой? – немедленно указал пальцем Илай.

– Завидуешь, что умею?

– Учишься быть принцессой?

– То есть ты тоже топаешь ногами?

Схватив его за руку, я попыталась добраться до новомодных наручных часов с золотым браслетом на крепком запястье.

– Эден, не надо срывать с меня одежду, – глумливо ухмыльнулся он.

– Закатай губу и не надейся! – Я проверила время и с отчаяньем воскликнула: – Двадцать минут! Армас нас не просто съест , а сначала заживо освежает!

Возглас разнесся по помещению, отразился от стен гулким эхом, испуганно затих.

– Что ты говорил об окне?

– Ты шутишь, - покачал Илай головой, но, видимо, прочитал в моем лице решимость и тяжело вздохнул: – Нет, ты как всегда серьезно.

Единственное окно, прыжок из которого не грозил отчаянным смельчакам переломом хребтины, находилось в алькове напротив комнаты зрителя. Все еще не теряя надежды выйти из общаги через дверь, я постучалась к старику, но в ответ прозвучала гробовая тишина.

Илай легко забрался на высокий подоконник, с грохотом распахнул створки. С улицы пахло холодном, сверху посыпались колючие мгновенно тающие снежинки.

– Поверить не могу, что вылезает из окна, - пробормотал он, посмотрев вниз.

Ледяной сквозняк путал светлые волосы, бросал в лицо снежные пригоршни и заставлял напарника щуриться.

– Что ты там рыдаешь, принцесса? – задирая голову, поторопила я. – Тебе не в первой из окон вылезать. Здесь даже не третий этаж, выпрыгивай уже!

– Внизу сугроб.

– Мягче будет приземляться.

– Я как раз боюсь, что приземляться окажется твердо.

– Вот и проверишь. Сигай уже! – рассердилась я.

Он нырнул за окно , а следом раздался грохот и ядренные ругательства. Сугроб действительно попался с сюрпризом.

– Какого демона тут навалили хлама?! Кто хранит лопаты под окном?! – высказывался пострадавший.

Ох, лопаты нашлись! А я-то ломала голову, где одну про запас достать.

– Ну здорово! Нога в ведре застряла, - бранился он.

К сожаленью, пока я вскарабкивалась на подоконник, пытаюсь справиться с длинным платьем, сползающей с плеч мантией и собственной неожиданной неуклюжестью, Илай освободился из ведерного плена и смотрел на меня снизу-вверх. Шейный платок

выбился из-под воротничка и съехал набок, волосы торчали в разные стороны, поперек покрасневшей от мороза щеки тянулась тонкая царапина.

Он протянул руки:

– Спускайся, Эден!

– Божечки, как высоко! – опешила я от неожиданно опасного расстояния до земли.

– Я тебя поймаю.

В воображении нарисовалась странная картина, как я сигаю с подоконника прямо в руки в Форстада. Мы падаем, закапываемся в снег и нас, замороженных с идиотскими улыбками на устах, находят только весной.

– Лучше полезу спиной...

Следуя собственному решению, я повернулась и с грациозностью крылатого скиффолса начала слезать с подоконника. Вытянула ноги, повисла на локтях. Платье до хруста натянулось на бедрах и сильно мешало движению.

– Ты же там не смотришь мне под юбку? - замерла я.

– Нет, - отозвался он снизу. – Под юбку не смотрю. Она у тебя задралась .

– Какого?.. - Тут выяснилось, что я умудрилась прищемить широкий подол и обнажилась собственными силами. - Отвернись немедленно!

– Эден, не переживай: все интересное прикрыто мантией, – уверил он.

– Наплевать!

Неожиданно я поймала себя на идиотской мысли, что, как назло, натянула с утра шерстяные чулки с самым простым хлопковым поясом, какой даже в общественную купальню надеть неловко. Знала бы, что в середине дня буду висеть с оголенными ногами, выбрала бы шелковые чулочки с кокетливой стрелочкой по всей длине!

– Форстад, ты отвернулся?

– Да!

– Что ты видишь?

– Стену.

– Опиши ее!

– Серая стена... Эден, останови приступ скромности! Что я чулок

не видел? Они, к слову, у тебя с начесом, что ли?

Смерть тебе, похотливая скотина! Я начала вытягиваться на руках и, выворачивая шею, как утка, быстро спросила:

– Ты меня ловишь?

Секундой позже на ягодицы легли большие мужские ладони. Напарник определенно меня ловил, даже подставил руки.

– Ты что же... – процедила я. – Меня за зад лапашь?!

– Сама велела отвернуться! – возмутился он. – Что, не глядя, нащупал, за то и начал держаться!

– Держаться?!

– Поддерживать, – быстро исправился он.

– Ты уже повернулся обратно, почему твои руки все еще там? Немедленно схватись за талию!

– Не дотягиваюсь, – явно издевался он.

– На цыпочки встань!

– Не могу, под ногами ведро.

– Ты уберешь уже лапы с моего зада? – вызверилась я. – Нравится, да?

– Ну-у, – нахально прищелкнул он языком, – ничего так...

В следующий момент стало абсолютно наплевать, за какую часть висящего в воздухе тела меня поддерживал Форстад. Порыв ветра рванул створки, и окно со звоном хлопнуло над головой. От неожиданности я отпустила руки и, моментально теряя равновесие, начала заваливаться назад.

В романтических книжках герои падали в пушистый снег. Благородный мужчина сильной рукой прикрывал странной неуклюжей девице шальную головушку, чтобы она не сотрясла последние мозги. Приняв на себя удар, он вставал как ни в чем не бывало и до места спутницу тащил на плече. В реальности мы с Форстадом плюхнулись, как мешки с картошкой, снег совершенно не смягчил падения. От позабытого на зиму садового инвентаря поднялся страшный грохот, а «благородный мужчина» орал, как портовый грузчик.

– Эден, ты какого демона отпустила руки? – рычал он, помогая мне выбраться из сугроба.

Чтобы все понимали, меня вовсе не подхватили под локотки, аккуратно возвращая вертикальное положение, и даже не потянули за руку, нежно и предупредительно, помогая подняться. Вовсе нет! Он

схватил меня за шкурку, как нагадившего котенка, да ещё хорошенько встряхнул. Удивительно, как и на вороте платья с корнем не отодрались мелкие пуговики-шарики.

– А ты зачем мой зад ощупывал? - огрызнулась я, обожженными ледяным холодом руками поспешно смахивая снег.

– Да случайно я! – ругнулся он.

– Вот и я случайно! Ты что делаешь? – изумилась, когда он принялся расстегивать пуговицы на пиджаке.

– Догадайся, демон тебя дери! – Он сорвал с себя пиджак и, не произнося ни слова, накинул мне на плечи. - Надевай!

Надо было бы поспорить и вернуть вещь владельцу, но от мороза зуб на зуб не попадал. Когда дело касалось выживания, первой засыпала принципиальность. Да и вообще я всегда считала, что люди преувеличивали значение принципов.

– А тебе не холодно? - дрожа, я быстренько сунула руки в рукава, запахла полы с такой силой, что широкий для стройного женского тела пиджак натянулся на спине.

– Холодно, конечно, – процедил он, делая шаг и проваливаясь по колено в снег.

– Забери пиджак!

– Эден, просто закрой рот и позволь мне побыть хорошим парнем!

По мне, одно то, что он сиганул из окна, хотя – очевидно – желание любыми способами попасть на тренировку и не нарваться на наказание считал большой придурью, уже на пять минут делало его хорошим парнем, не имеющим ничего общего с белобрысой столичной принцессой.

– Ладно... спасибо.

– Пожалуйста.

Мы продвигались по заваленному снегом газону к углу общежития, за ним пролежала вычищенная пешеходная дорожка. Преодолели некоторое расстояние, и вдруг я ощутила, что осталась босой. Правая туфля увязла и слетела с ноги.

– Форстад, подожди! – остановила я напарника.

– Что? – оглянулся он.

– Обувь потеряла.

Я начала ковыряться в снегу окоченевшими пальцами, пытаюсь выудить закопанную туфлю, и с победоносным писком подняла ее над

головой.

– Нашла!

Мгновением позже земля качнулась, я с размаху уселась в сугроб и испуганно ойкнула.

– Эден... – то ли простонал, то ли прорычал Илай. Правда, подняться помог.

– Сколько там время?

– Время бежать, - бросив взгляд на часы, заключил он.

– Да демоны дери Клоуна с его хлебушком! – пробормотала я и схватилась за крепкое плечо парня. - Постой мгновение.

С трудом на одной ноге сохраняя равновесие, вытряхнула снег из заскорузлой от мороза туфли и кое-как нацепила. Показалось, что ступню заковали в узкую деревянную колодку.

– Ну-ка, Эден, отойди. - Илай отодвинул меня в сторону, размял озябшие покрасневшие пальцы.

– Слушай, Форстад, не подумай, что я брюзжу, но ты очень не вовремя решил заняться зарядкой, - кутаясь в пиджак, простучала я зубами.

– Помолчи, гений дедукции! – буркнул он, прикрыл глаза и резким движением выкинул вперед руки. От раскрытых ладоней оттолкнулся заметный даже невооруженным глазом воздушный шар. Набирая скорость, он вспорол снег до пожухлой травы. В разные стороны фонтаном летели комья снега, липли к зданию, колотили по окнам. На газоне прочертилась глубокая борозда, сгущенный воздух врезался в стену. Казалось, что здание содрогнулось, с наклонной крыши с грохотом сорвался снежный поток, испуганно разлетелись голуби, и где-то над нашими головами зазвенели разбитые стекла.

– Уходим! – Илай схватил меня за руку и потащил по расчищенному проходу.

С горем пополам нам удалось выбраться на обледенелую брусчатку. С трудом удерживая равновесие, безбожно скользя и так же безбожно ругаясь, мы завернули к учебному корпусу и обнаружили, что на полигоне в ожидании демонстрации уже собралась толпа, а по аккуратно вычищенной тропинке к стеклянной оранжерее, припорошенной сверху снегом, тянется жидкий ручеек юных натуралистов и мамаш, увлекающихся разведением комнатных растений. Не сговариваясь, мы прибавили хода и против движения, цедя

неразборчивые извинения, втиснулись в парадные двери.

До комнат для переодеваний оставалось рукой подать, всего лишь спуститься по лестнице, но на середине пути случилось непоправимое! Конечно, непоправимое без сапожника. На правой туфле сломался каблук, а он между прочим даже не шатался, в отличие от левого. Я не нырнула под ноги гостям только потому, что Илай крепко держал меня за руку и сумел предотвратить неизбежное падение.

– Да твою ж! – не обращая внимания на зрителей, в сердцах выругалась я. – Каблук сломался!

Туфли пришлось снять.

– Ты же не собираешься бежать босой? – почему-то возмутился напарник. – Простудишься.

– По-твоему, бег по сугробам сделал меня здоровее? – оцетинилась я, честно говоря уже не чувствуя пальцев на ногах.

– Почему ты на меня злишься? – обалдел он. – Сама решила сигануть из окна!

И ведь не поспоришь! Пыхтя, как забытый на очаге чайник, с гордым видом я пошлепала к лестнице. Хотелось бы сказать «пошагала», но – нет – пошлепала пятками по мраморному полу, не чувствуя ног от холода и оставляя за собой влажные следы, как воскресшая утопленница из страшных сказок.

Форстад нагнал меня в два счета, с неожиданной легкостью подхватил на руки. От изумления даже вскрикнула:

– Я же тяжелая!

– Да вот именно, Эден. Виси тихо и не дергайся!

Честное слово, это самое неромантичное, что я слышала в своей жизни. Согласитесь, обычно герои любовных романов начинают нашептывать даме на ухо, мол, не переживай, ни при каких обстоятельствах ты не припечатаешь зад к мраморному полу. В крайнем случае, постелюсь, как коврик, упадешь на мягкое – не зашибешься.

– За шею обними, – процедил он через рваное дыхание.

Я неловко подняла руку, забыв про туфлю, огрела Форстада по макушке, на что услышала пару нелестных комментариев, и съежилась, мечтая стать легче весом. Сидела у него в руках тихо, как мышка, представляя себя пушинкой. Подозреваю, что он тоже воображал меня перышком. Однако, если судить по окаменевшим мышцам и напряженной жиле, вздувшейся на шее, представлять мы могли что

угодно, но даже силой коллективной мысли превратить меня в невесомое облачко нам не удавалось.

На лестнице стало страшненько упасть, и я запротестовала:

– Илай, отпусти. Ты меня уронишь.

– Не бойся, - крикнул он сквозь сжатые зубы. - Быстро поднятое, уроненным не считается.

Оставалось только зажмуриться и помолиться академическим богам, чтобы поднимать меня не пришлось. Не доходя нескольких шагов до женской раздевалки, он все-таки опустил меня на пол. Я неловко потопталась и ляпнула первое, что пришло в голову:

– Спасибо, что... кхм... донес и не уронил. Надо переодеться.

Только развернулась, как он сжал мой локоть и тихо остановил:

– Аниса...

– А?

Он молчал, не двигался, сжимал мою руку. Лицо было сосредоточенным и замкнутым, на скулах ходили желваки. Я остро чувствовала прикосновение, не знала, куда девать глаза, и почему-то чувствовала себя ужасно суетливой, хотя даже не шевелилось.

В тишине были слышны неуместные звуки: веселые девичьи голоса из-за двери, треск разгорающегося светильника. Илай быстро облизнул губы, приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но в коридорчике прозвучал резкий голос Армаса:

– Это дом свиданий?

Я отпрянула на шаг, поспешно освободилась от руки парня. Подозреваю, что со стороны мы выглядели похожими на северных оленей, заснеженные, обалдевшие и потрепанные. Разве что ветвистых рогов между покрасневших от мороза ушей не хватало.

– Добрый день, господин магистр, – издевательский проговорил Илай, совершенно не испугавшись ледяного взгляда.

– Мы спасали Дживса от отравления! – выпалила я, жалобно прижимая к груди испорченные туфли.

– Насколько я могу судить, спасти не удалось, и вы закопали тело в сугроб, - выгнув бровь, резюмировал Армас. – Форстад ты тоже был в деле? Нужно готовить алиби?

– Дживс по-прежнему отравлен... – воскликнула я и замялась: – В смысле, он жив, хотя лопаты мы, конечно, нашли... Магистр Армас, можно идти переодеваться, а то очень холодно?

– Холодно? - вкрадчиво повторил он.

– И мокро.

– У вас три минуты, чтобы стало сухо и тепло, – объявил он и действительно отошел с дороги.

Опустив голову, я прошмыгнула в раздевалку с узкими открытыми шкафчиками и длинными лавками. Девчонки обернулись, едва открылась дверь. Тильда шнуровала ботинки и резко подняла голову.

– Вы с Гером лепили снежную крепость?! – взвизгнула она. От удивления очки съехали на кончик носа.

– Нет!

– Он просто вывалил тебя в снегу?

– Да нет же! Геар давно уехал.

– Тогда кто? Это был Мажор,да? Скажи, он? Больше никому!

– Умоляю, не заставляй меня переживать этот позор второй раз, - пробормотала я и едва не подпрыгнула, как в дверь настойчиво постучали, напоминая, что три минуты совсем скоро закончатся, а кое-кому по-прежнему сыро и зябко.

Следить за прохождением лабиринта из темноты оказалось ужасно странным. Испытание началось с истеричного возгласа: «Ох, свет просто погас, а я подумал, что у меня глаза лопнули!», а закончилось воплями: «Мы знаем, за нами следят! Дайте подсказку, а то мы проигрываем!». Подсказывать или вмешиваться наблюдателям категорически запрещалось, даже если участники вздумали бы пригрозить палкой. Впрочем, палок в лабиринте не было, сама проверила.

В конечном итоге команда «победителей» в последний момент обнаружила ключ от двери и успела выскользнуть из лабиринта прежде, чем всем составом перенеслась в подземелье с помощью магического портала. Как жаль, что этот самый портал не перемещал адептов из темного угла точненько в общежитскую комнату!

ГЛАВА 6. Свидание с нагрузкой

Вечером, когда окрестности Дартмурта накрыла сизая зимняя темнота, я начала собираться на встречу с Геаром. Тильда уверяла, будто мы быстренько вчетвером перекусим, заберем гостинцы, переданные из дома, и вернемся, но, похоже, даже Бади было очевидно, что подружка устроила двойное свидание.

Сборы шли тоскливо. Дневное купание в сугробах не прошло бесследно: в горле першило, голова раскалывалось, спину ломило. Выпрямляя спутанные после мытья волосы, я с тоской посматривала на кровать через наколдованное на стене зеркало. Тянуло прилечь, завернуться в одеяло и проспать десять часов кряду, но я все-таки взяла себя в руки. Подкрасила ресницы и губы, даже платье надела открытое, чтобы не выглядеть сбегавшей на свидание монашкой. Глянула в отражение – вырез бесил, а времени на переодевание не осталось.

В общежитии царили недоуменные тишина и пустота, коридоры словно не понимали, куда исчезли жители. Лампы, не чувствующие движения, притухли. До лестницы я добралась в потемках и немедленно столкнулась с компанией парней. Самое удивительное, что среди прочих по ступенькам поднимался бодренький, отоспавшийся Дживс. Ничто в сытой довольной физиономии не напоминало о том, что утром это чудо от слова чудовище почти попросило привести духовника для отпущения грехов.

Внезапно он нахально подмигнул мне и с пошлейшей ухмылкой промурлыкал:

- Принцесса, не нужна хорошая компания на вечер?
- По-моему, ты себе сильно льстишь, убогий, – закатила я глаза.
- Ведьма?! – Дин отпрянул к лестничным перилам, на лице светился священный ужас. – Я тебя не признал!
- Компас сломался? – съехидничала я.
- Ты что-то с собой сделала?
- Предполагаю, что умылась.
- Поделишься волшебным щелоком?
- Дживс, тебе щелок уже не поможет. Если ожило тело, но умер мозг, то поможет только хороший некромант. Ну, еще, может быть,

мама. - Я похлопала его по плечу и под смешки парней начала спускаться.

Геар дожидался нас за воротами замка. В свете зажженных магических фонарей стоял темный наемный экипаж с заснеженной крышей. Лошадка понуро мерзла, возница курил, выпускал в воздух густые облака дыма и до нас долетал запах ядреного дешевого табака.

– Джер, познакомься с моим кузеном Геаром, - официально представила Тильда, не обращая внимания, что бедняга кузен вообще-то обледенел и приплясывал, надеясь не получить обморожение нижних конечностей.

Парни с тоской посмотрели на неугомонную девицу, а потом неохотно начали стаскивать перчатки. С серьезными минами пожали руки. Не произнеся ни слова. Пожалуй, Бади в принципе не знал, что сказать, а Геар слишком замерз, чтобы расточать вежливость, и боялся открыть рот. Эпохальная встреча на морозе выглядела вызовом на магическую дуэль, нежели знакомством будущих родственников.

– Если вы закончили, можно в карету? - пробормотала я, потуже затягивая толстый шарф. - Холодно очень.

Забрались, расселись. Пол экипажа грело живое тепло. Сразу захотелось расстегнуться и прикорнуть. Я позволила себе откинуться на жесткой лавке и смежить веки. Щеки горели от мороза, спину ломило, как у столетней старухи.

– Чем закончилось дело жизни и смерти? – спросил Геар.

– Все выжили, - с закрытыми глазами пробормотала я. - Лимонная водичка оказалась живительной.

– Какое еще дело? – встрепелась Тильда.

– С Дживсом и испорченным хлебушком, - туманно пояснила я.

– Оно имеет какое-нибудь отношение к выбитым в общаге окнам?

– Нет!

– Ты ответила слишком быстро, - хмыкнула подруга.

К счастью, мы подъехали к таверне, давным-давно облюбованной адептами академии, и меня оставили в покое.

Должна признаться, что с окнами действительно вышла большая чепуха. Смотритель общежития, обнаружив побитые стекла, обвинил магистра-стихийника в порче замкового имущества, мол, так увлеклись вредители, что не заметили. Сначала тот пытался доказать, что во время демонстрации мог выбить только ректорские витражи, которые

остались в целостности и сохранности, но под потоком брани быстро сдался. Бросив напоследок, мол, хозяйственникам вообще повезло, что день открытых дверей не закончился разрушением замка, он сбежал в элитные купальни в соседнем городе.

Если что, купальни – факт недоказанный. О них шушукались старшекурсники, что каждый год магистры всем составом, разумеется кроме дам, читающих лекции на факультете общей магии, празднуют в городских купальнях счастливое завершение «конца света». Некоторых преподавателей потом еще пару дней разыскивают по окрестным гостевым домам, иногда находят в обществе тех самых скромных незамужних профессорш... Но не подумайте, будто интеллигентные дамы опустятся до парилок в городских купальнях и тем более до общества академических мужланов, умеющих разве что колотить старинные витражи и под дождем сжигать висящие на флагштоках брюки. Нет и еще раз нет!

В обеденном зале таверны неожиданно оказалось шумно илюдно. По всей видимости, обреченные на домашний арест адепты надеялись, что слух о преподавательском загуле – вовсе не слух, а значит, устраивать облавы никто не станет, и сбежали из академии через «дыру» в заборе, щедро открытую надравшимся привратником. Свободных мест не нашлось. Нам грозило толкаться локтями с какой-нибудь хмельной компанией, но Геар что-то шепнул хозяину таверны – подозреваю, незаметно дал денег – и как по мановению волшебной палочки мы уже рассаживались за столом возле окна, подальше от сквозящей входной двери и кухни, источающей запах сгоревшего в жаровне мяса.

– Свиные ребра брать не советую, – немедленно ответила подавальщица на вопрос, что не стоит сегодня брать на ужин. – Остальное – не подгорело.

Кузены Юри с молчаливого согласия боевого мага, круглогодично сидящего на неизменной белковой диете, заказали «остальное не подгоревшее». Моего мнения насчет меню никто не спросил. Друзья считали, что девочка из восточных долин, где луковая похлебка считается праздничным блюдом, по определению всеядна. Впрочем, я такой и была. Вот оказался бы с нами Ботаник, точно получил бы тяжелое несварение только от вида скворчащей сковороды с истекающими маслом кусками мяса, лоснящимися жиром колбасками и

сморщенными от жара сосисками.

Осенью, когда мы собрались на девичник, Флемм заставил всю компанию жевать цветную капусту и запеченные на огне, обугленные с одного бока овощи. Поди, наш Качок до сих пор мысленно вздрагивает, вспоминая о тех «хлебосольных» посиделках, после которых тащил разомлевшего умника на закорках.

Пауз в застольной беседе почти не возникало, а если и повисало короткое молчание, то его быстро заполняли воспоминаниями о кровожадном кустике, к которому Джер Бади испытывал нежность. Когда Геар, давясь смехом, рассказывал о дерзком нападении мандрагоры на кота, здоровяк с гордостью прокомментировал: «Боец!». Мысленно я представила, как, отвешивая наивысшую похвалу представителю чужой флоры, выпускник училища боевых магов смахивает скупую мужскую слезу, и издевательски фыркнула. Конечно, здорово умиляться зубастому кустику, когда он цветет и зверствует на соседском подоконнике.

Нашествие варваров началось неожиданно. Откуда ни возьмись появился Дживс с покрасневшим от мороза носом и красными ушами, пахнувший холодом и хвойным одеколоном. Он решительно застолбил место: не спрашивая разрешения и не снимая пальто, плюхнулся на лавку. Невольно я вжалась в бок Геара и ткнула его локтем под ребра. Хозяин вечеринки, вообще-то оплативший сытный банкет, уронил с вилки кусочек жареного мяса, закрыл пустой рот и повернулся к неожиданному гостю.

Дживс между тем обременять себя смущением не собирался.

– Сколько у вас еды, ребята. Отпад! – радостно одобрил он и потянулся пряником к сковородке.

– Ты руки мыл, чтобы нашу еду хватать, разносчик заразы? – Тильда звонко хлопнула наглеца по пальцам, заставляя того быстро отдернуть руку.

– Ты чего к нам приперся, нахлебник? Лимонная водичка окончательно жизнь вернула? – без особого радушия процедила я.

– А я не один.

– Так вас много подсядет?! – охнула Матильда. – Не видишь, самим тесно!

– Что-то ты не особенно волновалась о тесноте, когда с Качком залезала к нам в шкаф, – огрызнулся Дин.

Пока они грызлись, я быстро глянула через плечо. Форстад с видом зачарованного бабника помогал знакомой блондинке, любительнице пиджачных пуговичек, снимать пальто. И так он изящно раздевал девицу теми самыми руками, которыми – простите за подробность – меня днем за зад щупал, а потом нес по лестнице, бубня, мол, быстро поднятое уроненным не считается, что горло перекрыло и стало нечем дышать. Блондинку он, поди, ронять не собирался. По крайней мере, точно не на лестнице. А что если в общежитскую кровать?!

Отвернувшись, я схватилась за кружку с медовым напитком и сделала большой глоток, который прокатился по горлу колючим комом. Неужели сладкий хмель всегда был таким горьким? Не зря я предпочитаю ягодный отвар: и вкусно, и голова ясная, и глупости после него не хочется делать. Например, вырвать из рук белобрысой принцессы пальто, всучить блондинке Пуговичке и тычком в спину выставить ее на мороз.

– Дживс, идите за другой стол! – возмущалась Тильда, все еще надеясь избавиться от наглых захватчиков и вернуть непринужденность двойного свидания. – В углу сидят две милые штучки. Очаруй, будут твои!

– Что ты расшумелась, Очк... – Захватчик запнулся, опасливо покосился на Бади и проглотил обидное прозвище. – Вот скажи, кто в трезвом уме сядет за один стол с бывшей Форстада?

Я подавилась на вздохе.

– Проводить вечер с бывшей, конечно, то ещё удовольствие, – издевательски хмыкнула Тильда. – Скажи, Мажор?

Пока меня терзали муки ревности, сладкая парочка, оказывается, успела подгрести к столу.

– Вот и я говорю, что у нормального человека кусок в горло не полезет, – подхватил Дин и молниеносным движением все-таки сцапал со сковородки мяса. Кусочек превосходно полез ему в горло, не застревая на полпути, хотя горячим маслом обожгло губы.

– Не подавись, – бросил Илай и оглядел присутствующих: – Вы же не против, если мы присоединимся?

– Против, – отозвалась Тильда. – Но Дживс почти пустил корни.

Она познакомила ребят с кузенком. Рук парни снова не пожали: Дин эти самые руки очередной раз совал в сковородку, а Форстад снова дал понять, в каком гробу и в каких именно тапочках, видел вежливость.

Вместо рукопожатия он сухо бросил, мол, виделись сегодня, и жестом подозвал подавальщицу. Он тихо делал заказ. Следить за его губами, беззвучно изгибающимися возле уха склоненной девушки, было сродни гипнозу. Хотела оторвать взгляд, да никак не выходило.

– Меня зовут Тина, - прозвучал сквозь неприятный звон в ушах голос блондинки. - Мы встречались на вечеринке.

Неожиданно стало ясно, что все таращатся на меня, ждут какого-нибудь ответа.

– Ты оторвала у Котика пуговицу на пиджаке. Помнишь? - с милой улыбкой, подсказала она.

Не понимаю, почему Форстада все время тянет на блондинок? Возможно, если бы завел брюнетку, она бесила бы меня чуточку меньше, просто из чувства солидарности к темноволосой девушке. Ладно, кому я вру? Цвет волос у очередной девицы совершенно не влияет на желание натравить на нее кустик.

– Мажор, это ты котик? Уф-ф, даже полегчало! – не удержалась Тильда и помахала перед лицом ладошкой, изображая облегчение. - Я решила, что Ведьма на пару со своим кустом нападала на окрестных котов.

Атмосферу разрядила подавальщица, притащившая поднос закусок, кувшин с хмелем и стакан со сладким травяным бальзамом. Я даже и не представляла, что в таверне, где в основном столовались адепты, подавали дорогой алкоголь. Бальзам поставили перед Пуговкой, и в памяти моментально всплыл давний разговор с Илаем, когда он полущутя утверждал, что напитки крепче содовой воды женщине должен покупать мужчина.

– Не забудьте разделить счет, - из чистой вредности попросила я прежде, чем девушка отошла к соседнему столу.

– Не делите, - вступил в разговор Геар. - Запишите на меня.

– Спасибо, но я сам способен оплатить ужин своей девушке, - резко отказался Илай.

Что-что, простите? *Его девушке?* Ненавижу блондинок!

У меня вспыхнули щеки, уши и что-то загорелось в груди. «Пуговичка» схватилась за стакан с таким видом, словно в нем плескался не густой, как сироп, травяной бальзам, а сыворотка вечной молодости, сваренная из корешков рейнсверской мандрагоры.

– Только девушке? – встрепенулся Дживс.

Протянутая к миске рука мгновенно изменила траекторию. Он воткнул вилку в кусок колбасы, явно облюбованный Бади. Здоровяк миндальничать не пожелал, выразительно придавил краешек, и наглый нахлебник немедленно отступил. Не солоно нахлебавшись он облизал пустую вилку.

– Я настаиваю, – мягко улыбнулся кузен Юри.

– Не надо настаивать, – отвечая той же мягкой улыбкой, покачал головой противник.

– Так что делать-то? – громко спросила подавальщица. – Записывать, не записывать?

– Да. Нет! – в один голос сказали щедрые меценаты.

– Скиньтесь на камень-ножницы-бумага, – закатила Тильда глаза. – Или покидайте дротики. Кто выиграл, тот и оплачивает. Хотя, братец, тебе же запретили азартные игры.

Осознав, что парни вознамерились бодаться до стертых копыт, как два упрямых барана, попавших на узкий мостик, подавальщица сбежала к питейной стойке, где ее дожидался новый заказ.

– Ну что, дротики, Форстад-младший?

С расчетливым сарказмом он подчеркнул, чьим сыном является упрямый противник, и я сильно удивилась бы, если бы этот самый «младший» ответил по-другому:

– Конечно. И к слову... – на губах скользнула мимолетная улыбка, во взгляде появилась тяжесть, – я никогда не промахиваюсь.

– Тем интереснее, потому что я тоже, – изогнул брови Геар.

Божечки, на секунду мне показалось, что мы все вернулись в младшую школу и парни вновь одеты в коротенькие штанишки на подтяжках.

Эпичный подъем из-за стола большой компании таверна не пропустила. Даже хозяин взволнованно проследил за тем, как организованной толпой мы направились к мишени для дротиков. Подозреваю, он таращился все-таки не из любопытства и не ради сплетни, а боялся потасовки. Что греха таить, я сама боялась. Парочка старшекурсников, толкавшаяся напротив мишени, без споров уступила игровое поле. Видимо, мы брали численностью, но скорее всего хмурый Бади с красными пятнами на скулах от выпитого хмеля играл решающую роль в устрашении окружающих.

– Ну что, Форстад-младший? – со вкусом унижил противника Геар,

взвешивая на ладони защищенные от магического воздействия дротики с прилично подранным оперением. - До трех раз?

– Одним обойдемся, - высокомерно ответил тот. – Колбасные принцы вперед?

– Если младший аристократ уступает, - не остался в долгу Юри, нисколько не задетый обидным прозвищем.

Он встал на линию,долго примерялся. Потом размял плечи, прицелился еще разок и метнул... Дротик вспорол воздух и воткнулся за пределами мишени. Зато вошел в стену до самого барреля. Народ, следивший за поединком, зашелся издевательским воем.

– Здесь неправильные дротики! – возмутился обескураженный Геар, указывая рукой на торчащую из стены стрелку. - У них центр тяжести смещен.

– Братец, - ободряюще похлопала его по плечу Тильда, - я сделаю вид, что мы незнакомы.

– Юри, ты помнишь поговорку о плохом танцоре? - издевательски протянул Форстад, кажется, позабыв, что для веселья повода не было. Правда. Скажите, какой нормальный человек, обремененный хотя бы зачатками интеллекта, возрадуется тому, что оплачивает банкет на пятерых человек и одного нелепого клоуна Дживса, готового сожрать жареное мясо вместе со сковородкой?

Предвкушая легкую победу, Илай встал на линию, протянул руку и отправил дротик в стремительный полет. Но, видимо, в воздухе витало нечто странное, незаметное, ничем не пахнущее – ну, может быть, горелыми свиными ребрышками – и коварно действовало на меткость. Стрелок попал! В стену, с другой стороны мишени. И остолбенел, не веря собственным глазам. Быть точнее, остолбенели все: народ даже гомонить перестал, ведь наш герой венчал список победителей таверны в метании дротиков в разнесчастную мишень.

Не удивлюсь, если хозяин немедленно на веки вечные сотрет имя Илая Форстада из книги особых клиентов и перестанет давать скидку на крепленое вино.

– Нет – ну – у этих дротиков явно смещен центр тяжести, – оглянувшись «зоркий» метатель к нам.

– Скажи! – страстно поддакнул Геар. – Дротики паршивые.

– Угу, – насмешливо согласилась я. - Туфельки жмут, пиджачок мешается.

– Ведьма! – рыкнул Форстад.

– Что?

– Не будь ведьмой.

– Так кто за ужин-то заплатит? - вставил разволнованный Дживс, притащившийся к мишени с куском мяса на вилке.

– Тот, кто больше всех ест, - ухмыльнулась я. - Но ты, болезный, не стесняйся, наедайся до отвала.

Прощтрафившиеся игроки таращились на стену и по-настоящему недоумевали.

– Что у нас там со ставкой было? – проговорил Форстад. - Кто за ужин платит?

– Заплатим пополам? - предложил Геар.

– Идет.

Божечки, они ударили по рукам. Впервые с момента знакомства. Странно, как оба не поскакали в уборную и не принялись эти самые руки мылить щелоком.

– Позорище, - покачала головой Тильдой. - Пойдемте, подружки, не могу смотреть на этих двух неудачников.

– А что случилось-то? – недоумевала блондинка. – Дротики же долетели.

– Жаль, не в мишень, - хмыкнула я.

Видимо, парни желали подправить реноме, потому как с места не сдвинулись.

– Еще раз? - предложил Форстад.

– Без сомнений, – кивнул противник. – Ставка?

– Сыграем на пуговицу.

– Какая ещё пуговица? – в один голос воскликнули мы с Тильдой. Она – с недоумением, я – с возмущением.

Геар вытащил из кармана отодранную от моей мантии пуговицу и вкрадчивым жестом положил на высокую тумбу возле корзинки с дротиками. В свете магических огней на черной поверхности блеснул золотой герб Дартмурта.

– На эту? - ухмыльнулся он.

– Верно, - вкрадчиво кивнул Илай, встречаясь с противником взглядом.

Они были такие серьезные, словно собирались играть на гору золота, увенчанную королевской короной.

– Пуговица от учебной мантии? - удивилась Матильда. - Кузен, быстренько успокой меня, что я не познакомила друзей с вещевым маньяком. Ты не набрасываешься на адептов и не отрываешь им – кхм – пуговицы. И вообще ничего не отрываешь!

– У твоих друзей, кузина, очень забавное развлечение: они портят друг другу одежду, - развеселился тот, выставя нас полными кретинами, какими мы с Форстадом, похоже, и являлись.

– Нельзя ставить на кон чужие вещи! – сердито сложила я руки на груди, уже предчувствуя град вопросов, которые без сомнений на меня вывалит подружка, едва мы удалимся в комнату для девочек или просто окажемся наедине.

– Отыграй, - нахально предложил Илай.

– Да как нечего делать!

– А проигравший расскажет какую-нибудь правду о себе, - радостно предложила Тина, захлопав в ладоши, а когда порыва никто не оценил, пояснила: – Мы с девочками все время играем на признания.

– С девочками? - повторила я, невольно вспоминая, как целая стайка разряженных в платья адептов мерзла под дверьми мебельного склада. - Чего мелочиться, давайте уж на два секретика.

– Принимаю ставку, – немедленно объявил Илай, не заметив сарказма в моем голосе.

– Я тоже, - согласился ГEAR.

– Вы издеваетесь? - изумилась я. - Может, еще групповое чтение устроим?

– Отказываешься? – вкрадчиво уточнил Форстад.

– Вот еще.

Честно говоря, думала, что даму пропустят вперед. Всегда ведь пропускают. Даже в ветхую лачугу. Видимо, чтобы проверить безопасность прогнившего пола. Но не тут-то было. Противники заявили, что бросать следует по старшинству и принялись мериться возрастом, меня в расчет не взяв.

– Год семнадцатого солнечного затмения, – объявил ГEAR.

Для тех, кто не в курсе, а подозреваю, здесь никто не в курсе, это означало, что кузену Юри исполнился двадцать один, и он считался совершеннолетним.

– Ровесники, значит, - кивнул Илай и на вопросительные взгляды пожал плечами: – Что? Два с половиной года в Эртонской академии.

– Явно прошли мимо, – покачала я головой.

– Зато весело, – ухмыльнулся Дживс, видимо, наслышанный о похождениях приятеля, доведших того до исключения.

Вернее, окончательно Форстада выставили в тот день, когда он не явился в академию из-за неприятного сюрприза, устроенного одной подавальщицей в провинциальной таверне... Нечего было хамить. Вежливым людям никто не подливает слабительное снадобье в крепленое вино.

– Месяц весеннего пробуждения, – между тем продолжали выяснять парни.

– День?

– Четвертый.

Возникла странная пауза. После выяснения страшной правды, что у некоторых людей, даже если они соперники в игре с дротиками, даты рождения могут совпадать, на лицах парней нарисовалась искренняя растерянность. Выглядели они по-дурацки.

– Ты знаешь время рождения? Или скинемся на «камень-ножницы-бумага», – озадачился Геар.

– Скинемся.

– Божечки, как же вы достали, – пробормотала я, взяла три дротика и, подойдя к линии, один за другим отправила в мишень.

Первые два попали в зеленый сектор, совсем чуть-чуть не дотянув до серединки, зато последний вошел ровно в «яблочко». Теткин вышибала, учивший меня игре, испытал бы отеческую гордость. За спиной раздалось ошеломленное молчание.

– Стрелок! – уважительно прогудел Бади.

– Похоже, пуговица моя, – оглянулась я к противникам, с вытянутыми физиономиями изучающим мишень.

– Я думал, что в прошлый раз тебе просто повезло, – совершенно нелогично возмутился Форстад.

– Тебе не идет думать, – фыркнула я. – Ну что, забираю свой выигрыш, а вы тут дальше датами рождения меряйтесь?

Противники переглянулись, видимо, обмозговывая соблазнительность идеи остановить поединок талантов и признать позорное поражение от девчонки.

– Нет, я не готов сдаться без боя, – покачал головой Геар.

Но совершенно точно сегодня что-то витало в воздухе: они набрали

одинаковое количество очков и в глубокой задумчивости вернулись к столу. Пока мы выясняли, кто сноровистее бросает дротики, исчез только-только початый кувшин с медовым хмелем. стакан с бальзамом оказался ополовиненным, а кто-то, явно просто пробегая мимо, надкусил жареную сосиску и вернул обратно в остывшую сковороду. Впрочем, набег на банкет никого не смутил, разве что Тина-пуговка кисло отставила стаканчик, не решившись снять пробу с дорогого питья. Я подавила приступ злорадства и мысленно возблагодарила дерзкого налетчика.

– Почему ты не сказала, что Аниса – мастер? – с претензией спросил кузен у Тильды, пока мы рассаживались.

– Не хотела тебя расстраивать, – хмыкнула та. – Кто первым рассказывает две правды о себе?

– Уговор есть уговор, – подхватил охочий до сплетен Дживс.

Парни переглянулись.

– По дороге я отдал половину колбасы извозчику, – признался Геар.

– Ты серьезно? – вытаращилась Тильда на кузена. – Гостинцы из дома – святое!

– По заветам предков, мы обязаны делиться святым.

– Так и поделился бы с голодной сестрой. Ты вообще что-нибудь привез? – сузила глаза кузина.

– Нет. Остальное забыл на постоялом дворе, – покаялся он и немедленно передал эстафетную палочку собрату по проигрышу: – Господин аристократ-младший?

Господин аристократ покрутил в руках кружку с хмелем и, подняв на меня пронзительный взгляд, произнес:

– Я жалею.

Короткая фраза, заключавшая целый разговор невысказанных слов, ударила в солнечное сплетение. Я почувствовала, как накатывают то жар, то холод, и что тело ужасно ломит. Огромный спутанный клубок чувств. Швырнуть бы в придурка пуговицей, да потом придется мантию застегивать булавкой.

– Что за ущербный секрет, Мажор? – сморщилась Тильда. – О чем ты жалеешь, что этот болван не довез до меня подарки из дома?

– Я жалею, что сегодня побил стекла в общаге, – договорил он, сводя признание к шутке.

– Так и знала! – подпрыгнула на лавке Тильда. – Признайся,

колотили же вместе с Ведьмой! Так?

Я состроила страшные глаза, мол, притворись немым. Форстад нахально подмигнул и поделился вторым секретом:

– Вместе с Эден мы вылезали из окна.

– Ведьма,и ты молчала?! – охнула Тильда.

Божечка, сможешь сделать так, чтобы этому паршивому котику кто-нибудь отдал хвост, и он не мог больше мяукать, а только вопить дурниной? Спасибо. Если что, запиши на мой счет.

В академию возвращались глубоким вечером, взяв один экипаж на всех. Крепкий мороз мгновенно пробирался под одежду, щипал щеки, студил пальцы. Мы шустро загрузились в ледяной салон, немедленно прочувствовав, что места на лавках маловато. Долго примерялись, кто повезет Дживса на коленках, но добровольцев не нашлось. По всему восставшему из трупов оставалось или бежать рысцой за каретой,или пристроиться на козлы. Первый вариант не нравился болезному, второй, подозреваю, не обрадовал бы извозчика.

– Зачем тесниться? – невинно улыбнулась блондинка, в нашей шумной компании почти не подававшая голоса. – Я сяду к Котику.

Быть точнее плюхнулась сверху на котика, хотя, по всей видимости, пыталась опуститься с королевским изяществом. Грациозно ей удалось разве что впечатать копыто мне в сапог. А Форстад, это хвостатое гулящее недоразумение, с которым мы тесно прижимались боками, коленями, плечами, да и вообще разными частями тела, даже не подумало протестующе мяукнуть! Предполагаю, он наоборот замурчал. Просто из-за возни остальных пассажиров, пытающихся поместиться в узком пространстве и не поколотить друг друга локтями, не удавалось расслышать довольного мурлыканья. Но оно было. Зуб даю.

– Я не тяжелая, Котик? - кокетливым голоском протянула Тина-пуговичная паутина.

– Нормальная.

– Только места много занимаешь, - не удержалась я. - Может, поменяетесь с Дживсом местами?

– Нет! – разом громыхнули три голоса.

Карета наконец тронулась, мы качнулись. Тина взмахнула рукой и заехала мне по лбу маленькой сумочкой.

– Извини, – хихикнула она.

Точно специально вмазала! Пуговка-прилипала. Согласитесь, если

уж вскарабкалась на коленки чужого бывшего парня,то цепляйся покрепче и не делай резких телодвижений, чтобы не скатиться на пол... или чтобы не помогли упасть.

Экипаж затрясся на обледенелой брусчатке. Острый нос женского сапога три раза уткнулся в мою голень: тук-тук-тук.

– Ты можешь не егозить? - взорвалась я.

– Ну, извини, карета качается, - огрызнулась она.

– Форстад, держи крепче свой багаж!

– Аниса,иди ко мне. – Геар с подозрительным энтузиазмом протянул с другой стороны салона длинные руки.

– От перемены слагаемых сумма не изменится, – немедленно воспротивилась Тильда откуда-то из-под руки Бади. - Пусть лучше на своей стороне поменяется местами.

– С Мажором?! – окончательно взбесилась я, подогретая стремительно побеждающей лихорадкой и ревностью.

– Вообще я имела в виду поменяться с Дживсом, но если хочешь поддержать на руках девушку, кто мы такие, чтобы вас останавливать, - съехидничала лучшая подруга, всегда умеющая подобрать нужное слово, чтобы окончательно добить.

– Эй, колбасный принц, – через паузу позвал Илай. – Предложение ещё в силе? Колени от мороза не ломит?

– Не жалуюсь, - ухмыльнулся тот из темноты.

– Отлично.

Ловким движением девушка перекочевала к Геару. Обмен был столь стремительным, что ни «багаж», ни «колени» не поняли, каким образом оказались вместе.

– Котик! – взвизгнула Тина, налегая спиной на громко крякнувшего кузена Юри, как на спинку дивана. - Почему ты меня пересадил?

– Ноги затекли, - коротко ответил тот.

Какое счастье, что городские огни, едва сочащиеся через маленькие оконца, не озаряли салон, а всего лишь рисовали на стенах полосы света,иначе все заметили бы, с каким трудом я проглотила довольную улыбку.

– Мне тут в голову пришла мысль, - прервал молчание Дживс.

– Оставь ее при себе, - немедленно посоветовала я. Зная, какой бардак творился в голове у Дина, ничего умного от него ждать не следовало, а глупости интереснее слушать на занятиях по высшей

магии, когда адепты отвечают домашку.

Однако сосед решительно вознамерился поделиться размышлениями с миром:

– Если бы я не знал тебя, Форстад, то решил, что вы с Ведьмой цапаетесь как бывшие.

Он хохотнул над собственной шуткой, в которой не было даже доли шутки, и в карете повисло долгое молчание. Было слышно, как грохотали колеса по каменной мостовой, поскрипывали рессоры, шмыгнула носом блондинка.

– Чего все примолкли? - не понял он.

– Дживс, ты такой кретин, – хмыкнула в тишине Матильда. Лицо терялось в темноте, но по ехидным интонациям можно было легко представить, как она закатила глаза.

– Никакого чувства юмора, – укоряюще поцокал «шутник» языком.

– Дин, - вкрадчиво позвал Илай. - Сделай доброе дело: усни до приезда.

Тот обиженно засопел и отодвинулся от меня, вжимаясь в стенку. Теряться не стала, расправила плечи и наконец вздохнула полной грудью. В полном смысле этого слова, а то от ревности что-то случилось с подачей кислорода к голове: в сумбурных мыслях все время крутилось злосчастное «я жалею».

Карета остановилась напротив ворот академии. Мы дружно выбрались на холод. Замок выглядел мрачным, безлюдным и покинутым, словно днем в Дартмурте действительно наступил конец света. Лишь в жилом крыле светилось несколько окон-глазниц, доказывающих, что замок не обездолен, обитатели не исчезли и по коридорам не летают призраки.

К слову, последнее утверждение ничем не доказано. В академии даже имелся официальный клуб охотников за привидениями. Но, по слухам, за все годы существования сообщества, чудаки сумели обнаружить только одного призрака и им оказался кастелян, раньше любивший инспектировать ночные коридоры. Когда энтузиасты набросились на ничего не подозревающего старика, тот едва досрочно не превратился в злого призрак. Говорили, он месяц гонял наказанных горе-охотников по главному холлу и заставлял по пять раз на дню перемывать мраморные полы. Странно, как после этой абсурдной истории, клуб не прикрыли. Дело «охотников» по-прежнему было живо

– сама недавно видела на доске объявлений призыв ко всем неравнодушным вступать в ряды непримиримых борцов с привидениями.

Форстад сухо попрощался, коротким кивком призвал верного пажу к ноге и оба, пряча шеи в поднятые воротники пальто, торопливой походкой направились к зданию общежития. Тина-пуговка, забыв поблагодарить Геара за щедро предоставленные колени, ринулась следом. Невольно я проследила, как она, поскользываясь на обледенелой брусчатке, нагнала моего бывшего парня, схватила под локоть и, размахивая сумочкой, что-то защебетала.

В голове, как мелодия от застрявшего в музыкальном ящике почти разрядившегося магического кристалла, снова закрутилось навязчивое «я жалею». Почему-то зазвучавшее сладким голосом блондинки.

– До встречи, Аниса, - проговорил Геар.

– Я жалею! – в ответ объявила я.

– Жалеешь? - не понял он.

– Кого? – удивленно моргнула.

– Ты сказала, что жалеешь.

– Я?

– Ты.

Божечки, я сказала дурацкую фразу вслух? Совсем дело плохо. Пришлось выкручиваться:

– В смысле, не жалею, а желаю! Удачи, Геар.

– Ведьма, ты не заболела? - осторожно уточнила Тильда, следившая за престранным прощанием.

– Пока еще нет.

Демоны дери суровую зиму в Дартмурте, у меня действительно поднимался жар! Я столько раз принимала аптекарские снадобья по идиотским поводам, что не уверена, не выхлебала ли все до последней капли жаропонижающее. А сироп подорожника?! После истории с араустом волшебного сиропа оставалось на самом дне флакона! Помру от глупой простуды, даже не достигнув совершеннолетия, только потому, что выдула снадобье для профилактики приступов паники.

Я шагала по пустой лестнице, стук каблучков отражался от стен испуганным эхом и возвращался насмешливым «жалеею». Пожелав друзьям спокойной ночи, завернула в женское крыло, дождалась, когда стихнут шаги, умолкнут голоса, и взлетела на восьмой этаж.

Спать не смогу, пока не выясню, что столичная принцесса имела в виду!

В мужском крыле кто-то забыл закрыть окно. Тепло улетучивалось, воздух был тяжелым, влажным и пах купальней. Я замерла перед комнатой с цифрой пять на притолоке и в дурацком отупении таращилась на дверную ручку. В полумраке холодного, погруженного в тишину коридора красный цвет этой самой ручки казался особенно пронзительным. По всей видимости, Илай больше ни о чем не жалел...

Третий этаж окутывал полумрак. Лампы по-прежнему едва-едва теплились, вокруг ни души. От температуры или, быть может, от ужаснейшего разочарования под ногами плыл пол, словно я шла не по коридору, а по неустойчивой корабельной палубе. Повернула в темный закуток и попятилась, обнаружив в темноте мужскую фигуру...

Сложив руки на груди и опираясь спиной о дверь, возле моей комнаты дежурил Форстад.

– Почему ты под дверью? – выпалила я.

– Стена красится, - пояснил он.

– В смысле, у тебя же в комнате ручка красная!

– Какая ручка? - не сразу понял он. - Дверная?

Я потупилась, чувствуя себя идиоткой. Надо же было ляпнуть!

– От Дина спасаюсь. А ты ходила ко мне в комнату? – отлипая от двери, закономерно поинтересовался он. В голосе звучала улыбка.

– Не ходила, а проходила мимо, – поправила я с умным видом. - Это большая разница.

– Мимо моей двери? - уточнил он с улыбкой в голосе. – На восьмом этаже?

– Божечки! Форстад, когда ты научился цепляться к словам? - почувствовав, что сама себя, образно говоря, приперла к стенке, огрызнулась я. – Ты сам что здесь делаешь? Заблудился?

– Нет, - прозвучало до мурашек серьезно.

На некоторое время между нами повисло молчание. Мы стояли в шаге друг от друга, окруженные темнотой, окутанные странной тишиной. Меня лихорадило то ли от жара, то ли от нервов.

– В таверне ты сказал, что тебе жалко, - произнесла я.

Он не сводил с меня прямого взгляда.

– Я сказал, что жалею.

– О чем?

– Ты знаешь.

– Нет, - покачала я головой. - Понятия не имею. Может, ты жалеешь, что оторвал пуговицу от моей мантии или о том, что выпрыгнул из окна в сугроб...

– Без тебя все не так! – перебил Илай, и у меня вдруг закончились слова. Только были, а вдруг в голове стало пусто. Что за убогие «я жалею» и «все не так»? Как «не так»?! Вверх ногами, задом наперед, наизнанку? Даже не знаю, мне возрыдать или истерично рассмеяться.

Просто понимаете, разве парень, решивший расстаться из-за ерунды, два месяца хранивший молчание с упрямством, достойным лучшего применения, не должен толкнуть пламенную речь? Что-нибудь трогательно-безумное. Вроде того: прости меня, я был полным кретином! Давай сбежим, обвенчаемся и в нагрузку заведем еще парочку кусачих кустиков. И плевать, что мне двадцать один, а тебе восемнадцать. Да и высшее образование было бы неплохо получить, иначе, когда родители сотрут мой портрет из аристократического семейного древа, нам придется пахать как меринам, чтобы эти кустики содержать.

– Спустя два месяца, это все, что ты готов мне сказать? - спросила я.

– Аниса, я не собираюсь посыпать голову пеплом, - резко произнес он.

– Да кто бы сомневался.

– Когда дело касается Вердена, я зверею. Крышу срывает! – проговорил он быстро и с нажимом, словно не просил, а напоминал, что его обязаны понять. Милая столичная принцесса, ей-богу.

– А сейчас крыша плавно вернулась на место, и вот ты здесь, но по-прежнему считаешь, что я опустилась до отношений с преподавателем, – резюмировала со злым сарказмом.

– Я так не думаю.

– Не думаешь, но и не уверен.

– Эден, это я-то цепляюсь к словам? У тебя талант любой разговор превращать в скандал! – взорвался Илай. - Почему, ради всего святого, с тобой всегда так сложно?

– Теперь ты бесишься и меня отчитываешь!

Повисла тяжелая пауза. Не зря, поверьте, умные люди говорят, что молчание дороже золота. Лучше прикусить язык и сдержаться, чем

потом пожалеть о сказанном.

Я начала стаскивать пальто, вдруг ставшее нестерпимо теплым. Илай сжал мои плечи, заставляя замереть.

– Что?

– Помогу.

Повернувшись к нему спиной, позволила себя раздеть. Мы замерли. В душной темноте остро ощущалось, как близко он стоял.

– Прости меня. Я был полным кретином, - тихо произнес Илай, словно прочитав мои мысли. Вдруг стало страшно, что он действительно предложит женитьбу, кустики и пахать, как меринам. В голове даже появилась парочка достойных отказов, но он выпалил:

– Демон дери, Эден, ты такая горячая!

– Спасибо, придурок, за комплимент, - буркнула я и, развернувшись, забрала у него пальто.

– Я не о том... – Он припечатал ладонь к моему лбу. - Ты кипятик!

– У меня жар после забега по сугробам, - спокойно объяснила я.

– Пойдем в лазарет.

– Не выдумывай, Форстад. Сейчас приму снадобье и полегчает. – Я начала лихорадочно копаться в сумочке, пытаюсь отыскать ключ от двери. - Поверь, я не из тех, кто падает в обморок по пустякам...

Не успела договорить, перед глазами потемнело, колени подогнулись. Последнее, что осталось в погасшем сознании, как Илай подхватил меня на руки, не давая расшибиться о каменный пол.

ГЛАВА 7. Любовная лихорадка

Кто-то беспрестанно шептался, слова звучали невнятно, но головная боль не давала сосредоточиться и разобраться в сумятице чужих голосов. Хотелось попросить, чтобы говорили громче. Зачем шипеть на ухо, честное слово? Если не доконает высокая температура, я точно умру от любопытства.

«Спаси нас!»— четко и требовательно проговорил голос.

Я приоткрыла глаза и болезненно сощурилась – казалось, что в палате горела беспощадно-яркая звезда. В белых лучах тонула фигуры мужчины. Я силилась узнать его по силуэту, но слепла.

«Помоги... Ты знаешь!»— почти со злостью шептал пришелец и вдруг крикнул: *—«Ты можешь! Пробудись!»*

И я пробудилась, в прямом смысле этого слова: резко села и со лба слетела влажная салфетка. Вместе с сознанием ко мне вернулся клубок паршивых ощущений до смерти простуженного человека: горло саднило, голова гудела, при каждом вздохе в груди что-то неприятно булькало, а ребра точно сжимало огненным кольцом.

Вокруг был расправлен полог из белой простыни, возле узкой койки стоял деревянный табурет, на высокой тумбе теснились флаконы с аптекарскими снадобьями. Видимо, в лазарет меня принес Илай, если, конечно, разговор в душной темноте коридорного закутка не был затейливой галлюцинацией во время горячечного бреда.

Неожиданно в памяти всплыло размытое воспоминание, как мужские руки стаскивали с меня туфли, вытряхивали из платья и помогли избавиться от чулок. Я быстро дернула одеяло, проверяя ноги. Голые. Раздеваться точно помогали...

Божечки, закопайте меня в сугробе! Хотя нет, сугробов больше не надо. Просто сжальтесь и усыпите на пару суток.

Без сил я опустилась обратно на подушки, плюхнула на лоб влажную тряпицу, словно неприятное ощущение могло заглушить неловкое воспоминание. В тишине раздались чьи-то шаги, полог отодвинулся и появился Илай. В руках он держал миску с водой.

— Проснулась?

Он пристроил посудину на тумбу, забрал компресс и с видом

заправской сиделки положил ладонь на лоб, потом потрогал щеки. Я затаилась, пытаюсь справиться с мыслью, что этими самыми руками он стаскивал с меня одежду. К слову, раздевал без особых нежностей.

– Жар спал. - Он бросил тряпицу в миску, уселся на табурет и устало потер шею. - Знахарь сказал, что тебе придется здесь побыть пару дней. Как ты себя чувствуешь?

– Очень простуженной, – пошутила я. – Сколько время?

– Шесть утра.

– Ты здесь всю ночь торчал?

– Сестра милосердия не вызывала доверия. Очень странная женщина! Выдала снадобья, миску и ушла к алхимику в соседней палате.

– Ему, наверное, было хуже, - пробормотала я.

– Нет, он просто громко кричал, а ты была такая тихая. И белая как простыня... – Он вдруг запнулся и устало растер лицо ладонями.

– Спасибо, - проговорила я, не зная, каким словами выразить огромное чувство, теснившиеся внутри.

– Не благодари, - усмехнулся он. - Просто напиши за меня эссе по мироустройству.

– Хорошо, - совершенно серьезно согласилась я.

– Не же не шутишь?

– Нет, – вырвался у меня смешок.

– Когда ты болеешь, становишься такой сговорчивой. – На его губах появилась улыбка, мягкая, теплая, заставляющая сердце трепетать.

– Тебе надо поспать, Илай.

– Подвинешься?

Я невольно натянула одеяло до самого подбородка и чуть не спросила, а не он ли меня раздевал, но вовремя прикусила язык. Если выяснится, что действительно чулки стягивал Форстад, то проще сразу помереть от высокой температуры, тогда не придется подыхать от мучительного стеснения. Красноречивый жест заставил парня фыркнуть:

– Эден, расслабься. Я пошутил. Никто не покушается на твою кровать.

На некоторое время воцарилась тишина. Я смотрела на Илая, глаз не могла оторвать. Выглядел, мягко говоря, паршиво: кожа была землистого цвета, под глазами залегли тени, завязанный на затылке

хвост рассыпался.

– Пожалуй, мне действительно надо подремать пару часов, – вздохнул он и поднялся. – Если вдруг что-то будет надо, сразу кричи. Помощница знахаря прибегает только к громким.

Он постоял еще некоторое время, словно хотел что-то сказать, но все-таки отодвинул полог. Я испугалась: вдруг разговор привиделся в горячечном бреду? Проснувшись утром, разбитая, измученная лихорадкой, а помощница знахаря вольет в меня ложку горькой микстуры и покрутит у виска, мол, высокая температура пробуждает воспаленную фантазию.

– Илай!

– Что-нибудь принести? – поспешно оглянулся он.

– Если ты не боишься заразиться простудой или свалиться ночью с узкой кровати, то...

Форстад замер, во взгляде появилось странное выражение, словно он не верил собственным ушам. Признаюсь, я сама до конца не верила, что по собственному желанию и без принуждения предложила парню разделить койку в лазарете.

Не произнося ни слова, он плотно закрыл полог, снял обувь. Казалось, что мы уляжемся солдатиками, стараясь не шевелиться и не стеснять друг друга... не стеснять меня, потому как я уже была готова помереть от неловкости, но для позы оструганных бревен следовало выбрать другого парня. Естественным жестом Илай заставил меня уложить голову ему на крепкое плечо, прижаться всем телом. От него пахло мускусным мужским ароматом, смешанным с едва-едва заметным цитрусовым благовонием, и эти запахи вызывали сладкую дрожь где-то внизу живота.

– Засыпай, – пробормотал он...

Проснувшись я на кровати одна. Полог был подвязан, из окошка в палату сочился серый дневной свет, а на соседней койке, удобно подложив под спину подушку, читала толстенный роман Тильда. Заметив шевеление рядом, она подняла голову и тихо, то есть в почти в полголоса, произнесла:

– Как ты?

– Лучше, чем выгляжу, – соврала я.

– Мажор разбудил утром и сказал, что ты загремела в лазарет. Сегодня я твоя сиделка.

– Спасибо, – слабо улыбнулась.

– Не благодари, – покачала головой подругой. – Когда выздоровеешь, напишешь за меня доклад по истории.

– Вы сговорились, что ли? – Я повернулась на спину и белый потолок закружился перед глазами. Хотела растереть лицо руками, но вдруг обнаружила на ладони полупрозрачный, отправленный пару часов назад «приветик»:

«Попробуем еще раз?»

От неожиданности поперхнулась воздухом и громко раскашлялась. Уронив на пол книгу, Матильда испуганно соскочила кровати и бросилась суетиться, словно никогда прежде не ухаживала за больным и считала, будто этот самый больной решил перейти в состояние трупа:

– Что тебе сделать? Воды налить? Подушку поправить? Насыпать в рот порошок от кашля?

– Ага, - уже давясь смехом, просипела я. - Насыпь себе порошок от кашля, в нем есть успокоительное.

– Божечки, ты такая ведьма! – беззлобно огрызнулась подруга.

Через некоторое время в палате появился знахарь. Проверил пульс, посмотрел горло и, уложив на грудную клетку ладонь, послушал дыхание. К сожалению, магия избавляла от физических травм: заживляла раны, даже сращивала кости, если врачеватель был силен, но банальную простуду приходилось лечить аптекарскими снадобьями. Мне прописали постельный режим, велели пить порошки и пообещал зайти вечером, отсоветовав возвращаться в комнату. Протестовать и не подумала: сил дотащиться до общаги просто не было.

В следующий раз я проснулась, когда за окном начало смеркаться, и палате вновь зажглись лампы. На табурете возле кровати восседал Бади с учебником по истории.

– Принял пост? – пошутила я.

Он молча отложил книгу, плеснул воды в кружку, подержал между ладоней и передал мне:

– Теплое.

– Умеешь подогревать воду? - заинтересовалась я. – В училище дают курс бытовой магии?

– Молодого бойца, - поправил он.

Стенки кружки оставались холодным, а жидкость оказалась почти горячей, но не настолько, чтобы обжечь язык, сделав хотя бы осторожный глоток.

– Спасибо, - поблагодарила я.

– Не за что.

Он уселся обратно на табурет и взялся за учебник.

– Хочешь, чтобы я написала за тебя какой-нибудь доклад? - уточнила я, привыкнув, что мои любимые друзья никогда не творили добро безвозмездно.

– Нет, - пожал он плечами и добавил: – Выздоровливай. Научу греть воду.

Под уютное молчание и успокаивающий шелест страниц учебника по высшей магии меня снова окутал сон. Когда я открыла глаза, то за окном совсем стемнело, лампы разгорелись, и в палате было пусто. Флаконы со снадобьями исчезли – на тумбе стояла плетеная квадратная корзинка без ручки с завязанными мешочками. Каждый был подписан. Я дотянулась до одного и приблизила к глазам. «От жара», – коротко и ясно пояснил аптекарь несведущим пациентам.

– Как ты себя чувствуешь? - раздалось из дверей.

Илай вошел в палату решительной походкой, в руках он держал подозрительную бутылку и корзинку, прикрытую салфеткой. В воздухе повеяло ароматами мяса и чесночного хлеба.

– Лучше, - отозвалась я, кажется, заразившись немногословностью от Бади.

– Целый день проторчал в аптекарском дворе, – чересчур энергично заговорил Форстад. - Знахарь посоветовал порошки. Пришлось ждать, пока приготовят. Сестра сказала, что ты ничего не ела весь день. Я съездил в таверну, привез нормальной еды.

– Сам? – вырвалось у меня.

– Дин точно бы не вернулся до ночи, - усмехнулся Илай, переложил корзинку со снадобьями на соседнюю кровать и начал выставлять глиняные горшочки с едой. - Тебе обязательно надо поесть. К слову, ты подумала над тем, о чем я сегодня написал?

Он замолчал. Вопрос повис в воздухе. Мы смотрели друг на друга, как двое чокнутых. Сколько шума из-за одного вопроса...

– Ты видела «приветик»? - проговорил Илай через долгую паузу.

– Да.

– И не ответила.

– Пера нет.

– Ясно.

Избегая смотреть на меня, с непроницаемым видом он откупорил бутылку. В кружку полился густой апельсиновый сок, с мякотью, желтый, как солнце. Понятия не имею, каким образом ему удалось разыскать в провинции апельсины, даже в столице их можно найти разве что в овощных лавках, где обычные люди не отовариваются.

– Я понимаю, что тебе нужно подумать, – вдруг резко высказался он, словно уже ожидал ссоры.

– Хорошо, – согласно кивнула я.

– Хорошо... – тихим эхом повторил он.

– Я подумала.

– Уже?!

Согласитесь, о чем здесь размышлять? Глупо сначала умолять вселенную вернуть бывшего парня и вдруг послать его за грань. Я пока ещё в своем уме. И вообще, мужчину, готового вместо сиделки дежурить у постели больной девушки, целый день проторчавшего в аптекарском дворе, чтобы купить нужные лечебные порошки, а потом неизвестно где отыскавшего апельсины, нужно немедленно привязывать к ноге, чтобы ни за что не сумел сбежать.

– Два условия, – кивнула я. – Они серьезные, поэтому оцени, готов ли ты пойти на жертвы.

– Всего-то? – ухмыльнулся Илай, точно на другое и не рассчитывал.

– Конечно, нужно придумать больше, но я потом все равно забуду, поэтому всего два, – проворчала я и торжественно объявила: – Во-первых, никаких блондинок в радиусе двадцати шагов.

– Шаги будешь считать? – пошутил он.

– У меня хороший глазомер.

– А брюнетки? – немедленно уточнил он.

– Нет! – категорично ответила я. – Мы переходим ко второму условию: вообще никаких девушек. Даже рыжих.

– Принимается, – согласился Илай. В уголках его губ затаилась улыбка.

– И еще...

– Ты говорила про два условия.

– Условия, а не предупреждения. Так вот предупреждаю: этот раз будет последним.

Илай промолчал. На горле дернулся кадык, словно он вовремя проглотил возражения.

– Потому что, Форстад, клянусь, если ты снова бросишь меня из-за какой-нибудь ерунды, то я тебя прикопаю! – довольно внушительно для человека, от слабости не способного подняться с кровати, пригрозила я.

И знала ведь, что снова засыпать вместе – дурацкая идея! Илай тихонечко устроился на кровати и уткнулся носом мне в плечо. Я лежала, завернувшись в одеяло, и страдала от осознания, что в последний раз ходила в купальню и меняла белье прошлым вечером перед двойным свиданием, превратившимся в коллективную гулянку.

– Не напрягайся, – пробормотал он. – Я уйду через пять минут.

Проснулись мы с утра от насмешливого комментария громкой, как магический рупор, Матильды:

– Мажор, тебя из общаги выгнали?

Мы подскочили в оголтелой панике, точно застуканные ревнивой женой любовники. Причем в роли мужа выступала я.

– Проклятье! – охнул Илай и начал скатываться с края кровати.

Он попытался схватиться за решетку в изголовье, но рука соскользнула. Пальцы инстинктивно вцепились в одеяло. Утянув единственный покров и толкнув тумбу, он с грохотом рухнул на пол. Я осталась в задравшейся почти до бедер исподней сорочке, демонстрируя голые ноги. Поспешно и резко отдернула подол. Тонкая ткань треснула, на плече появилась дыра.

– Божечки... – пробормотала, смущенно глянув на подругу.

Беспорядочное барахтанье закончилось полным провалом. В палате наступила дивная тишина.

– Мажор, ты или вставай, или закатывайся под кровать, – посоветовала Тильда. – Я не моралистка, мне без разницы, почему ты теснил больную Ведьму, но сейчас придет сестра.

Со сдавленными проклятиями Илай поднялся. Узрел свои голые ноги и быстренько накрыл одеялом. С головой. Верхняя половина оказалась закутанной – мол, если не вижу, то нестыдно – зато нижняя по-прежнему радовала глаз дивной обнаженностью. Стыдно вспомнить, как я, словно большая черепаха, вытаскивала наружу взлохмаченную голову и поджимала под одеяло ноги.

– Бади придет в восторг... – начала было Тильда.

– Не смей ничего рассказывать Бади! – рявкнули мы с Илаем в один голос.

– О чем? – насмешничала она. – О том, что Ведьме, судя по всему,

полегчало? Даже хорошо, что вы решили выздоравливать на пару – покажу сразу обоим. Уверена, оцените талант.

Она вытащила из сумки сложенный вчетверо листок.

– Вы оказывается не просто стекла били, а с приключениями, – ухмыльнулась Тильда.

Когда я раскрыла новую историю в картинках, то едва не застонала. Неизвестный художник нарисовал наш эпичный побег из общежития! Шаг за шагом, почти каждую нелепость: Форстада с застрявшей в ведре ногой, меня с задранной платком и трусами в горошек. Последний рисунок показывал, как, держась за руки, под фонтаном разбитых стекол мы улепетывали к углу здания.

– Ересь, – скривил губы Илай.

– Скажи! – подхватила я.

– Конечно. У тебя были белые трусы, а не в горошек.

– Ты сказал, что под мантией ничего не видно! – Никогда бы не подумала, что можно пищать осипшим голосом, но я именно пропищала.

– Я соврал. – Рискую получить удар кулаком куда-нибудь в район глаза, он быстро склонился и чинно, как старый дядюшка, чмокнул меня в лоб: – Не злобствуй, черная ведьма. После занятий загляну.

– Так понимаю, об этом Бади тоже нельзя рассказывать, – с сожалением вздохнула подруга, когда за пологом стихли шаги уходящего парня. – Ну, хоть скажи, как вы поместились на узкой кровати?

Она сбросила с плеча сумку, деловито проверила давным-давно остывший горшочек с нетронутым ужином, посмотрела на свет едва початую бутылку с соком.

– С ума сойти, где он нашел апельсины?

– Ты на занятия не опаздываешь? – хмуро напомнила я.

– Я решила прогулять.

– Не прогуливай, у меня все равно горло болит. Знахарь запретил много разговаривать.

Дни, проведенные в лазарете, оказались самыми длинными за весь прошедший год. Друзья приносили новости из внешнего мира, вкусности и всякую ерунду. От Кэпа прилетела традиционная птичка-записка, в которой он сдержанно желал скорейшего выздоровления.

Изнывая от скуки, я устроила групповую беседу, но «лавочку» пришлось прикрыть, когда на листе вдруг появилась запись витиеватым почерком магистра Армаса: «Я вас читаю».

– Кошмар!

Страница вагтвге была мгновенно развеяна. Я следила, как в воздухе кружились черные хлопья сожженной бумаги, и со стыдом представляла, с какой скоростью шуточки появлялись на грифельной доске в кабинете высшей магии. По магистру мы прошли не раз и не два... Ладно, кому я вру? Армас был главной темой, а мы от души соревновались в остроумии. Хотелось надеяться, что узнать шутников по почерку он не успел.

Навестить меня пришел Дживс и «для расширения кругозора» вручил учебник, обвернутый плотной кожаной обложкой с выдавленными золотом буквами «Заветы высшей магии». Только хотела уточнить, не случилось ли у придурка затмение в сознании, раз он ударился в учебу, но открыла книгу и затмение, едва не произошло у меня самой, по крайней мере в глазах потемнело. Под приличной обложкой прятался эротический роман с самым откровенным содержанием. Если бы существовала школа, где молодых супругов обучали брачному долгу, книга стала бы главным методическим пособием!

– Приятного чтения, Ведьма, – ухмыльнулся Дин и, пока я пучила глаза, слинял из палаты.

И знаете, что?.. С таким незатухающим интересом я читала разве что сборник заветов, когда планировала взломать методичку торговца Хилди. Настолько увлеклась, что не заметила появление Илая.

– Учишься? – стрельнул он глазами на название, отпечатанное на обложке.

– Дживс принес учебник по высшей магии, – соврала я, быстренько закрывая книгу. – Очень... интересно.

– Он говорил, что специально заказал эту обложку у кожевника, чтобы прятать от матери эотику? – небрежно уточнил Форстад.

– Божечки... – Я накрылась одеялом с головой и пожелала провалиться в подземелье. В жизни не подумала бы, как неловко себя чувствует человек, застуканный на чтении откровенного романа.

На следующий день над нами сгустились тучи (надо мной заочно). Армас все-таки сложил в одно уравнение графический роман, двух

вываленных в снегу «северных оленей», застуканных возле раздевалок, и разбитые стекла. Илая вызвали на ковер, долго чихвостили командой преподавателей во главе с жаждущим крови зрителем общежития, но правды не добились. В конечном итоге виноватым снова назначили магистра стихийной магии, вернувшегося из городских купален только к вечеру первого учебного дня и по «состоянию здоровья» пропустившего разбирательство.

А потом алхимики наварили какой-то гадости, немедленно поставили эксперимент на себе и организованной толпой в десять человек приползли в лазарет. Так я получила свободу, официальный «отвод» от боевой магии на две декады и строгий наказ ни в коем случае не переохлаждаться.

К слову сказать, в самый ответственный момент, когда меня следовало с почестями проводить до комнаты, а заодно помочь отнести «переселенный» в палату скорбь, все заботливые сиделки грызли гранит науки в учебных аудиториях. Похожая на погорельца, я тащила узел с вещами. Одна. На спине. Думала, что издохну. Особенно в тот момент, когда старая наволочка, выданная прижимистой сестрой милосердия с такой миной, будто она делилась приданым, вдруг порвалась и кучу дряни пришлось собирать, елозя по лестничному пролету.

Пока я болела коридоры главного учебного корпуса нарядились в листовки, напоминающие о карнавале, запланированном на первый день весны.

Женская половина Дартмурта чуточку рехнулась. Все разговоры крутились возле нарядов и приглашений на бал. В столовой, на скамьях в галерее, возле питьевого фонтанчика, в общем зале для занятий – везде обсуждали предстоящий праздник. Неожиданно мне открыли глаза, что девушка обязана приходить на танцульки с парой, иначе до конца учебы ее клеймят неудачницей. Я так смеялась, что потом закашлялась и выжила только благодаря вовремя принятому сиропу подорожника.

Кэп с пафосом объявил, что записал нашу команду в комитет по подготовке к балу. Мы пожали плечами и пожелали активисту удачи. Знаете, как говорится, кто звездочки за организацию танцулек получает, тот бумажные цветочки для бального зала и вырезает. Мы не претендуем, поэтому пусть сам справляется.

Сумасшествие, похоже, передавалось по воздуху. Тильда тоже

поддалась всеобщей истерии. До конца декады она не выпускала из рук каталоги столичных домов мод, рассматривала даже на лекциях, пряча под партой. С серьезным видом помечала наряды и отправляла папочке слезные письма, чтобы он всенепременно достал то или иное платье. Этого моднице показалось мало и в выходной она потребовала устроить «пробежку» по торговому ряду в соседнем городке.

Поход за покупками мы обсуждали по дороге на лекцию по истории, так увлеклись, что потерялись бдительность и нос к носу столкнулись с Кэпом.

– С выздоровлением, - сухо кивнул он и тут же объявил: – Завтра запланирован рейд по городу. Явка обязательна.

Другими словами, вместо похода по торговым лавочкам, мы вынуждены изображать стражей и гоняться за сокурсниками, сбежавшими из-под домашнего ареста. Нет уж, как-нибудь без нас!

– Мне запрещено долго находится на холоде, - напомнила я.

– Предоставляется теплая карета и обед. Пометка в личной грамоте гарантирована, - сделал он попытку изобразить хитренького коммивояжера, пытающегося за бешеные деньги продать дешевку: купите три флакона синенькой краски для волос и бальзам для лысины получите совершенно бесплатно!

– Даже покормят и пометку сделают... – с иронией протянула Тильда.

– В общем, передайте остальным. Сбор в полдень возле будки привратника.

– Кто в общественной деятельности желает поучаствовать, тот всех к будке на мороз и сгоняет, – с доброй улыбкой напомнила я главный постулат нашей команды.

На следующий день парни коллективно отправились на тренировку, а мы с Тильдой за полчаса до сбора улизнули в городок. Морозы отступили, восточные ветра принесли в окрестности Дартмурта потепление. Низкое небо заволочло серой дымкой, готовой разразиться ледяным дождем. Снежная каша хлюпала под ногами и фонтаном летела из-под колес экипажей – только успевай отскакивать. Однако сырая погода никого не испугала, когда мы добрались до торговых рядов адептки Дартмурта уже атаковали лавки готового платья. Складывалось впечатление, что девицы наводнили улицы с раннего утра.

– Так и знала, что красивые наряды разберут, - сетовала она, перебирая вешалки с разноцветными карнавальными костюмами.

– Ты все равно решила заказывать по каталогу.

– А запасной вариант?

– По каталогу ты заказала десять запасных вариантов, – напомнила я.

– Вдруг не успеют доставить? - высказала контраргумент модница.

– Тогда господин Юри пустит посыльного на колбасу, - пошутила я, разглядывая отвратительный наряд феи с похожими на тыквы пышными рукавами и измятыми проволочными крыльями, обтянутыми золотой сеткой, на спине.

– Жаль, что ты проиграла спор. Было бы забавно посмотреть на Мажора в платье и с короной, – проговорила подруга, демонстрируя нечто кружевное грязно-белого цвета.

– Теперь корону придется нацепить мне.

Стоило представить, как в золотистом безобразии я встану перед толпой и выдам пламенную тираду, что Форстад – истинное сосредоточие достоинств, буквально не парень, а ходящий слиток чистейшего золота, сразу хочется заново простудиться и весь праздник проваляться в лазарете с той самой книгой в кожаной обложке, замаскированной под учебник по высшей магии.

На двери зазвенел колокольчик. Невольно я оглянулась и увидела входящего в лавку Брокса в компании Марлис Нави-эрн. На рукавах у сладкой парочки были повязаны зеленые ленты патрульных. Не сговариваясь, мы с подругой нырнули за стойку с нарядами и пригнулись.

– Что они здесь забыли?

– Платьице капитану пришли прикупить, - пошутила я.

Продавец оказалась адепткой Дартмурта и нешуточно струхнула, когда общественные деятели принялись проверять знак академии на ее запястье. Они так увлеклись, пытаясь уличить очевидно невиновного человека в побеге из-под домашнего ареста, что мы сумели тихонечко улизнуть на улицу. За спинами только звякнул колокольчик.

Не успели отойти от лавки, как в конце торгового ряда появился помощник Армаса, во главе с самым угрюмым магистром. Мы с Тильдой переглянулись и нырнули в ближайший проулок.

Узкий «перешеек», раскисший от неожиданного среди зимы

потепления, упирался в параллельную улицу, как раз возле кондитерской, притягивающей взгляд волшебной витрины. За стеклом плясали и кружились живые магически светляки, на подставках красовались покрытые белой сахарной глазурью коврижки, в вазах с высокими ножками лежали присыпанные пудрой и корицей булочки, и позировал большой пряничный домик, разукрашенный разноцветной помадкой. А дальше, в глубине зала, за нарядной витриной, где были расставленные круглые изящные столики, в обществе совершенно незнакомых девиц развлекалась чрезвычайно знакомая троица аристократов.

В полном – демон дери – составе!

Даже тот, кто клятвенно обещал не приближаться к другим девчонкам на двадцать шагов.

– Что-то горячего шоколада захотелось, - проговорила я, пронзая белобрысую принцессу недобрым взглядом, который он по непонятной причине совершенно не почувствовал. Толстокожая скотина!

– Ты же не любишь сладкое, - удивилась Тильда, поправляя очки, и тут тоже разглядела компашку, о чем-то весело беседующую в тепле, пропитанном сладкими ароматами миндаля и помадки. - Ведьма, я с большим удовольствием послёжу, как ты будешь бить... прости, пить горячий шоколад.

Мы решительно вошли в обеденный зал, с такой силой открыв дверь, что колокольчик захлебнулся звяканьем и онемел. Правда, кроме подавальщицы, юной девушки в пышном белом чепце и в фартуке с воланом, на новых посетительниц никто не обратил внимания. Нам досталось место возле окна, с отличным видом, но к трепу стаи разноперых птиц, оккупировавших два сдвинутых стола, приходилось прислушиваться. Но и меня больше интересовало, как присутствие Форстада в кондитерской соизмерялось с условием «двадцати шагов»? Брюнетка, блондинка и рыжая. Он издевался, собрав за один раз целый комплект!

До нас донесся взрыв хохота.

– У них там тройное свидание, что ли? – Тильда будто специально подлила масла в огонь.

Илай взялся за кружку, пригубил напиток и едва заметно улыбнулся, когда рыжая справа подала ему салфетку. Чувствуя, что меняюсь в лице, я вытащила из напоясной сумки пустое перо и вывела

на ладони приветик: «Занят?».

Секундой позже послание появилось на руке у Форстада. Он бросил взгляд на ладонь и сжал кулак, гася магию. Потом нагнулся к той самой рыжей и что-то сказал на ухо. Честное слово, лучше бы сидеть ему болванчиком и не шевелиться! А девушка суетливо полезла в маленький ридикюль и вытащила самописное перо с дрожащим на самом кончике белым пухом.

«Скоро буду», – предельно коротко ответил предатель, видимо, стараясь избежать продолжения переписки. Все! Конец тебе, котик!

– Как интересно! – донесся до нас певучий голосок рыжей.

– Это «приветики», – громко пояснил Дживс, словно сам умел пользоваться удобным заклятьем. – Высшая магия, знаешь ли.

– Научите нас? – втроем защелкала разноцветная стая.

Илай самодовольно ухмыльнулся и прихлебнул что-то из кружки.

«Вкусно?» – с лаконичной вкрадчивостью уточнила я.

Он резко выпрямился, словно «поймал» неожиданный удар между лопаток. Вороватый взгляд заскользил по залитому дневным светом залу, наконец остановился на мне. Лицо у Илая вытянулось, а в светлых глазах появилось выражение чистой, ничем не замутненной паники. Любо-дорого посмотреть.

Рыжая вдруг принялась кокетливо трепать его за рукав пальто, будто умоляла немедленно научить отправлять «приветики». К чести Форстада, он предпринял отчаянно попытку освободиться от чужих пальцев, но соседка неожиданно почувствовала силу мужской руки и бросилась ощупывать сначала предплечье, потом плечо. Она точно бы не верила, что под плотной тканью не прячется деревянный протез.

– У всех хранителей такие обалденно каменные мышцы? – донесся до меня сладкий голосок.

На белобрысого предателя было больно смотреть. Особенно, когда я поднялась со стула и с непроницаемым видом пошла к компании. Он с таким усердием стряхнул наглые руки рыжей, что протестующе зашатался столик и жалобно забренчала посуда, а по скатерти поскакали круглые кофейные конфеты.

– Привет.

При звуке моего голоса бедняга Дживс, вообще-то сидевший спиной и не подозревавший, что к ним приближалась «грозовая туча», подавился на вздохе. Он схватился за стакан с водой и принялся жадно

пить.

– Давно не виделись, – отсалютовал Остад.

– Со вчерашнего дня. С ума сойти, сколько времени прошло! – с елеистой улыбкой напомнила я.

– Эден, – в заметном напряжении покачал головой Илай, – не надо...

Видимо, он просил не развеивать по воздуху ничьих заколок, хотя я сама пока не понимала, чего именно не надо делать. Другими словами, подал хорошую идею.

– Мальчики, а кто это? – проговорила рыжая, хлопая подкрашенными ресницами.

– Девушка того парня, которого ты сейчас щупала! – рыкнула я.

Скандалное признание, что его высочество связалось с главной ведьмой факультета, произвело эффект разорвавшейся шутихи: всех словно оглушило. Не в состоянии проглотить новость, Дин решил ее запить, как горькое аптекарское снадобье, и схватился за стакан.

– Ведьма, ты нашла на Форстада компромат?! – наконец вернул дар речи Трой.

– Полегче! – резко осек друга Илай.

– Думаешь, проклянет? – охнул тот.

– Думаю, я сломаю тебе челюсть, – хмуро пригрозило «высочество».

Дживс поперхнулся и выпустил изо рта фонтан брызг. Мы отпрянули в разные стороны, и стол зашатался, подломилась хрупкая длинная ножка. Круглая столешница накренилась. На пол со звоном посыпалась посуда, поскакали конфетные шарики, шмякнулись пирожные, алым ручьем из кувшина выплеснулся ягодный напиток и разлетелись осколками изящные фарфоровые чашки.

Что сказать? Бардак удался на редкость масштабный! Ведьма причинила зло, ведьма может улетать. Жаль, метлу ещё осенью сдала кастеляну в хозяйственный чулан.

– Хорошего дня, ребята.

Остановить меня никто не пытался. Может, Форстад и хотел бы окликнуть, но инстинкт самосохранения или, может, опыт общения со взбешенными подружками подсказывал, что стоит дать девушке остыть. А потом на друзей налетела подавальщица и попыталась устроить разборку. Страшно представить, в какой сорим встало нашим

аристократам дурацкое свидание.

После обеда возле моей двери появилась ржавая лопата с перевязанным красной лентой черенком. Она одиноко подпирала угол, скусился понурый криво повязанный бант. Видимо, садовый инструмент выступал в роли извинений, мол, Ведьма,ты можешь меня прикопать, если хочешь. Скрипнув зубами, я затащила лопату в комнату. Вовсе не из восхищения от смекалки и тонкого чувства принцессы-предательницы, побоялась, что зритель увидит сворованный из-под окон общаги древний инвентарь и поднимет скандал.

Вечером, когда я уже успела выплеснуть раздражение на Тильду и ради медитации разобрала заклятье, заставляющее врущего человека икать, в дверь постучались. Открывала во всеоружии: с грозной миной, заготовленной обличительной речью и большим желанием ударить предателя по голове лопатой. Последнее, правда, было под вопросом. Куда скандал, знаете ли, выведет.

Дверной проем загораживала шкафообразная фигура Бади.

— К кусту, - пояснил он.

Скупой на слова боевой маг испытывал неожиданную нежность к кусачей мандрагоре. Вечно притаскивал невообразимые алхимические подкормки, о которых я, человек ничего не смыслящий в садоводстве и один раз засушивший кактус, никогда не слышала.

Словно ощутив присутствие здоровяка, мирно дремлющая в ведре поросль пробудилась и начала шустренько выкапываться из земли. Бади вытащил из кармана широких брюк бумажный сверток, аккуратно развернул. Внутри прятался крошечный флакон и пипетка. С сосредоточенным видом он принялся добавлять крепко пахнущий эликсир в землю, а цветочек танцевал и пытался поймать капли на лету.

— Говори, - прогудел гость.

— Подкормить кустик тебя прислал Форстад?

— Да.

— То есть ты вроде птицы мира?

— Вроде птицы, - согласился Бади.

Неожиданно меня прорвало. Жестикую и меряя комнатную шагами, я выплескивала накопленное возмущение. Обругала принцессу, припомнила расставание, разноцветное трио за столиком в кондитерской и еще кое-что по мелочи. Высказалась и замолчала. В

комнатушке воцарилась тишина.

– Помогу, - глубокомысленно ответил на длинную пламенную тираду Бади.

– С чем? – моргнула я, сдаваясь перед попыткой постичь мышление боевого мага.

– Скрутить парня. Спрятать тело. По обстоятельствам. - С серьезной миной оң кивнул в сторону лопаты и поднялся с подоконника. - Зови.

– Ага, - с трудом сдерживая испуганный смешок, промычала я. – Спасибо, что выслушал.

– Обращайся, Аниса Эден.

Илай появился после ужина, справедливо рассудив, что сытая девушка – расслабленная девушка, зачехлившая метлу и спрятавшая в шкаф ведьмовской колпак. Он сжал мои плечи, притупив бдительность неожиданным жестом, и ловко оттеснил в комнату.

– Ты что делаешь? – рыкнула я, пытаюсь освободиться.

– Не возмущайся, Эден. Я спасаю тебя от ссылки в Рейнсвер.

– Чего?!

– Если в итоге ты меня прикончишь, то лучше без свидетелей. Понимаешь: известная семья, родословная и все такое прочее...

– Как у элитного кобеля? - не удержалась я.

Стоически проглотив ехидное замечание, он быстро прикрыл дверь, навалился на нее спиной.

– Нашла? - кивнул на лопату в углу.

– У тебя всегда такие оригинальные подарки, - заметила я.

– Прежде чем ты этим – кхм – подарком меня прикопаешь, позволь сказать пару слов в свое оправдание. У Троя с Дживсом было свидание вслепую.

– Вслепую – это как? Они глаза себе завязывали, а ты был вместо собаки-поводыря?

– Знакомство по переписке.

– То есть ты заменял сваху иставлял новым подружкам оценки за умение вязать шарфики?

– Я присутствовал из мужской солидарности, – поправил он. - И понятия не имел, что девушки возьмут с собой подружку. Полагаю, что из женской солидарности. Помнишь Нину?

– Какую еще Нину, - сузила я глаза и, давая понять, что он вообще

не делал лучше, многозначительно скрестила руки на груди. Красноречивый жест Илая не смутил, более того он не испугался пояснить:

– Которая с пуговицей.

– Тина.

– В смысле, тина? Болотная? - искренне озадачился он.

– Ту, которая с пуговицей, звали Тиной.

– Точно! – Илай щелкнула пальцами, и в разные стороны брызнули золотистые магические искры. – В таверну мы прихватили Тину для Дживса, но еда его заинтересовала больше.

– А на коленки она к тебе плюхнулась от отчаянья, что наш клоун больше любит пожрать, чем блондинок, – с издевкой припомнила я поездку в карете. – Ты сам веришь в ересь, которую несешь, фея любви?

– Принцесса, правда зачастую звучит полным бредом.

– Серьезно, принцесса?

– В общем, извинения ты принимать не хочешь, - заключил Илай.

– Ты так странно извиняешься, что сразу не разберешь, но спасибо, что прислал Бади. Он по крайней мере молчал и не хохотал, как припадочный, пока я высказывалась.

– Тактический ход оценила?

– Так себе хитрость. Легче не стало.

Вдруг он сжал мой подбородок пальцами, нагнулся и поцеловал. От уверенного, даже нахального прикосновения губ я перестала дышать, разучилась моргать и совершенно точно забыла, как мыслить трезво. Этакая безмозглая, обезоруженная ведьма.

– А теперь? – прошептал он, всматриваясь в мое лицо. – Уже меньше злишься?

– Вот еще... – с трудом ответила я.

– Хорошо, потому что мне нравится тебя целовать.

Самым сложным этим вечером оказалось выставить его за дверь. Глубоко за полночь. С лопатой в обнимку.

ГЛАВА 8. Дурные знаки

Время кружилось в сумасшедшем танце. Оттепель сменилась морозами, ясная погода снегопадами. Верным пажам Форстада надоело спрашивать, не имеется ли у меня компромата на их лучшего друга, и они почти перестали вздрагивать, когда мы вместе входили в столовую. Наступило время первого в полугодии квеста.

Ранним утром, сонная, растрепанная и совершенно не готовая общаться с миром, прижимая к животу корзинку с косметическими флакончиками, я вышла из комнаты. Только хотела широко зевнуть, как захлопнула рот и громко выругалась, не жалея эпитетов.

Пока окрестности академии сковывала непроглядная темнота, замок утопал в полумраке притушенных ламп, а все нормальные адепты спокойно дрыхли, какой-то альтернативно одаренный вандал подкрался к моей комнате и вдохновенно занялся «наскальной живописью». Дверь была разрисована непонятными символами! Не понимаю, отправлять записки теперь, что ли, не модно?

Утро было потрачено на помывку двери под молитвы академическим богам, чтобы смотритель не надумал проверить общежитское имущество, пока наша команда будет покорять лабиринт. Ядреная краска намертво въелась в дерево, и алхимическая оттирка оказалась бесполезной, только по коридору разнесся подозрительный душок, недвусмысленно намекающий, что в комнате за поворотом случилась какая-то дрянь. Побледнеть, но не исчезнуть, символы заставила магия.

Я пропустила завтрак, получила пяток кричащих «приветиков» от друзей и на квест собиралась с проворностью боевого мага-новобранца перед построением. Выскочив из комнаты, бросила последний взгляд на разрисованную дверь и пригрозила неизвестному художнику:

– Найду и прикопаю!

До подземелья добиралась бегом, совершенно не стесняясь прибавлять скорости в длинных переходах между корпусами. Когда я влетела в гулкий зал с колоннами, инструктаж, призывающий адептов быть друг к другу терпимее, не избивать наблюдателей и не громить лабиринты, закончился. Шла жеребьевка. Первая из команд выбирала

квест-комнату. После адептов перетасовали, и народ заметно нервничал. Впрочем, перед проверочными испытаниями первогодки всегда находились в ажитации.

С каменным лицом, будто все время стояла позади, я пристроилась за спинами друзей и сделала вид, что не замечаю недовольного взгляда Армаса, проткнувшего дыру где-то в районе моего лба. Подозреваю, что с начала учебного полугодия тирана высшей магии мучила бессонница, и он всегда пребывал в поганом расположении духа. Особенно по утрам.

Илай оглянулся через плечо, увидел меня и тихо спросил:

– Что случилось?

– Спасалась от штрафа за порчу двери.

– Дверь, что ли, выбила? – Удивительно, как ему хватило сил сдерживать смех.

– Разрисовали.

– Не сумела отмыть? – громким шепотом посочувствовала Тильда.

В начале месяца какие-то шутники испоганили подруге дверь, а вредный старик-смотритель заявил в духе постулатов нашей команды: кто в комнате живет, тот за целостность имущества и отвечает. Никакой гибкости! Она спорила до хрипоты, обещала пожаловаться в ректорат, но в итоге осталась должна академии – уму непостижимо сколько! – целых четыре сорима. Подозреваю, сумма штрафа была записана в личную грамоту, как раз над пометкой об участии в общественной деятельности. Поди, пока не оплатит, диплом не отдадут.

– Другими словами, команда нервничала, а ты отмывала дверь? – вдруг надумал прочесть прочувственную нотацию Брокс.

Противореча пламенному утверждению, с возмущительно индифферентным видом Дживс широко зевнул, поленившись вытащить из кармана штанов руки, чтобы прикрыть раззявленный рот.

– Ну да, все издергались, – хмыкнула я.

Пока он обиженно соображал, чем ответить, чтобы наверняка обидеть ехидную ведьму, подошла наша очередь выбирать лабиринт. Мы направились к Армасу.

– Инструкции все слышали? – строго спросил он.

Никто не подал голос. Злопамятный тиран любил самого болтливому одарить обременяющим поручением. Бросишь словцо, которое не понравится магистру, и два долгожданных выходных

просидишь над каким-нибудь магическим охранным амулетом, ревущим голосом рейнсверской летающей коровы.

– Сами выберете лабиринт или мне потрясти? – поторопил Армас.

– Предоставляете дополнительный сервис, магистр? - хмыкнул Илай, с нахальной ухмылкой встречая ледяной взгляд отцовского приемыша.

На лице Армаса заходили желваки.

– Я капитан! – заявил Брокс, вклиниваясь в молчаливое противостояние. - Я выберу!

Не сводя глаз с Форстада, выразительным жестом куратор встряхнул шар. В туманной глубине высветился тринадцатый номер. В голову мне пришла ехидная мыслишка, что мы все время оказывались в одном и том же лабиринте. Проще сразу его застолбить за нашей командой и не терять время на жеребьевку.

– Удачи, - магистр кивнул в сторону нужной двери.

– Друг, это что было? – тихо спросил Дживс, когда мы направились ко входу в лабиринт.

– Ничего, - сухо отозвался тот и вдруг положил теплую ладонь мне между лопаток.

От неожиданности я едва не споткнулась, украдкой оглянувшись через плечо. Стало ясно, что посмотреть исподтишка все равно не удалось: Армас провожал нас пристальным взглядом. Точно придумает на выходные какую-нибудь работу на благо академии!

Мы вошли в знакомую комнату с деревянными полами, каменными стенами и высокой подставкой с магическими песочными часами.

– Так! Команда, внимание! – едва закрылась дверь, вдруг хлопнул в ладоши Брокс, вызвав не коллективное внимание, а скорее изумление. - Как капитан я обязан контролировать прохождение задания! Помните, самое главное время!

Суетливым движением он полез в карман штанов, вытащил маленькие песочные часы и поставил на ладонь:

– Не беспокойся, команда. У нас есть кому следить за временем.

– Божечки, а я-то гадала, почему у тебя карман все время оттопырен, - со смешком прокомментировала Тильда неожиданное коленце Кэпа. - Такого уже насочиняла...

– Кэп, переворачивай часы, - скомандовал теряющий терпение Илай.

– Хорошо! – решительно кивнул он и перевернул крошечные часики в своих руках.

Оставалось только закатить глаза.

– Кретин, – тяжело вздохнула я и шагнула к подставке.

– Куда? Мы еще не установили правила поведения в лабиринте! – воскликнул Брокс.

– Какие правила? – сморщился Дживс.

– Ты не в курсе, может быть, но я-то знаю, что в прошлом году наша новая команда оставила в лабиринте человека. Беззащитную Марлис! И ещё избила наблюдателя! – выпалил он, напоминая смертника, решившего перед казнью заложить подельников.

– Не бойся, Кэп, ты не останешься в лабиринте, – поддержала товарища по команде Матильда. – В крайнем случае уйдешь через портал.

– И бить тебя никто не будет, – уверила я.

– Не подходи со спины, – коротко посоветовал Бади этим своим веским басом, от которого у любого труса по спине бежали мурашки и начинали дрожать коленки.

Судя по затравленному взгляду, у Кэпа и задрожало, и побежало. Наверняка он проклинал минуту (если еще не успел проклясть), когда Армас легким взмахом пера записал его в команду Илая Форстада-младшего, дружба с которым точно добавляла кучу звездочек в личную грамоту. Или же бедняга молился академическим богам, чтобы выбраться из лабиринта через дверь и если очень повезет, то без синяков.

– На счет три! – предупредила я.

– Чего? – хлопнул глазами Коэл.

– Три.

Часы были перевернуты. Мгновением позже нас привычно накрыло густой, слепящей темнотой, вызывающей странное ощущение, будто паришь в безвременье, где нет ни стен, границ, а лишь бесконечное пространство.

– Ты куда поскакал? – зашипела невидимая Тильда. – Оцепеней, парнокопытный зверь! Ногу отдал! –

– В отличие от тебя, у меня два глаза, а не четыре! – огрызнулся Дживс. – И ни один не видит.

– Тишина! – отрезал Бади.

Свет медленно возвращался. Фигуры друзей перестали казаться застывшими силуэтами, проявились очертания пустой комнаты: деревянные стены и дощатый пол. Не сговариваясь, мы начали оглядываться. Стойка и дверь исчезли.

– Найдем проход, - командовал Илай.

– Да! Вперед, команда! Время бежит, надо действовать! – словно на утренней зарядке в младшей школе, подхватил Кэп.

Я щелкнула пальцами, проверяя возможность использовать магию. В разные стороны брызнули золотистые игры, а восторженный энтузиаст испуганно отшатнулся:

– Демоны мне помогите, напугала! Зачем сыпать искрами?! – Он даже топнул ногой.

– Проверяю действует магия или нет, – процедила я. – Вдруг захочется кого-нибудь лишиться голоса.

– Кхм, - глубокомысленно согласился Кэп, отходя от меня подальше, словно бы не знал, что для магии расстояние – вообще не препятствие.

– Окрасим стены? - немедленно предложил Форстад.

– Окрасим – это как листик на высшей магии? - смешался Дживс и закрутил головой, когда мы разошлись каждый в свой угол, чтобы покрыть гладкие деревянные стены в красный цвет и отыскать очертания пока невидимой двери. - Вы серьезно?

– Дин, ты дерево? - рявкнул Илай. - Шевелись!

– Знаете, у меня некоторые проблемы с заклятьем окрашивания... – затараторил Брокс.

Я прикоснулась к стене, сделала глубокий вдох. Голоса друзей отдалились и стихли. В голове появилась приятная пустота – ни одной мысли. Из-под вспыхнувших кончиков пальцев начала растекаться красная лужица, словно из самописного пера пролились густые чернила. От кляксы в разные стороны стремительно разлетелись тонкие ручейки, потекли по углу, замерли на границе с полом и завернули, отчерчивая ровный контур. Полоски расширились, окрашивая панели красным цветом, глянцево поблескивающим, словно свежая алхимическая краска. Двери не было.

– Проклятье! – вывел меня из магического транса истеричный вопль Дживса. – Очкастая, остановись, демоны тебя дер!

Со стороны Тильды стена была покрыта мелкими красными

крапинками, на пол сбегала узкая тропинка. На пути своевольная магия столкнулась с «деревом», которое было готово орать, но не работать. С обалдевшим видом Дин широко расставил ноги, а под ним пролегалла веселая дорожка, тянущаяся до противоположного конца комнаты. Но Кэпа безжалостное окрашивание не пощадило – один рукав и плечо покрывала ровная крапчатая полоса.

– Простите, парни, - подняла руку Тильда, прося извинения у покрашенных жертв.

Дживс презрительно фыркнул, намекая, что некоторым лучше не колдовать, а стоять в сторонке – собственно, как поступал он – и повернулся спиной. Штанины, спина и даже воротничок рубашки были покрыты милыми красными горошками.

Стараясь сдержать хохот, Илай изобразил беззвучные аплодисменты. «За грань!» – одними губами ответила проштрафившаяся колдунья.

Кэп дернулся, чтобы предупредить товарища по несчастью о конфузе, но мигом закрыл рот, когда я выразительно провела пальцем по горлу, мол, притворись немым, если не хочешь оказаться забытым в лабиринте.

– Вы чего все примолкли? – с подозрением повернулся Дживс.

– Да так... - с жутко деятельным видом мы разошлись в разные стороны.

– Нашел, - между тем, оповестил Бади. Пусть его часть стены была раскрашена не особенно опрятно, но даже неравномерного цвета оказалось достаточно, чтобы выделить очертания двух дверей.

– Правая, левая? – принялся советовать Форстад со здоровяком.

– Да без разницы. Начинайте с любой, - взмахнула руками Тильда.

– Время идет! – провозгласил Коэл. - Выбьем с помощью магии!

– Лучше не тратить силы, – покачала я головой. После окрашивания стены мышцы начали ныть: тело намекало, что с колдовством следует повременить, чтобы не выехать из лабиринта на чьих-нибудь закорках. Вообще, на закорках неплохой вариант, хуже ногами вперед.

– Кто за то, чтобы выбить с помощью магии? - не растерялся оппонент и немедленно поднял руку. Любитель голосования недоделанный.

Он так и стоял с задранной рукой, демонстрируя полоску впалого

живота под задравшейся рубашкой, когда Бади навалился на заслонку плечом. От мощного удара дверь с грохотом провалилась внутрь и нам открылась комнатенка, где, завернувшись в плащ со спущенным с головы широким капюшоном, притаился магистр Гариф.

Он изумленно смотрел на нас, мы в ответ таращились на него. До всех медленно доходило, что мы случайно рассекретили наблюдателя, который ни в коем случае не имел права попасться на глаза участников.

– Мы промахнулись? - вопросительно прошептала я.

Потерявший дар речи магистр, медленно кивнул.

Бочком Бади неловко протиснулся в преподавательское убежище, поднял дверь и аккуратно поставил обратно, прикрыв дыру. Выглядела починка, мягко говоря, средненько. Секундой позже дверь с грохотом провалилась внутрь, едва не пристукнув крикнувшего магистра.

После ремонтного провала тишина показалась поистине монументальной.

– Поправлю, - проговорил Джер, нагибаясь, чтобы поднять разнесчастную заслонку.

– Оставь, как есть, – сжалился магистр.

– Извините, - дружно проговорили мы и на цыпочках, боясь шуметь, пробрались ко второму входу. Тот поддался без особых усилий, выламывать не пришлось, только аккуратно толкнуть.

Пока по очереди мы перешагивали через высокий порожек, Брокс тихо ныл:

– На инструктаже ведь предупреждали, что нельзя крушить лабиринты! Я ваш капитан, пометку в личной грамоте сделают мне!

Соседняя комната походила на мебельный склад в хозяйственной башне. Вокруг теснились разломанные парты, перевернутые стулья, нашлось одно старое распоротое кресло. Стоял уличный холод, и магические огни спали, никак не реагируя на движение. Едва за нами закрылась дверь, как помещение погрузилось в темноту.

На ладони Илая, озаряя лицо призрачным мерцанием, вспыхнул магический огонек. Искра росла, расширялась, превращаясь в сферу. Оттолкнувшись от руки, светоч начал медленно подниматься к потолку. Помещение постепенно наполнялось светом, мебель начала отбрасывать контрастные тени, а лица приобрели голубоватый оттенок и словно тускло засветились.

– Да будет свет! – объявил Дживс, сверкнув зубами. Жутковатое

зрелище!

– Не зубоскаль, придурок! – процедил Илай. Заклятье искусственного света отбирало много сил. Не до шуток, знаете ли.

Единственная крошечная дверь, похожая на люк, пряталась под самым потолком. В стене под ним нашлись пазы для пластин. Создатели лабиринта предлагали нам собрать мозаику.

Поисковые заклатья входили в курс боевой магии и с начала зимы два раза в учебной декаде мы лазали по рукотворным руинам, устроенным в одном из залов для тренировок. Все ноги были в синяках!

Говорили, что в прошлом году Гариф отправил адептов оттачивать мастерство поиска в леса, и практика закончилась полным провалом. К назначенному часу вернулась только половина первоодок. Кого-то вывел лесник, других разыскивали всеми известными поисковыми заклатьями, даже Армаса заставили лазить по чаще, а еще несколько потеряшек приехали на почтовой карете из соседнего городка. В общем, та еще практика! В ректорат посыпались жалобы от родителей, возмущенных изуверским методом обучения нежных чад. Понятия не имею, как после лихой тренировки за магистром сохранили место.

В воздухе замельтешили поисковые светлячки. Илай был вынужден стоять с раскрытой ладонью, чтобы не упустить капризный шар, а мы бросились разыскивать платины в мебельных завалах.

– Пойдите! – призвал Брокс. – Нам надо выработать тактику поиска!

– Коэл! – потеряла я терпение. – Подойди к Бади со спины.

– Зачем? – попятился он, припомнив наказ здоровяка ни в коем случае не подкрадываться сзади.

– Тишины очень хочется.

– Эй, Ведьма, ты чего напрягаешься? – хмыкнул Дживс. Вместо того, чтобы обыскивать письменный стол, он на нем восседал.

– Дин! – сдержанно позвал Илай. – Тебе тоже стоит напрячься.

– Я нашел подушку! – страшно обрадовался Кэп, а когда никто не восхитился бесполезной находкой, забормотал: – Хорошая подушка, мягонькая...

Шар под потолком бледнел и таял, помещение медленно погружалось в полумрак. К счастью, мозаику удалось быстрее, чем у Форстада закончить силы. Когда нас накрыло темнотой, заслонка растаяла и появился мерцающий бледным свечением лаз.

К стене была придвинута парта, водружен более или менее устойчивый стул, потом табуретка... В общем, стоило помолиться, чтобы конструкция не развалилась прямо под ногами, и никого не похоронило под завалами сломанной мебели.

– Дамы? - сделал Дживс приглашающий жест рукой.

– Нет, – покачала я головой, давая понять, что не собираюсь выступать в роли подопытного кролика и самой первой лезть в нору. - Пусть идет Кэп!

– Я? - Он скромно стоял в сторонке и обнимал подушку – единственное, что сумел отыскать на складе с помощью поискового светлячка.

– Ты ведь капитан.

– Подушечку с собой не возьмешь... – вздохнул он, отложил трофей и полез на верхотуру. Мебель под его ботинками на толстой подошве подозрительно закрипела, зашаталась и, кажется, собиралась превратиться в те самые руины, под которыми было легко спрятать труп неловкого адепта. Но обошлось. Кэп долго возился, пыхтел и что-то бормотал сквозь зубы, на слабых ругах подтягивая длинное тело к лазу. Забрался методом дождевого червя, егозя и вихляя нижней частью тела. Наконец ноги, обутые с ботинки на толстой подошве, исчезли в лазе.

– Ребята, не волнуйтесь за меня! – крикнул он словно со дна глубокого колодца. – Я в полном порядке! Слышите? Все хорошо! Тут светло, на колени можно встать...

Неожиданно сверху донеслась бравая песня об отважном орле, который ни в коем случае не сдавался свирепому врагу. Надеюсь, Коэл там от страха не потемнел рассудком.

– Я полезу перед Бади, - категорично заявила Тильда. - Не хочу, чтобы некоторые пялились на мой зад.

– А почему ты уставилась на меня? - возмутился Дживс.

– Не ругайтесь, - остановила я нарождающийся спор. – Мне без разницы, если кто-нибудь будет пялиться. Если что, просто ударю ботинком в рожу. Услышал, Дин?

– Не пойму, в нашей команде я один парень с глазами? - взвыл тот.

– Глаза есть у всех, но твои мне не нравятся!

Только дернулась к мебельной пирамиде, как Илай схватил меня за локоть, запрещая забираться впереди остальных, и кивнул:

– Дживс, лезь! Сейчас же.

В конечном итоге мы все оказались в длинной норе под потолком и друг за дружкой, как дисциплинированные муравьи, поползли на коленках в неизвестном направлении. Шлеп-шлеп. Тоннель пошел под уклон. Передвигаться стало жуть как неудобно, хоть на пузо ложись и съезжай.

– Подожди, - остановила я Форстада.

С гибкостью тела у меня всегда были некоторые проблемы. Кряхтя, как старуха, и держась за стенки, я кое-как перевернулась ногами вперед и заскользила вниз. Шустро, бодро, будто на горке, разве что льда под штанами не было. А потом едва не уткнулась в задний фасад Дживса, по-прежнему стоявшего в позе парнокопытного.

– Вы чего в очередь выстроились? – упираясь пятками, рыкнула я.

– Кэп не хочет вылезать, - простонал Дин, видимо, подуставший протирать штаны.

– Сначала надо обстановку разведать! – крикнул тот. - Вдруг внизу демоны-крикуны?

В словах Брокса имелся резон. Пока мы не встретили ни одной «страшной рожи», но кто мешает создателям выпустить эту самую «рожу» в последнюю комнату? Демоны-крикуны, может, считаются безопасными для людей, но, знаете, мой кустик тоже не относят к плотоядным, а живую муху он слопал. Сама видела! И на пальцы охотится, как хищник. Впрочем, не исключаю, что дело вовсе не в кровожадности – он просто невоспитанный паршивец.

– Пни Кэпа! – зашептала я. - Заодно демонов проверим.

– Можно? - обрадовался Дин.

– Нужно! – рыкнул нагнавший затор Илай. - Хочешь здесь заночевать?

Армас провожал нас в лабиринт с такой перекошенной физиономией, что в воспитательных целях вполне мог «забыть» в лабиринте до утра.

С удивительной энергией Дин ринулся вперед. Следом громыхнул вопль вышвырнутого из тоннеля Брокса:

– Рехнулись, демоны?! Здесь даже не подстелено!

Интеллигент недоделанный. Получи я пинок ботинком по тому месту, на котором сидела, орала бы благим матом, а когда все выбрались наружу нахлобучила обидчику по башке.

– Сделано, – отчитался Дин и легко вылез из тоннеля.

– Там высоко? – громко спросила я.
– Сама проверишь, – отозвался он.
– Придурок, – проворчала я, начиная подползать к дыре. – Никакой командной выручки...

Оказалось, невысоко, особенно по сравнению с окном первого этажа в общежитии. Наружу выбралась легко, даже не ободрав ладоней, разве что штанины задрались, когда свесила ноги и пыталась дотянуться до каменного пола.

– Я зад отбил! И часы расколотил! – накинулся на меня Кэп, словно догадавшись, кто именно был инициатором волшебного пинка. – Эти часы, между прочим, были взяты у кастеляна. Что мне теперь делать?

– Не переживай, Кэп, – подбодрила я. – Пару раз почистишь парадное крыльцо, сразу простят.

– Почистить – это лопатой, что ли? – опешил он и ткнул себя в грудь: – Я?! Вместо дворника?!

– Ты же любишь приносить пользу академии.

К тому времени, как остальные выбрались из тоннеля, я успела осмотреться. Новая комната оказалась небольшой и, судя по деревянной двери, была последней в игре. Стены испещряли нечитабельные символы, показавшиеся смутно знакомыми. От орнаментов и узоров начинал пестреть в глазах. Очевидно мы угодили в центр огромного ребуса, в котором следовало отыскать верное слово, открывающее выход из лабиринта.

– Эден, ты помнишь заклатья, снимающие морок с литер? – задрал голову и разглядывая символы, спросил Форстад.

– Смутно, – призналась я. – Но попробую.

Прежде чем Армас буквально на блюдечке принес нужное для взлома методички заклатье, пришлось хорошенько покопаться в библиотечных сборниках. Кое-что безусловно запомнилось, но испытывать мудреное колдовство мне не доводилось.

Вдруг в тишине прозвучал неприятный резкий звук, означавший, что до конца испытания оставалось не больше десяти минут. Мы дружно подняли головы, точно бы сигнал шел из потолка, потом переглянулись.

– Поторопимся! – пробормотала я и, приблизившись к стене, прижала ладони.

Некоторые символы вспыхнули, мелко задрожали и запрыгали, на

доли секунд являя знакомые литеры. Свет начал меркнуть, темнота постепенно густела. Время испытания неуклонно подходило к концу.

Команда наперебой делилась догадками, называла магические заклятья «одного слова», а меня терзало неприятное ощущение, что камень безжалостно и жадно высасывал магию. По-настоящему испугавшись, я отпрянула от стены и почувствовала сильный толчок в спину. Инстинктивно, стараясь сохранить равновесие, сделала шаг вперед.

– Какого...

Я круто развернулась, а тело осталось на месте, неподвижное, точно скала, оцепеневшее, с опущенными руками, с этими сжатыми до побелевших костяшек кулаками. Светло-карие глаза остекленели.

– Получилось! – с восторгом воскликнула Тильда.

Мы успели! Друзья отгадали зашифрованное заклятье «одного слова» и все-таки разблокировали дверь. В открытом проеме виднелась озаренная магическими огнями комната с дощатым полом и каменными стенами. Осталось лишь перевернуть песочные часы, отмеряющие последние секунды. Ну и разбудить застывшую посреди лабиринта идиотку. Интересно, испытание засчитают, если я постою рядом с командой, так сказать, ментально?

– Ведьма, ты чего замерла?! Отдельное приглашение выслать? – крикнул Дживс, не догадываясь, что разбудить меня можно разве что хорошенько встряхнув. Или вмазав пощечину. Надеюсь, до последнего дорогие друзья не додумаются.

Внезапно мое внимание привлекло неясное движение, точно в углу шевельнулась тень. Я бросила взгляд и похолодела, если, конечно, бестелесные призраки могли покрываться испуганными мурашками и испытывать озноб. Из темноты за нами пристально наблюдал Флемминг Квинстад...

Инстинктивно я дернулась к потерянному другу, каким-то образом возникшему в лабиринте Дартмурта, но Илай с силой дернул меня за руку, мгновенно заставляя дух вернуться в тело. Движение его были почти грубы и до невозможности резки, словно от бурлящей ярости... или сильного страха.

Большая ладонь легла на мой затылок, и голова оказалась прижата к твердой груди. Сбитая с толку, ошарашенная стремительным слиянием, я попыталась освободиться, но Илай словно спеленал меня, заставляя

затихнуть. Свет полностью погас. Дверь растаяла, отрезая нас от остальных. Квест закончился.

Мы тесно прижимались в тишине холодного глухого лабиринта. Я чувствовала себя натянутой струной, оглушенная произошедшим и сбита с толку. Слишком много событий для нескольких коротких минут: зашифрованные символы на стенах-пиявках, высасывающих магию, раздвоение сознания, когда, казалось, недуг совсем отступил, пугающее явление исчезнувшего приятеля, с уходом из Дартмурта решительно оборвавшего связь...

– Лучше вместе, – тихо выдохнул Илай.

Яркая голубая вспышка от магического портала резанула по глазам и заставила зажмуриться. Показалось, будто под ногами провалился пол, от молниеносного падения в пустоту в горле встал тошнотворный комок. В общем, переход через магический портал был так себе удовольствием. Я судорожно вцепилась пальцами в рубашку Илая, а когда открыла глаза, мы уже стояли в преподавательской башне, в зале с погашенными магическими зеркалами, через которые во время испытания магистры наблюдали за адептами. Другими словами, с огоньком и скоростью переправились на ковер к Армасу, даже в его кабинет не пришлось спускаться. Какой удивительный сервис, демоны дери!

Мы переместились не одни, людей, застрявших в квест-комнатах, оказалось много, были здесь и преподаватели, и наблюдатели из старшекурсников, одетые в черные плащи, но мы с Форстадом единственные, кто обнимался. Искренне верю, что нам коллективно позавидовали.

– Так и будете обжиматься? – спросил Армас. Как ни странно, холодный голос развеял вязкое наваждение лабиринта. Я вернулась в реальность с ощущением, будто вынырнула из ночного кошмара.

Илай неохотно разжал руки и позволил мне отступить, но не очень далеко, на расстоянии в восьмушку шага. Вокруг закружились сдавленные смешки, хотя, по моему скромному мнению, причин для веселья не имелось, а позубоскалить над другом по несчастью – так себе радостный повод.

– Эй... – с угрозой Форстад оглянулся через плечо к чужой команде, всем составом перенесшейся в зал и хихикающей особенно громко, как девчонки. Насмешники моментально замолкли.

– Господа адепты, вы побили собственный рекорд. В этот раз собственными силами из лабиринта вышло только восемь команд!

Армас отчитывал все стадо неудачников, но тяжелым взглядом буравил исключительно нас. Он словно подсознательно ждал, что двое надоевших до зубного скрежета паршивца возьмутся за руки и вприпрыжку свалят в закат, наплевав на прием обязательной порции порицания, и мысленно смаковал, как поставит обоих на место. Даже тиранам нужна хоть какая-то радость в жизни, а то все злится и злится, будто впрямь по ночам не высыпается и круглые сутки ненавидит весь мир, поэтому я не стала его разочаровывать. В смысле, не ускакала за линию горизонта с Форстадом под мышкой – это было вторым пунктом в плане, а слепо нащупала руку своего парня.

Естественным жестом, не глядя на меня, он переплел наши пальцы в крепкий замок. Вряд ли Илай подозревал, как мне нравилось уверенное, спокойное пожатие теплой руки: касание ладони к ладони, томная ломота в сомкнутых пальцах.

– Адептка Эден!

До меня дошла очередь персонального порицания и пришлось сосредоточиться на каменном лице магистра:

– Вы единственная стипендиатка в этой толпе победителей. Не пора ли начать беспокоиться о среднем балле?

На кончике языка крутился десяток ироничных реплик, от самых невинных до откровенно дерзких, и каждая была способна довести до какого-нибудь персонального задания от куратора. Я поступила мудро: потупилась и промолчала, разглядывая пыльные носы ботинок.

– Полагаю, вы в полной мере осознаете цену провала, - не дождавшись ответа, проворчал грозный куратор.

Он прав: стоит среднему баллу опуститься ниже унылого «хорошо», как на следующее полугодие меня лишат стипендии. Придется искать подработку и скорее всего зубрить высшую магию на кухне какой-нибудь таверны или под прилавком торговой лавочки. Тетка Надин не даст ни сорима в казну Дартмурта. Даже если грянет раскол грани, по улицам за демонами-крикунами начнут охотиться скиффолсы, кусты арауста спеленают королевскую семью, а деньги обесценятся – все равно не даст. Лучше ссылет в горшок и закопает в саду до наступления хороших времен.

Отчитав меня, Армас перекинулся на Илая. Тот не стал нарываться

на конфликт, видимо, не желая подчеркивать привилегированное положение. Молча пропустил мимо ушей придирки и, не поведя бровью, проглотил град издевок. Зная отношения этих двоих, Форстад заслужил медаль за выдержку!

– Господа, хочу верить, что на выходных вы поразмыслите о своем будущем в академии Дартмурт, - подытожил обличительную тираду куратор. - Все свободны.

Едва мы выбрались из преподавательской башни в учебный корпус, Илай подхватил меня под локоть и затолкал в пустую учебную аудиторию.

– Я знаю, - тихо проговорил он, не сводя тяжелого взгляда с моего лица.

– Ты о чем? - прошептала я, прекрасно понимая, о чем пойдет речь.

– В лабиринте ты оцепенела, не шевелилась и никого не слышала!

– Строго говоря, я прекрасно вас слышала.

– Это ведь был не транс, так? Ты вела себя как... – Он осекся, видимо, пытаясь подобрать деликатное определение.

– Как ушибленная? - с ядовитым сарказмом подсказала я.

– Не передергивай! Эмрис... моя мать одно время была помешана на ментальной магии. Аниса, мне приходилось видеть людей в момент раздвоения сознания. Давно практикуешь? – в тоне Илая звучало неодобрение. Он говорил об астральных перемещениях, как о пагубной привычке или дурной болезни.

– Я не практикую, а страдаю самопроизвольным раздвоением, - с трудом вымолвила я, заставляя себя проговаривать каждое слово, застревающее в горле.

– Хочешь сказать, что ты этим не управляешь? – изогнул он брови.

Покачав головой, неохотно призналась:

– Впервые раздвоение случилось прошлой осенью после переезда в Дартмурт. Сначала подумала, что у меня начались галлюцинации.

– Другими словами, ты скрываешь, что в любой момент можешь потерять контроль над телом. Ты в курсе, что такое нельзя держать в секрете!

– Нельзя скрывать? Ты серьезно?! Да меня примут за сумасшедшую! – Я перевела дыхание, стараясь успокоиться и не наговорить лишнего, о чем потом несомненного пожелаю. - Больше двух месяцев ничего не происходило. Я думала, что все закончилось!

– Как видишь, нет, – сухо заметил он.

– Илай, клянусь, мне очень жаль, что мы не прошли лабиринт. Я всех подвела и извинюсь перед командой. Только не надо меня отчитывать, меньше всего сейчас хочется слушать проповеди!

– Ты совсем дура, Эден?! – с неожиданно злостью рявкнул он, но немедленно примолк и тоже перевел дыхание, очевидно стараясь проглотить обвинения. – При чем здесь испытание? Раздвоение опасно для мага, даже если он думает, что контролирует разум. Контролирует! Самопроизвольно выходить из тела, это как... как прыгать с крыши и надеяться, что из спины вылезут крылья. Ты слышала, что некоторые не возвращаются?

– Да, - тихо произнесла, отводя взгляд в сторону.

Нет, Илай, я не слышала, а едва не испытала на себе. Удовольствие, скажу тебе прямо, ниже среднего.

– О проблеме с раздвоением должны знать близкие, чтобы успеть помочь! – отчитывал он.

– Об этом я читала, – призналась я и зачем-то начала спорить: – Еще в той книге говорилось, что оно затухает, если не пытаться это умение развивать. Не о чем беспокоиться...

– Ради всего святого, Аниса, ты говоришь словами Эмрис! Какая еще книга? Адепты ментальной магии готовы написать, что раздвоение – это божественный дар, и они действительно в это верят... – неожиданно он осекся и нехорошо усмехнулся: – Книжонку дал Армас, так? Он все знает?

В голову пришла дурацкая мысль: мог ли магистр подсунуть мне фолиант, когда-то принадлежавший Эмрис Форстад? Может быть, они вообще вместе занимались этой самой ментальной магией, которую так сильно осуждал ее сын.

– Да.

– Подожди... – Илай растер лицо ладонями, провел рукой по волосам, словно мысленно старался подобрать цензурные слова, а из приличного в голове крутились одни междометья. – Выходит, ему ты рассказала, а от меня скрыла?

– Я не рассказывала! С чего бы мне с ним секретничать? Он застал меня во время – божечки, как это назвать-то? – приступа.

– И немедленно предложил помощь, - договорил Форстад. - Верден никогда и ничего не делает по доброте душевной. Еще не поняла?

– Ты предвзят.

– Нет!

– И ничего не знаешь!

– Верно подмечено! – Он резко щелкнул пальцами, но после сложного заклятья, использованного в лабиринте, в воздух не выбилось ни одной магической искры. – Я ничего не знаю! Однажды моя девушка может не очнуться, а я как бы даже не в курсе. Почему ты не пришла ко мне? Мы не чужие!

– Сначала не понимала, что происходит, потом было стыдно.

– Полагаешь, я бы шарахался от тебя, как от прокаженной? Посчитал чокнутой и отказался помочь? Зачем заводить отношения с человеком, которому не доверяешь, Эден?

Одним махом он задал столько сложных вопросов, что поневоле растеряешься и выпалишь, как на духу:

– Каждый раз я видела тебя! Доволен?

В аудитории вдруг стало очень тихо, даже в ушах зазвенело.

– Что ты имеешь в виду? – изменившимся голосом переспросил Илай. Заявление определенно его поставило в тупик и притушило гнев.

– Каждый раз, когда случалось раздвоение, я оказывалась рядом с тобой. И ты был... в разных ситуациях.

Вопреки здравому смыслу, на лице Форстада засветилась подобному ироничная улыбка:

– Ты заставляла меня в купальне или, может, с девушкой?

– Если ты спросишь, понравилось ли мне увиденное, то я тебя ударю! Находишь это смешным?

– Нет. По большому счету, мне плевать, что ты видела и слышала.

– Однажды я оказалась свидетелем вашего с отцом разговора об академии, о ссылке в Нозерфейд, о друзьях, которые тебе не нужны. О том, что его место не унаследовать, но ты обязан его получить, чтобы Форстады остались у власти. Тебе все ещё без разницы?

Мы молчали, не отводили глаз, не моргали, как в детской игре в гляделки.

– Да, – ответил Илай. – Но теперь я знаю, что буду мыться в полотенце и выбирать выражения, когда обсуждаю с парнями секс.

– Божечки, Форстад, порой я тебя ненавижу! – Я толкнула его в грудь и немедленно оказалась смятой в крепких объятиях. – Дай выйти!

Илай и не подумал подчиниться, только стиснул крепче. Видимо,

чтобы не начала драться.

– Как много потеряно времени просто потому, что нас не учили разговаривать и слышать, - выдохнул он мне в волосы.

– Не обобщай. В этом кабинете только одна глухонемая принцесса, и это не я.

– Верно, - хмыкнул он. - Ты глупая, но крайне самостоятельная ведьма.

– Прикопаю!

– Не выйдет, ты вернула лопату.

– У меня остался совок.

До нас донеслись приглушенные стенами и закрытыми дверьми перезвоны песочных часов. Один сигнал, другой, словно проходила перекличка. Захрипел подышающий вебрь в соседнем кабинете истории, скорее всего разбудив не только заснувших адептов, но и всех призраков Дартмурта. Занятие подошло к концу, как и самый откровенный разговор в моей жизни. Пришлось отстраниться и выйти в люди, пока люди не нагрянули к нам и не застали за жаркими обнимашками.

На разрисованной двери в общежитии меня ждала прилепленная на простенькое заклятье желтая бумажка от смотрителя. Возможно, вредный старик решил провести внеурочную проверку или кто-то подсказал, где искать испорченную собственность академии, но мне без суда и разбирательств, поди, с небывалым удовольствием выписали штраф в четыре сорима. Да еще с пометкой «немедленно отмыть дверь»!

– Ну, здорово! – процедила я, срывая листик.

Только собралась промаршировать к смотрителю и, по-девичьи пустив горькую слезу, попросить забрать штраф – вдруг сжалится? - но от мелькнувшей в голове мысли замерла, не шелохнувшись. Снова обернулась к двери и внимательно присмотрелась к надписям. Так и есть! Стены в лабиринте были изрисованы теми же символами, завуалированными иллюзией.

Рука заметно тряслась, когда я прикладывала ладонь к деревянному полотну. После квеста сил почти не осталось, даже герб Дартмурта на запястье и тот потускнел. Пришлось высасывать резерв почти досуха, рискуя на пару дней остаться без капли магии и читать исключительно любовные романы, а не учебники.

От заклатья зашифрованные знаки задрожали, мелко запрыгали и превратились в знакомые литеры старомagического языка. Колени подогнулись то ли от слабости, то ли от испуга.

«Я все ещё здесь. Флемм», - было написано на двери...

– Ты поднимаешь бурю в стакане с водой. Я уверена, что над тобой кто-то подшутил, - через полчаса третий раз повторяла скептически настроенная Тильда.

– В таком случае, этот кто-то очень настойчиво шутит. Может, хочет, чтобы все поняли, насколько он серьезен, – парировала я.

Если припомнить, странных призывов о помощи приходило немало: появилась и исчезла надпись на стене в комнате, в середине лекции по высшей магии прилетела записка, мгновенно растаявшая, стоило ее прочесть. Просьбы от неизвестного мгновенно испарились, не оставляли следов. Да и сейчас, кода прикрытое иллюзией послание было расколдовано, литеры начали медленно бледнеть. Глядишь, к утру окончательно сотрется, и можно будет спорить со зрителем за несправедливость денежного взыскания. Но пока надпись оставалась на месте, и мы четверо изучали ее с таким вниманием, будто ждали, что она нарастит дополнительные литеры.

В коридоре общежития зазвучал девичий смех – соседки по этажу возвращались с занятий, мы спрятались в комнату, подальше от лишних ушей. Бади немедленно уселся на подоконник и с задумчивым видом начал дразнить кустик. Они словно бы забавлялись детской игрой в кулачки: один участник подставлял палец, а второй – пытался схватить. Боевой маг выказывал удивительную проворность, ловко убирал руку, мандрагора смыкала пустой бутон, а потом входила в ажитацию и просто из принципа пыталась цапнуть ускользящую жертву.

– Резюмируем, – сказал Илай. – Кто-то присылал тебе послания с просьбами о помощи, но ты полагала, что над тобой подшучивают. Ночью появилась надпись, а утром в лабиринте ты что-то увидела.

– Не что-то, а кого-то. Флемминга.

Рассказывая о явлении Ботинка, я обошла тему раздвоения сознания, соврала, будто из-за сложного заклатья выпала на пару минут из реальности, что было недалеко от истины. Друзья поверили, а Илай промолчал, признавая право каждого хранить секреты. И вообще пусть в меня бросит камень тот маг, который ни разу не терял связь с действительностью после особенно трудного колдовства. Как видите,

пока даже крошечной речной галькой никто не запустил.

Проваленное испытание привело в отчаяние только Брокса. Он попытался созвать общий сбор, а когда не удалось загнать всех в пустую аудиторию, начал разборку прямо посреди главного холла. Впрочем, стоило напомнить капитану об удивительной бесполезности во время прохождения квеста, он немедленно примолк. По-моему, Кэп единственный, кто не потратил ни капли магии и даже был в состоянии скандалить. А Дживса возмутил исключительно покрытый горошками зад. Когда он вышел из квест-комнаты, народ закатился в диком хохоте, и бедняга возжелал провалиться под землю, но земля отчего-то не возжелала под ним проваливаться. Пришлось щеголять покрашенным фасадом.

– Понимаете, все очень странно, - вымолвила я. - Флемм ушел из академии и как в воду канул, ни на одно письмо не ответил.

– Возможно, Ботаник просто не хочет с нами общаться, - рассудила Тильда.

– Матильда, мы друзья!

– Похоже, он так не думает, - пожала она плечами.

– Поедем к нему, – не давая вспыхнуть новому спору, предложил Илай. – Узнаем, почему не отвечает на письма.

– К Квинстаду? – несколько опешила я от неожиданного поворота. - Когда?

– Сейчас.

– Но Флемм живет на другом конце королевства! – охнула я. - До южного берега добираться минимум двое суток на перекладных.

– Или ночь на воздушном судне, - возразил Илай. - Если выйдем сейчас, то завтра с утра будем на месте и вернемся к началу занятий. Твоя мандрагора даже мигрировать не успеет.

– Я не могу себе позволить билеты на воздушное судно, - спокойно пояснила столичной принцессе очевидное для любого человека, не обремененного наследством, обстоятельство.

Всегда считала и до сей день придерживаюсь мнения, что глупо испытывать стыд за скромные доходы или завидовать чужому богатству. Жизнь, право слово, такая длинная. Кто знает, не поменяемся ли мы местами лет через двадцать.

– Зато я могу, - парировал Илай. - Или у тебя другие планы на выходные?

В его устах затея звучало казалось очень простой: покидали вещи в саквояж, завязали шнурки и поехали. Разве полкоролевства – расстояние для свихнувшихся искателей приключений?

– А нас вы в расчет не берете? - возмутилась Тильда. – У нас тоже никаких планов и большое желание высказать коллективное «фи» Ботанику. Правда, Бади?

Тот перевел взгляд с щелкающего клыками кустика и прогудел:

– Да.

Мгновением позже кусака вцепилась ему в палец, заставив болезненно поморщиться.

– Тогда решено, - объявил Илай.

ГЛАВА 9. В поисках Ботаника

Через час мы усаживались в наемный экипаж до столицы, который оплатили вскладчину. Не успели разместиться и пристроить дорожные саквояжи, как дверца распахнулась. Тяжело дыша морозным воздухом и выпуская облачка сизого пара, нас нагнал Дин с покрасневшими от холода ушами и носом.

– Форстад сказал, что вы в столицу. Возьмете?

– Нет! – точно хористы на выступлении слаженно ответили мы.

– Мы же команда! – возмутился Дживс. В его устах слово «команда» прозвучало секретным паролем, позволяющем комфортно добраться до столицы и не потратить ни сорима на междугородний экипаж.

– Ты собирался ехать с Остадом, – припомнил Илай.

– За ним карету пришлют только завтра утром, – пропыхтел Дживс и закинул дорожную сумку. – Неохота терять время.

– Потеряй, – велел Форстад и выразительно подвинул подброшенный багаж к краю.

– Да ладно, мужик, что в общаге перед выходными делать? Все равно едете, – С поразительным нахальством он запрыгнул на ступеньку, неловко поскользнулся и только чудом не разбил подбородок.

– Клоун, – вздохнула Тильда, глядя на то, как он забирается, а когда он подвинул нас на скамье, то пробормотала: – Упитанный клоун.

Экипаж покачивался на неровной, заледеневшей после внезапной оттепели дороге. Сначала задремала Тильда, потом срубило Дживса, очень трогательно пристроившего голову на плечо непримиримой противницы. У первой сползли на нос очки и скособочилась шляпка, у второго открылся рот.

С непроницаемым видом Бади наблюдал, как они мирно посапывали. Неожиданно в тишине он шаркнул ногой и, будто совершенно случайно, ударил ботинок Дина. Спящий парень даже подскочил на лавке, немедленно разбудив Матильду.

– Мы приехали? – поправив очки, подруга сощурилась в окно. Зимний пейзаж, после оттепели утеревший хрупкое снежное

очарование, не радовал. Серое низкое небо приминало землю, угрюмое фермерское поле было покрыто пористой снежной коркой с торчащими из нее голыми прутиками.

– Еще едем, - оповестил Джер и спокойно отвернулся к окну.

Через пару часов, когда дневной свет потускнел, и экипаж обступили сумерки пустынные деревенские виды сменились столичными предместьями. Замелькали дорожные таверны, большие гостевые дома, появились встречные экипажи. В город мы въезжали, когда на улицах загорелись фонари.

На оживленном бульваре Илай попросил извозчика остановиться возле пешеходной мостовой и кивнул лучшему другу:

– Твоя остановка.

– Да брось, Форстад, доедем до особняка вместе, - занял тот, не желая выбираться из теплого уютного салона, подогретого живым теплом, в толпу народа на холодную улицу.

– Я не планировал навещать родителей.

– Хотите прогуляться парочками, - подмигнул он.

– Да, - спокойно согласился Илай. - Эден хочет сходить в цирк, ей мало того, что она видит в академии.

Думала, что паж возмутится, я бы точно не промолчала и высказала пару ласковых, что настоящий друг, если уж не предложит влиться в компанию, то по крайней мере не выставит сонного человека на мороз и довезет до дома, но Дин, как ни странно, послушно подхватил сумку.

– Развлекайтесь, ребятки.

Когда он сошел на мостовую и поежился от холода, Илай попросил:

– Передавай наилучшие пожелания госпоже Дживс.

Извозчик закрыл дверь. Карета тронулась. В окно я видела, как Дин, крепко сжимая ручку кожаной дорожной сумки и прячась от холода в поднятый воротник пальто, уверенным шагом идет в толпе закутанных в теплые одежды людей.

– Вы живете по соседству? - любопытствовала Тильда.

– Вроде того, – уклончиво ответил Илай, явно не желая развивать тему.

Через некоторое время мы добрались до здания воздушного порта, за которым просматривался краешек взлетной площадки. На высоких платформах стояли гиганты, лишь отдаленно напоминающие корабли,

скорее закрытые ковчеги с круглыми окнами-люками и сложенными по бокам крыльями-веерами.

Я впервые видела небесные суда так близко, прежде – только в небе. Поднимешь голову, а они рассекают облака, плывут плавно, вальяжно, словно неторопливые шхуны – по морской глади. Никогда не догадаешься, что махины, издалека кажущиеся размером не больше голубя, несутся быстрее любой птицы.

– Никогда не летала? – спросил Илай, заметив, с каким нескрываемым любопытством я таращусь на проплывающие в окне судна.

– Это страшно? – наверное, вопрос прозвучал чересчур наивно, но ведь мне действительно никогда не доводилось подниматься на палубу небесного корабля.

Говорили, что люди по-разному реагировали на путешествия по воздуху, когда приходилось доверять драгоценную жизнь стихийным магам, управляющим судном. Одни спокойно дрыхли весь полет, занимались рукоделием или читали книги, другие впадали в панику, третьи вообще столбенели перед трапом, если сначала не выпивали стаканчик сладкого вина.

– Ощущение, что плывешь на яхте, – поделился опытом Форстад. – Ты ведь не страдаешь морской болезнью?

– На яхте я тоже не плавала, – отозвалась я, мгновенно уверовав, что страдаю неприятной болезнью и по прилету, зеленая и измученная, от радости поцелую твердую землю.

– Воздушные корабли безопаснее. В отличие от яхт они тонут, только если упадут в озеро, но ведь в воду еще попасть надо, – с философским видом заметила Тильда.

Скажите, я уже когда-нибудь упоминала, что лучшая подруга всегда легко находила слова, способные довести человека до нервного тика? В голове мгновенно появилась картинка, что корабль плюхается днищем на макушки-пики реликтовых елей и висит над землей, как севшая на мель неповоротливая баржа. Из-за страшной фантазии простое покачивание кареты вдруг вызвало нечто, похожее на приступ морской болезни, а ожидающее пассажиров воздушное судно стало подозрительно напоминать не ковчег, а саркофаг...

– Не слышал ни одного случая, чтобы воздушный корабль падал, – заметил Илай.

– Так, может, рассказать было некому?

– А ты оптимист, Юри, – хмыкнул он.

– Ведьма, не зеленей, – обратилась ко мне подруга. – Корабль не упадет, если, конечно, у капитана не прихватит в полете сердце.

Еще чуть-чуть и лететь им спетым трио, а я с земли помашу рукой и буду ждать новостей, как поживает Ботаник, почему не пишет писем и не случилось ли у меня в лабиринте банальной галлюцинации.

– Матильда... – не узнала я собственного голоса.

– Спокойствие! – ласково улыбнулась она, как духовник приговоренному к смертной казни. – Обычно в воздушный флот берут магов с очень крепким здоровьем.

– Обычно?

– Так говорит матушка папочке, когда он нервничает перед полетом.

Собственно, когда мы вышли из экипажа и, попрощавшись с извозчиком, направились с здание порта, у меня мелко дергался глаз,и сердце стучало сбивчиво. Надеюсь, что у капитана, назначенного на рейс до южного берега королевства, проблем с сердечными ритмами сегодня точно не имелось, да и вообще он не болел грудной жабой.

Места мы купили на нижнюю палубу, хотя было заметно, как перекосило избалованного аристократа от необходимости семь часов ерзать на жесткой лавке в соседстве с другими пассажирами, а не сидеть на диване в отдельной каюте на верхней палубе, попивая бесплатное игристое вино и закусывая поздним ужином из нежной грудинки. Откуда я знаю меню? Красивым женским почерком с вензелями и финтифлюшками оно было написано на вставленном в деревянную рамочку листе, как раз под перечнем цен на билеты. Наше судно вылетало в полночь. Мы и поужинали,и устали от ожидания (друзья), и окончательно издергались (я). В общем, провели время с пользой и в жиденьком ручейке пассажиров направились к кораблю.

На площади для вылетов, освещенной яркими магическими фонарями, гуляли пронзительные ледяные ветра, а народ, словно нарочно, поднимался по трапу медленно, как длинная гусеница. Я успела налюбоваться и на то, как носильщики загружали в трюм дорожные сундуки,и на маленькую вертлявую собачку в руках дамы впереди. Надо сказать, на очень чудную собачку в горошек, просто как спина Дживса во время испытания. Зверушка все время норовила

вырваться из рук хозяйки и смотаться в далекие дали, видимо, чувствуя, что на земле шансов на выживание больше, чем в летающей посудине.

– Буся, не вертись, - манерным голосом дама призывала питомца к порядку, но тот, как любое умное животное, прислушивался исключительно к инстинктам.

Сказать откровенно, я от души понимала пятнистого Бусю: мы-то поднимались на корабль по собственному желанию, а его никто не спрашивал. И то, что инстинкты заставляли песика бежать, прямо сказать, напрягало.

– Замерзла? - тихо спросил Илай.

– Нет.

На самом деле меня потряхивало, но не столько от холода, сколько от нервов.

Наконец мы взошли в корабль, спрятавшись от ветра, и спустились на нижнюю палубу, представляющую собой зал с редкими круглыми окнами и широкими скамьями для пассажиров. Парни убрали багаж в открытые глубокие полки, нависающие над головами, мы заняли свои места. На соседнюю скамью уселась семья из четырех человек: мать в черной шляпке и завязанной на груди крест-накрест шали, полноватый отец, по виду гораздо старше супруги, и двое пухлых мальчишек возраста учеников младшей школы.

Едва юнги закрыли на засовы и опечатали заклетьями дверь, а на весь саркофаг – божечки! – корабль объявили о взлете, мать семейства громко, точно в манере Тильды, призвала:

– Помолимся!

Семейство дружно прикрыло глаза, опустило головы и, по всей видимости, принялось молиться. Корабль вздрогнул, отрываясь от платформы и начал подниматься в воздух. Я слепо нащупала сидящего рядом Форстада и попыталась сжать его руку, но почему-то впилась в ногу.

– Все будет хорошо, - усмехнулся он, отдирая мои пальцы от своей брючины и заключая в теплый кокон ладони.

– Но помолиться не помешает! – грозно отрезала дама, хотя по всему было заметно, что летать она не боялась.

– Слышишь, не отвлекай хороших людей от благих дел! – прошипела я. - Если они сойдут на землю, то и мы тоже.

– Главное, чтобы они не вознеслись, - пробормотал он под нос.

Слухом дама оказалась не обделена, и с молящейся стороны донеслось категоричное:

– Во время разговора с богами следует хранить молчание!

– Согласен, – вздохнул Илай и, заработав суровый взгляд, поспешно исправился: – Я хотел сказать: во истину.

Корабль завис над землей. Сквозь изогнутый толстый кристалл, вставленный в оконце вместо стекла, я видела, как внизу блестели фонари. Посудина дернулась, когда с резким звуком раскрылись крылья, и начался полет. Ощущения были странные, словно мы действительно плыли по воде. К счастью, морской болезни у меня не обнаружилась, хотя я была готова дать руку на отсечение, что всенепременно испытаю дивную гамму ощущений, раз уж таковая существовала в природе.

Сгустившееся во время взлета напряжение спало, пассажиры расслабились, заговорили, кто потише, кто погромче, некоторые надеялись ночь поспать. Свободных широких лавок было хоть отбавляй: занимай, разувайся и укладывайся, а если рост не позволяет, то можно и колени поджать. Собственно, именно так поступили мужички, сидевшие перед нами.

– Помолимся на сон грядущий! – неожиданно объявила мать семейства, когда оно, это самое семейство, уже расслабилось и не ожидало подвоха.

Отец, видимо, придремавший ещё в первом заходе, резко поднял голову и захлопал глазами:

– Рыбонька, да ведь только что...

– Забыл, что сказал духовник?

Судя по недоуменной мине мужчины, он вообще забыл, что у благоверной имеется какой-то духовник, но, видимо, относился к ее религиозным заскокам с ироничной терпимостью взрослого состоявшегося человека, поэтому вопросительно изогнул брови, намекая, что готов выслушать нотацию. Нотация ждать себя не заставила.

– Нет повода не помолиться! – напомнила мать семейства. – Думаешь, удачный полет упадет на нас с неба?

– Лучше пусть упадет удачный полет, чем мы, – вздохнула Тильда.

Осознав, какой каламбур выдала, женщина почему-то покосилась на Илая, хотя он молчал, потом недовольно цыкнула на детей и

прикрыла глаза. Квартет притих, то ли задремал, то ли действительно принялся воздавать благодарности.

От плавных покачиваний корабля и духоты меня сморило. Я начала клевать носом и сквозь дрему почувствовала, как Илай подставил плечо, позволяя использовать его в качестве подушки.

– Мама, – прозвучал плаксивый голос одного из мальчишек, – мне есть хочется.

– И мне, – подхватил второй.

Соседи бодренько завозились. Сквозь полуприкрытые ресницы, я наблюдала, как они вытаскивали запасы из большой корзинки для пикников. Зашуршали оберточной бумагой, разворачивая поздний ужин. Запахло чесноком, хлебом, свежими огурцами и копченой грудинкой. Только один из мальчишек открыл рот, чтобы с аппетитом вонзить зубы в большой кусок хлеба с сыром, как мать строго велела:

– Помолимся!

Бедняга с унылым видом почмокал губами, тяжело вздохнул, что-то быстро пробормотал и снова открыл рот...

– Все? – возмутилась матушка. – Вспомни, что говорил наш духовник.

– Что нельзя детей морить голодом? – уронил Илай, нарочито отвернувшись к слепому окну.

– И лезть со своим уставом в чужой монастырь! – отрезала дама, и в этом я с ней была абсолютно согласна, но на мальчишку, облизывающегося на бутерброд в руках, было больно смотреть.

Некоторое время семья с аппетитом трапезничала: прихлебывала, почавкивала, рвала оберточную бумагу, шумно выяснив, что отец забыл прихватить салфетки. Мать, вновь сославшись на некоего духовника, даже мужу категорично запретила вытирать пальцы о батистовый платок и, не дайте боги, о штаны. Наконец успокоились. На нижней палубе воздушного судна, несущегося по небу к южному берегу королевства, наступило долгожданное сонное безмолвие.

– Мама! – вновь раздался в тишине плаксивый голос. – Мам! Ну, ма-ам! Мне надо в туалет.

– И мне, – естественно поддакнул второй паренек.

– Я говорила, что неприлично называть уборную туалетом. Надо говорить: комната для мальчиков, – нравоучительно проговорила эта страшная женщина. – Но сначала...

– Только не заставляй их молиться! – хриплым голосом перебил ее мужичок, пытающийся подремать на лавке среднего ряда и вынужденный терпеть непрерывную возню.

Подозреваю, что только его замечание спасло малышню от конфуза. В конец палубы они удалились без лишних воздаяний высшим силам и упоминаний некоего духовника, которого ненавидел уже не только отец семейства, но и вся нижняя палуба небесного сунда. Молельщик, поди, измучился икотой. Пока они ходили туда-сюда, я окончательно уснула, сладко прижавшись к Илаю.

Разбудил меня неожиданный толчок крылатой посуды. От липкого страха душа мгновенно ушла в пятки и сон как рукой сняло. Огни на палубе были приглушены. Вокруг все отдыхали, кто-то смачно храпел. Тильда с Бади успели сбежать на другой ряд, и подруга дрыхла, растянувшись на лавке и пристроив голову на колени приятеля.

Я аккуратно освободилась из объятий Илая и тихонечко встала. Он приоткрыл глаза:

– Ты куда?

– Сейчас вернусь.

После пары часов в изогнутой позе шея ныла, поясница затекла и очень хотелось одного: выпрямиться. Впервые попробовала в дороге спать на плече у парня и теперь активно не советую. Потом не разогнетесь.

– Проводить? – Илай потянулся. Честное слово, зная характер моей белобрысой принцессы, в жизни не подумаешь, какой запас нерастраченной заботы таился у нее внутри.

– Обещаю, что не заблужусь.

– Главное, спросонья ни на кого не накидывайся, - хмыкнул он.

Через некоторое время я выходила из уборной, спрятанной под лестницей. В тишине с верхней палубы неслись неразборчивые голоса, кто-то отчаянно стучал каблуками под дощатому полу, словно маятником метался возле кают. Я закрыла дверь на внешнюю защелку, только хотела вернуться на свое место, но помедлила: в углу кто-то зашевелился. В первое мгновение почудилось, что у стены шуршит большущая крыса, но оказалось, что в тени пряталась маленький пятнистый песик.

– Буся? - неожиданно вспомнилась кличка потеряшки. - Это не тебя наверху ищут? Слинял?

Я присела на корточки и протянула руку. Принюхиваясь, песик сделал пару скользящих шажков на длинных тоненьких ножках. Когда мы поднимались по трапу, хорошенько рассмотреть звереныша не позволило скудное освещение и нервные дергания самого звереныша. У него была короткая гладкая шерсть лимонного цвета с синими разновеликими пятнами.

Пару лет назад из Эртонии к нам пришла престранная мода красить шерсть домашним питомцам с помощью алхимических эликсиров. Во время очередной поездки в столицу тетка Надин насмотрелась на местных модниц с разноцветными питомцами под мышкой и по возвращении решительно перекрасила в сиреневый цвет кота, откормленного рыжего ленивца, живущего в таверне. Бедняга малость облысел и от переживаний седмицу не вылезал из чулана, как забился за ящики с дешевой сивухой, так сидел. В конечном итоге он оголодал и впервые за карьеру крысолова вышел на охоту!

Как сейчас помню, идет по проходу между столами худой сиреневый демон, волочит по полу облезлый хвост, а в зубах задушенная мышка... Половина завсегдатаев решила, что допилась до белой горячки, и еще уйму времени заведение пустовало. В таверне не раз случались «темные» времена, но месяц после явления сиреневого чудовища тетка считает чернейшим и почему-то винит именно кота, к счастью, вернувшего и рыжий цвет, и повышенную пушистость, и потерянный вес. Последнее – с приличным запасом.

– За что тебя покрасили под рейнсверского папеля? - вздохнула я, приглядываясь к несчастному зверенышу. Зрачки у него оказались вертикальными, как у кота или рейнсверского демона...

Папель этот Буся! Самый настоящий чистокровный папель. Догадка пронзила меня подобно магическому удару. Я так резко дернулась, что не удержала равновесия и шмякнулась на попу. «Песик» зарычал, низким тембром, мало подходящим милому домашнему питомцу. На холке поднялась коротенькая шерсть, прятавшая острые иголки, а у меня на затылке зашевелились волосы.

– Демоны меня дери! – прошептала я и тут же залепетала: – Нет, нет, Буся, меня нельзя драть. Я категорически против. Это просто дурная присказка, вводное слово...

Конечно, папелю было в высшей степени плевать на тонкости языкознания и речевых оборотов. Он медленно приближался, мягко,

пружинисто, ведя носом по воздуху. Я так же медленно, стараясь не делать резких движений, поднималась. В общем, мы оба были плавными, осторожными и приглядывались друг к другу. Звереныш еще и приняхивался, видимо, рассматривая меня в качестве перекуса после сытного ужина.

Вдруг наверху что-то бабахнуло. Демон взвился в воздух, с места подпрыгнув на высоту человеческого роста, и я сорвалась. Заклятье обездвиживания слетело с кончиков пальцев. Бесполезная, казалось бы, на живых существах магия вырвалась рефлекторно, после декады зубрежки и практики, но на представителя рейнсверского бестиария подействовала безотказно! Папеля парализовало. Похожий на набитое опилками чучело, он шлепнулся под ноги. Лапы расставлены, пасть раззявлена, глаза вытаращены – хоть сейчас ставь на каминную полку вместе с охотничьими трофеями.

С опаской склонившись к демону, я приложила ладонь к неожиданно мягкому животу и проверила биение сердца. Стучало отлично, пусть и несколько заполошно, даже в двух местах. Осторожно подняла звереныша, чтобы спрятать в уборной, пока демон обездвижен, броситься к Илаю за помощью, но пронзительный женский голос взвизгнул:

– Буся!

От неожиданности я едва не выпустила несчастного Бусю из рук и воровато оглянулась к источнику шума. Изогнувшись в поле бублика, сквозь перила за мной наблюдала хозяйка демона. Глаза у нее были вытаращены, почти как у парализованного питомца. Грохоча высокими каблуками по ступенькам, в развевающемся шелковом халате она сбегала вниз. На последней ступеньке подвернула ногу.

– Осторожнее! – сочувственного охнула я.

– Думала украсть мою собаку?! – не обращая внимания на конфуз, выкрикнула она.

– Кто? - очень по-умному моргнула я.

– Ты! Воровка!

– Я?! Заберите, ради всего святого, вашего Бусю! Мы случайно возле уборной встретились.

Неподвижного папеля выдрали у меня из рук едва ли не вместе с пальцами.

– Что с ней? - меняясь в лице, она встряхнула питомца.

– С ним, - поправила я, удивляясь, почему хозяйка не замечает вполне очевидную вещь: папель Буся родился мальчиком. – Он парализован заклятьем.

– Ты ее убила!

– Нет, он парализован, – начиная раздражаться, повторила я. - Скоро придет в себя.

– Убийца невинных собачек!

Ужасно хотелось нахамить и в лучших традициях восточных долин послать истеричную даму в долгое пешее путешествие за грань, но грубости пришлось проглотить. Знаете, рыльце тоже в пушку – огрела бедное создание магией. На любовь к живой природе не тянет и гуманизмом тоже не пахнет.

– Послушайте, мадам, ваша собачка мало что жива, так еще и не собачка, – пытаюсь сохранить вежливый тон, настаивала я.

– А кто она?! – принялась чокнутая тыкать мне в лицо разъяренной мордой демона. – Песик?!

– Конечно, песик. Нездешний. У него два сердца!

– И что?! Я выложила за нее двести соримов! За такие деньги у этой эртонской болонки просто обязаны быть лишние органы!

– Мадам, может, вы покупали эртонскую болонку, но купили-то папеля! – в сердцах рявкнула я.

– Какого еще папеля? – неожиданно нормальным голосом проговорила та.

– Не какого, а обыкновенного рейнсверского демона! Я вообще ничего не имею против демонов, у самой на подоконнике кусачая мандрагора живет, но папель считается хищником. Вы в курсе, что таких животных надо держать в клетках? А он у вас свободно по палубам разгуливает! Он на меня хотел напасть!

Или не хотел... но в свое оправдание должна сказать, что рычал Буся весьма убедительно.

Мы не заметили, что вокруг давно собралась толпа. Из кают спустились пассажиры и теперь толкались на узкой лестнице, рискуя кого-нибудь спихнуть вниз. Соседи по нижней палубе загородили проход. Впереди всех стояла набожная мамаша и словно ждала удобного случая, чтобы произнести коронное «помолимся».

– Что здесь происходит? – наконец прибежал на вопли испуганный юнга. Подозреваю, они там, наверху, всем экипажем скидывались на

камень-ножницы-бумага, кому выпадет успокаивать громогласных скандалистов, и бедняге не повезло проиграть.

– Мою собачку украли и убили! – повторила дама, как поломанный кристалл из музыкального ящика, по кругу играющий один и тот же кусок мелодии.

– Госпожа! – рыкнула я. – У вашего папеля бьются оба сердца.

Расталкивая народ, в закуток выбрался Илай, при виде замороженного демона, прижатого к груди дамочки в кое-как завязанном пеньюаре, он удивленно изогнул брови:

– И правда папель... Мадам, а вам по-настоящему везет.

– По-вашему, молодой человек, это везение? – Она встряхнула окаменелого Бусю. – Столько денег псу под хвост!

– Обычно эта девушка бьет заклятьем разрушения, а тут просто заморозила. Удача! – покачал он головой.

– Слушай, Форстад, – дернув его за рукав, прошипела я, – если ты пришел мне вырыть могилу, то лучше возвращайся обратно на палубу. Рыть я и сама прекрасно умею.

– Не рычи, Эден, – отмахнулся он и повернулся к даме с папелем. – Мадам, позвольте задать вопрос.

Внезапно взгляд, интонации, выражение лица – абсолютно все изменилось, в одночасье являя знакомого высокомерного аристократа:

– Полагаю, вы в курсе, что на содержание рейнсверской фауны, если она признана безопасной для людей, необходимо получать разрешение в магическом совете?

– А? – Она попятилась. – Буся не какая-то там фауна...

– Мелкий прожорливый демон, купленный у нелегальных заводчиков, – договорил Илай.

– Молодой человек, хотите сказать, что моя дражайшая супруга за бешеные деньги приобрела существо, способное сгрызть не только мои ботинки, но и ноги?

На сцене появился муж обиженной дамы, высокий мужчина с шикарными усами и в завязанном на пояс шелковом халате.

– Верно, – кивнул Форстад.

– По крайней мере теперь понятно, почему эта болонка ест больше дворового волкодава, – вздохнул он и бросил пронзительный взгляд на жену: – И теперь мы решили спор, кто порезал моих канареек.

– Буся невинен, как котенок.

– Да, но твой Буся, прости господи, не котенок, а демон! Я склонен доверять знаниям магов! – в тоне мужчины проявилось раздражение.

Видимо, спор о гастрономической жадности прожорливого питомца между супругами вспыхивал не раз и являлся той самой больной мозолью, на которую ни в коем случае не следовало наступать. Дама фыркнула, но окаменелую «собачку, которая точно не котенок» прижимать к груди перестала. Сунула под мышку.

– Госпожа маг, примите наши искренние извинения, – обратился усач ко мне и начал подниматься по лестнице. Любопытные зеваки выстроились по стенке, освобождая проход.

– Дорогой, а мне что делать? – жалобно проговорила мадам.

– Полагаю, надеть намордник.

– На Бусечку?

– Я готов предложить ещё один вариант, но боюсь, дорогая, если его озвучу, ты захочешь поделить имущество, – мягко ответил он, словно не замечая, как жена поменялась в лице.

Конфликт разрешился мировой. Судя по красной физиономии и нехорошему блеску в глазах, мадам осталась недовольна и все ещё жаждала кому-нибудь вцепиться, если не в горло, то в волосы. Гнев она сорвала на безответном члене экипажа, по долгу службы вынужденном терпеть капризы богатых пассажиров:

– Юнга! Быстро найди клетку! С навесным замком! И отнеси это существо в трюм!

В мгновение ока пятнистый песик превратился из Бусечки в «существо». Даже обидно за малыша стало. Он, конечно, прожорливая скотина, способная отгрызть пальцы, но с хозяйки-то ни разу даже пробы не снял.

– Я должен нести? – спасовал несчастный юнга перед замороженным песиком и с жалостью посмотрел на нас с Форстадом: – Господа маги, вы же знаете, как справляться с рейнсверскими демонами?

– Не-не, – немедленно в два голоса отказались мы. – Мы не по части зверомагии. Просто в зоопарке папеля пару раз видели...

Народ начал возвращаться на свои места, в нашу сторону посматривали с уважением.

– Госпожа маг, – потеснился в дверях один из соседей, уважительно пропуская меня вперед.

– Спасибо, – вздохнула я.

Оказалось, что Тильда даже не потрудилась поднять голову с колен Бади, так и дрыхла, не обращая внимания на потасовку. Лучшую подругу едва не загрыз мелкий демон, а потом хозяйка этого самого демона, а она даже ухом не повела. Удивительно крепкий сон! Правда, когда я проходила мимо, Джер приоткрыл глаза и кивнул:

– Боец.

– Эден, у тебя талант находить странных кусачих тварей, – усмехнулся Форстад. – Иди сюда, мой боец.

– Чего так долго шел? – проворчала я, снова пристраиваясь на его плече, хотя еще полчаса назад мысленно клялась никогда не спать в позе вопросительного знака.

– Вмешался, когда понял, что ты начала злиться. До этого никакой опасности не было, – пошутил он.

– Как это не было? Меня чуть в воровстве не обвинили.

– Не для тебя, а для мадам с папелем, – пошутил он. В смысле, лучше бы Форстад пошутил, а то физиономия подозрительно серьезная!

Заснуть больше не удалось. Я смотрела, как за толстым оконным кристаллом светлело небо. Темнота сменилась предрассветными сумерками, а вскоре вспыхнуло серое хмурое утро. Юнга объявил о прилете. Народ, полночи развлекавшийся потасовкой двух дамочек, неохотно продирает глаза. Семейство по соседству проснулось. Мать покосилась на меня и вздохнула:

– Как страшно жить. Помолимся о счастливом дне.

– Мама, – простонал мальчишка постарше, – я хочу покормить страшную собачку.

– А я хочу есть, – подхватил другой.

Видимо, почувствовав, что супруга на грани... молитвы, отец вытащил из корзинки надкусанную булку и сунул старшему сыну:

– Возьми хлеб и покорми своего брата.

Через полчаса корабль завис над площадью прилетов. С подозрительным шуршанием у воздушного судна сложились крылья, и оно начало медленно опускаться. В животе неприятно защекотало, и вдруг заложило уши. С толчком корабль встал на платформу. Некоторое время стояла оглушительная тишина, словно пассажиры не верили, что живыми добрались до пункта назначения. Наконец пространство взорвалось разговорами, шуршанием вещей и грохотом стаскиваемого с

полок багажа.

Родные края Флемминга Квинстада встретили нас негостеприимно: хмурым небом, готовым осыпать нежданных гостей мелким дождем, влажным тяжелым воздухом и холодным ветром, пахнущим морем. Землю покрывала пожухлая трава, деревья стояли по-сиротски голые, очень жалкие, и никакого снега. Казалось, мы снова вернулись в позднюю осень.

По трапу спускались в толпе усталых от перелета пассажиров под стенания Тильды, искренне сожалевшей о пропущенной ночной заварушке. Не успела я почувствовать под ногами твердую землю, как услышала оклик:

– Госпожа маг! Пойдите!

Сердце екнуло. Уверенная, что сейчас мне предъявят счета за устроенный концерт, я оглянулась. По лестнице сбегал переполошенный ночной юнга с маленькой корзинкой для пикников в руках.

– Чуть не упустил! – выдохнул он и протянул мне корзинку: – Вам просили передать.

– Мне? – чувствуя подвох, немедленно напряглась я и оглянулась к друзьям.

Что сказать? Они как бы даже не заметили, что один товарищ по команде прекратил медленное, но неуклонное движение в сторону здания порта, и продолжали ползти со скоростью черепахи. Вот так посреди леса остановишься шнурок завязать, повернешься, а верные друзья тебя оставили на съедение медведям!

– Послушайте, мне надо идти, – попыталась отказаться я от любых нежданных подарков.

– Счастливого пути! – пожелал юнга. – Но сначала заберите. Супруги с демонической болонкой велели отдать лично вам. Держите.

Я вдруг обнаружила, что уронила на землю саквояж и действительно обеими руками прижимаю к животу корзинку, а в нос тычет плетенная ручка.

– Что это?

– Демоническая болонка, – радостно оповестил посыльный. – Клетку найти не смогли, но песик бездвиген. Удачи, госпожа маг.

– Стоять!

Уверенная, что надо мной нехорошо подшутили, я приподняла

крышку и проверила содержимое корзины, готовая обнаружить что угодно, дажедохлую крысу или ворох грязных носков... Внутри лежал парализованный заклятьем папель. Лапы торчали, глаза таращились в плетенную стенку, из открытой пасти почему-то вывалился желтоватый язык. В общем, выглядел бедняга, мягко говоря, неважно, аж сердце щемило. Вернее, его обязательно защемило бы, может, даже до остановки, если бы сейчас Буся не находился в корзинке, которую втюхали именно мне!

– Вы издеваетесь? - недоверчиво протянула я.

– Ни в коем случае, - покачал головой юнга. - Госпожа сказала, что вы в курсе, что с ним делать.

– Нет, я понятия не имею, что с ним делать. Заберите немедленно и верните своей полоумной пассажирке!

Я попыталась отдать корзинку обратно, но ловкий аферист спрятал руки за спину. И как таких мошенников только берут в команду на приличное воздушное судно?

– Госпожа с супругом пятнадцать минут назад покинули судно. Они уже не наши пассажиры. Если поторопитесь,то успеете их догнать, - объявил нахальный посыльный. – Удачи и всего наилучшего.

– Подождите прощаться! То есть вы предлагаете мне вернуть папеля самой? - охнула я не невозможную наглость.

– Как же я могу вернуть ваш подарок? – делая акцент на слово «ваш», покачал головой юнга.

– Вы понимаете, что это рейнсверский демон! Настоящий и без разрешения!

– Дареному коню в зубы не смотрят, - пожал плечами парень.

– Ладно! Тогда примите этого... пятнистого коня в дар, – двумя руками протянула я корзинку.

Цокая языком, хитрец игриво погрозил пальцем, как ребенку:

– Некрасиво передаривать дареное.

– Не пойму, - вырвалось у меня, - вы знаете поговорки на все случаи жизни?

– Я родом из восточных долин, - улыбнулся он.

– Действительно? С ума сойти! – излишне экспрессивно охнула я. - Мы земляки! Я из Брокстена!

– Надо же, какое совпадение, - без должного энтузиазма согласился парень, видимо, ясно осознавая, что если девица – из восточных

долин, то следует шустренько делать ноги, пока корзинка незнамо каким образом не перекочевала обратно к нему.

– Послушай, земляк, – понизила голос и перешла на свойский тон. – Честное слово, заberi папеля. Я адептка, живу в общежитии, комнаты размером с коробок. Нам запрещают держать домашних питомцев.

– Так он же компактный, мало места занимает, – эффектно соорудила недоумение эта, с позволения сказать, бесчувственная образина.

– Да, но жрет, как волкодав! Он выведен в нашем мире, его в городской зоопарк не примут, а у меня уже обитает клыкастая мандрагора. Только демонического пса для полного счастья не хватает!

– Почему же не хватает, вам уже подарили песика, госпожа маг.

– Эй, Эден! Ты чего застряла? – рявкнул сзади Форстад, видимо, обнаруживший, что дружеский квартет охотников за Ботаником превратился в трио.

Стоило на секундочку отвернуться, чтобы проследить, как Илай приближался торопливой походкой, прорезая путь против движения сонных, как мухи, пассажиров, а юнга уже стремглав взбежал по трапу и спрятался в корабле, только в дверном проеме мелькнула спина в форменной рубашке.

– Форстад, какого демона ты меня отвлек? – расстроилась я.

– Кто это был? – ревниво спросил Форстад.

– Юнга передал подарок.

– Какой еще подарок? – Он приподнял крышку корзинки и рявкнул: – Папель?! Тот самый?

– Почему ты смотришь на меня так, будто я стащила этого дурацкого папеля?

– У меня нет слов, я способен только смотреть!

– И хорошо, ничего не говори. Может, еще успеем догнать эту чокнутую мадам с болонкой.

– Ее болонка торжественно подарена тебе, – заметил Илай.

– Божечки, нашел время придирается к словам!

Мы действительно не постеснялись рвануть к зданию воздушного вокзала бодрой рысцой, плавно переходящей на галоп. Ворвались в зал прилетов, где нас дожидались друзья, и притормозили лишь для того, чтобы вручить Бади саквояжи.

– Встретимся на выходе! – махнул рукой Илай и ловко забрал из

моих рук корзинку.

– Что случилось-то? - изумилась Тильда.

Неожиданно выказывая командную солидарность, сладкая парочка бросилась за нами следом.

– Бусю подкинули!

– Это шифр? - серьезно спросил Джер.

– Это папель!

Поиски не увенчались успехом. Супружеская пара, ловко спихнув пятнистую проблемку, исчезла. Кажется, я начинала понимать, как себя чувствовала добропорядочная домохозяйка, в один прекрасный день открывшая дверь уютного домика и обнаружившая на пороге подброшенную корзинку с младенцем и запиской: «Вы знаете, что с ним делать».

– Отдам стражам, - решила я. - Скажу, что кто-то забыл корзинку с песиком...

Через полчаса в наемном экипаже мы отъезжали от здания воздушного порта. Корзинка с рейнсверской пятнистой «болонкой» стояла на лавке между мной и Илаем. Когда карета подсакивала на кочках, окаменелый папель ударялся о стенки. Не выдержав, я сняла с шеи шаль и аккуратно подстелила под звереныша.

– Что ты собираешься делать с этим Бусей? - с трудом сдерживая смех, спросила Тильда.

– Сдам в академический зверинец! Он же ручной демон.

Когда я с хмурым видом развернулась на полпути к стражбей комнате в воздушном порту, подруга радостно захлопала в ладоши и без зазрения совести стрясла с парней по сориму. Оказывается, дорогие товарищи по команде поспорили, хватит ли у меня силы воли избавиться от очередной уродливой кусаки, способной довести до лазарета любого ипохондрика.

Тильда утверждала, что я испытываю неконтролируемую слабость к странным существам с клыками, Форстад выразил мнение, что мне хватит мозгов обойтись малой кровью, а Бади поддержал его из мужской солидарности, хотя очевидно был полностью согласен со своей очкастой ехидной. Когда парни, одарив меня укоряющими взглядами, отдавали деньги, я почувствовала себя мягкотелой идиоткой.

– У тебя такие любопытные ручные питомцы, – сыронизировал Илай. - Цветок с зубами, желтый пес в синий горох.

– Столичная принцесса пока что со всеми зубами, но ещё без сиңего гороха... – услужливо дополнила список, тонко намекнув, что один уже дописался записок, седмицу ходил пятнистый.

– Эден, у тебя явно проблемы с памятью, - изогнул брови Илай, в светлых глазах прыгали смешинки. – Я больше не твой фамильяр. Забыла?

– Серьезно?

– Я твой парень, - довольно ухмыльнулся он.

– Извини, никак не привыкну.

– Вы такие милые, - хмыкнула Тильда. - Даже завидно.

Семья Квинстадов жила на отшибе. Маленький каменный особнячок с затянутой плющом стеной и с горделиво торчащей каминной трубой окружал засыпанный опавшими листьями голый сад. На повороте к дому скособочился жестяной почтовый ящик на длинной «ноге», покрытой облупленной белой краской. Мы выбрались из экипажа. Воздух был холодным и свежим – голова начинала кружиться. Впрочем, возможно, у меня кружилась голова от недосыпа, усталости и перенасыщения впечатлениями.

Кованая калитка протяжно скрипела, на ступеньках перед входной дверью теснились большие цветочные горшки с засохшими растениями, под жестяным козырьком светился, видимо, зажженным на ночь магический фонарик. Возле двери висела медная табличка с аристократическим гербом и фамилией семьи.

Мы постучали медным молотком. Через некоторое время дверь открылась, на пороге появилась полнотелая женщина в чепце и переднике, очевидно горничная. Она окинула нас недоуменным взглядом, с подозрением покосилась на небольшие саквояжи в руках, остановила взгляд на корзинке и сузила глаза, словно сквозь плетенные стенки различила, что внутри прятался окаменелый демон.

– Здравствуйте, - поздоровалась я сразу за всех.

– Не молимся и ничего не покупаем! – отрезала она, не желая гадать, кем именно являются гости: сектантами, каких в королевстве в последние годы развелось больше чем пифий, или коммивояжерами, продающими «с колес» мыло, алхимические притирки и прочую бесполезную ерунду.

– Мы друзья Флемминга! – выпалила я.

– Друзья?

Горничная порывисто дернула дверь, демонстрируя за спиной тесный холл с деревянными панелями на стенах.

– Однокурсники, – подсказал Илай.

– Божечки! – охнула она, всем телом подаваясь вперед. – Вас прислал Флемминг? Вы что-нибудь о нем знаете?!

На стене гостиной висела большая карта мира. Единый континент обступал мировой океан, окружали крупные и мелкие осколки земли – острова. Моря представляли собой синие неровные кляксы. Тянулись неровные темные полосы гор, разлетались тонкие линии – границы королевств. Все подписано аккуратными литерами, координаты просчитаны со скрупулезной точностью.

Точная такая же карта висела в моей школе в кабинете географии, в нее я тыкала указкой, с трудом отыскивая Нозерфейд, и люто ненавидела каждую минуту, проведенную у доски, ведь крошечное северное королевство решительно не желало попадаться на глаза.

Однажды Флемм упоминал, что при жизни его отец составлял географические атласы, но до меня только сейчас дошло, кто именно автор моего самого страшного школьного кошмара. Могла ли я подумать, что буду сидеть в провинциальной гостиной с вязаными салфетками, держать в руках чашку из тонкого фарфора и украдкой бросать взгляды на шкаф «почета», в котором хранились дипломы и награды его шибко умного сына? Более того подружусь с этим самым умником-ботаником.

– Он сбежал. – Госпожа Квинстад прятала под чепцом седые волосы, а в глазах – слезы. – В конце осени из академии пришло уведомление, что Флемминг отчислен, но домой он не вернулся. Я приезжала в Дартмурт, но ваш магистр-куратор сказал, что ничем не может помочь. За отчисленных адептов академия не отвечает.

Мы быстро переглянулись.

– Матушка, говоря куратор, вы имеете в виду магистра Вердена Армаса? – тихо спросил Илай.

– Да, именно его.

– Нам объявили, что Флемм забрал документы и просто уехал, – растерянно проговорила я.

– Могу я называть вас по имени? – тихо спросила женщина.

– Конечно.

– Аниса, мой муж мечтал, чтобы сын окончил Дартмурт. Флемминг приложил столько сил, чтобы поступить! Он никогда не ушел бы по собственному желанию.

Я прекрасно помнила разговор с Ботаником, случившийся в морозном парке после унижительно ужина с Форстадом-старшим в доме ректора. Он говорил, что вкалывал, как мул, чтобы учиться в Дартмурте бесплатно, поэтому-то меня и поразило его неожиданное, более того совершенно нелогичное желание забрать документы.

– Если вдруг Флемминг с вами свяжется, передаете, что его никто ни в чем винит. Пусть возвращается домой.

Из приличий отказавшись от обеда, в глубокой задумчивости мы засобирались в обратный путь. Подозреваю, не только мне, но и остальным, было очевидно, что в этой истории с отчислением Ботаника имелась куча нестыковок.

Прежде чем выйти из дома, я оглянулась к провожающим нас женщинам:

– Госпожа Квинстад, я много раз писала Флемму. Вы получали эти письма?

– Письма? – Она явно удивилась и поспешно оглянулась к горничной, видимо, отвечающей за получение почты.

– Ничего не было, - уверила та в ответ на вопросительный взгляд.

Ладно, допускаю, что одно письмо вполне могло затеряться в потоке академической корреспонденции или не долететь до южного берега, но не все сразу, одно за другим! В голове возникла тревожная мысль: послания вообще уходили из Дартмурта?

– Похоже, Ботаник действительно пытался связаться с Ведьмой, - самой первой прервала молчание Тильда. - Думаете, он где-то в академии?

– Не в академии, - толкая скрипучую калитку, возразил Илай. - Он в лабиринте.

Квест-комнаты являлись воротами в безвременье – изменяемое магическое пространство, откуда можно было выйти или через дверь, или с помощью портала.

– Может, Флемм заблудился, когда осенью проводили финальное испытание? - предположила я. - В таком случае, почему академия скрыла это от матери? Видно же, что она совершенно раздавлена.

– Представляешь, какой начнется скандал, если кто-нибудь узнает,

что в лабиринте пропадают люди, – справедливо рассудила Тильда.

– В лабиринтах не пропадают люди, - возразил Илай. - Подозреваю, что от него избавились.

Я почувствовала, как меняюсь в лице.

– За какие заслуги?

– Главное, кто, - поправил Бади.

Остановившись возле кромки дороги, мы глубокомысленно замолчали... Почтовый ящик по-прежнему стоял на месте и даже обзавелся декором: его облепили нахохленные воробьи. Голые жалкие деревья никуда не делись, как и полчаса назад тянулись ветвями к серому хмурому небу. Накатанная деревенская одноколейка по-прежнему стелилась по земле. Но наемный экипаж вместе с извозчиком, которому мы уже оплатили обратный путь до города, испарился. Я выругалась, коротко и емко, выразив общее мнение потерявших дар речи друзей.

– Надо было заблокировать ему колеса! – накинулся на меня Форстад. Честное слово, лучше бы голос к нему вообще не возвращался.

– Почему ты на меня орешь? - охнула я. – Мы тут все, между прочим, адепты магической академии и, вроде как, умеем колдовать! Бади вообще из училища боевых магов.

– Ты единственная из нас провинциалка из восточных долин!

– И что?

– В провинциях каждый второй – аферист.

– То есть я должна была на глаз определить, что мужик возьмет деньги и сбежит? А вы что, слепые?

– Рыбак рыбака видит издалека! – выставил контраргумент Илай.

– Божечки, сегодня день народных мудростей? - взвилась я. – Чего сам не заблокировал колеса, гений дедукции? Задним числом, знаешь ли, каждый умен!

Неожиданно я поймала себя на том, что в сердцах выпалила любимую поговорку Бринни, какую она использовала по любому удобному случаю, и насупилась.

– Это ведь ты зубрила заклятье обездвиживания, - несколько поумерив пыл, проговорил Илай.

– Спасибо, что напомнил, - процедила я, делая к нему шаг. - На папеле сработало, сейчас выясню, работает ли на столичных принцессах.

– Не-не, Ведьма, подожди колдовать! – не побоялась вступить за обидчика Тильда. – Будь рациональной. Понимаю, заморозить папеля – он весит мало, но кто потащит обездвиженного Мажора?

Вопрос повис в воздухе. Сама от себя не ожидая, я зачем-то покосилась на Бади. Тот мгновенно засек оценивающий взгляд и выразительно покачал головой, мол, мои закорки вообще не вариант.

– Здесь оставим, – буркнула я.

– Дамы, вас не смущает тот факт, что я прекрасно вас слышу? – проворчал Илай.

– Радуйся, что слышишь, – немедленно парировал Тильда. – Значит, со слухом полный порядок.

Тут я вспомнила, что обижать Форстада чревато, ему еще билеты на воздушное судно покупать, и решительно оскорбилась первой:

– Что вы все на меня накинулись? Даже Джер!

– Я молчал, – не согласился тот с откровенным поклепом.

– Сейчас вернусь в дом и спрошу, как нам добраться до деревни, – буркнула я. – В деревне наверняка есть извозчик.

Но беспокоить женщин не пришлось. Из-за поворота выехала подвода, запряженная понурой старой лошастью. Управлял раздолбанным деревенским транспортом седой старик к стеганой безрукавке.

– О! Междугородний дилижанс приближается! – просияла я.

– Эден, ты шутишь? – воскликнул Илай и издал нарочитый вздох: – Конечно же, ты не шутишь! Не понимаю, почему я каждый раз так сильно удивляюсь.

– Де-душ-ка! – Не слушая причитания столичной принцессы, я бросила саквояж с корзинкой на землю и ринулась навстречу подводе. Если честно, руками размахивала, как потерпевшая, будто бы старичок мог не заметить скачущую по дороге полоумную девицу. Он дернул поводья, заставляя лошадку остановиться, сощурил выцветшие глаза.

– Вы в деревню? – тяжело дыша, спросила я.

– Да, – кивнул он.

– Может, подвезете? Извозчик взял деньги и сбежал, а мы сами не местные...

Очень оригинально, Аниса! Сами мы не местные, помогите, чем сможете.

– Только нас четверо, – кивнула я в сторону голых кустов, откуда за

переговорами с нескрываемым подозрением следила троица городских «цветочков». - Возьмете?

– Да, - дернул головой старик, мол, садитесь, все равно по пути.

– Спасибо, дедушка! – от души поблагодарила я. - Вы наш спаситель!

Видеть лицо белобрысого аристократа в тот момент, когда он забирался в устеленную пыльной соломой подводу, было бесценно. Совершенно точно Илай не считал деда спасителем и воспринял поездку как наказание, посланное высшими силами за все совершенные в жизни грешки. Казалось, что сейчас он скорбно опустит голову и загробным голосом призовет: «Помолимся!». И мы устроим коллективное воззвание академическим богам, раз уж не выпадало случая устроить коллективных чтений постулатов мироустройства.

– Расслабься, котик, - осторожно улыбнулась я, отряхивая Илаю перепачканный рукав дорогущего пальто.

– Каждый раз, когда я расслабляюсь, - процедил Форстад, раздраженно сбрасывая мою руку, – то нахожу себя или прыгающим из окна общаги, или под койкой в лазарете, или вообще на соломенной подстилке в телеге.

– Все, как у котов, – заметила Тильда. - Еще чуток и начнешь ловить мышей.

– Очкастая! – предупреждающе процедил тот.

– Ничего, можешь обзывать, - изобразила насмешница печальный вздох. - Коты всегда бьют хвостом, когда их гладят против шерсти.

– Потихе, а то нас высадят! – прошипела я, покосившись на старика. Впрочем, добрый дедок не обращал внимания на препирательства беспокойных пассажиров.

В конечном итоге тряска и однотонные пейзажи, по-осеннему унылых окрестностей, начали меня усыплять. Держать глаза открытыми с каждой секундой становилось труднее, скрип подводы и резкие недовольные замечания друзей постепенно отдалялись. Я не поняла, в какой момент провалилась в глубокий сон без сновидений...

– Эй, девушка, просыпайся! – Кто-то тряс меня за плечо.

Плохо соображая, я несколько раз моргнула, села, сонно огляделась по сторонам и мгновенно, как по щелчку пальцев, очухалась. Во-первых, вокруг смеркалось, хотя до ближайшей к особнячку Квинстадов деревни было всего полчаса пути. Во-вторых, деревни тоже не нашлось.

Мы стояли на съезде к ферме, видневшейся в конце вспаханного поля с покосившимся ободраным чучелом.

– Где мы? - охнула я.

В голову пришла дурацкая мысль, что сегодня нашей столичной принцессе нечеловечески «везет»: только расслабился в подводе, как попал в сельскую глушь на краю вселенной. Честное слово, лучше бы нас высадили.

– Приехали! – очень громко пояснил дед и тем самым разбудил остальных.

Пытаясь осознать, что пора здороваться с миром, даже если очень хочется спросонья на этот мир нарычать, друзья начали потягиваться. Форстад, как попытался потянуться, да так и замер, словно у него случился прострел в спине.

– Дед, ты куда нас привез?

– Ага, - не попад согласился старик и махнул рукой в сторону темной долины. – Вон моя ферма. Дальше не еду.

– Куда еще дальше-то? - не понял Илай.

– Дедушка, так вы не в деревню ехали? – охнула я.

– Да, - подозрительно знакомо кивнул тот.

– Дедуля, ты ничего не слышишь, что ли? - с громкостью мифической банши проорала Тильда, натренировавшаяся общаться с тугоухими стариками на бабушке Юри.

– Лет двадцать назад оглох, – вздохнул он.

А я-то наивная обрадовалась, что добрый старичок легко согласился нас подбросить до деревни. Да он просто ничего не слышал! С другой стороны, как еще ответить сумасбродной девице в компании крепких парней, если она налетает, словно бешеная курица, размахивает руками и кудахчет себе под нос неразборчивую сумятицу? Только от греха подальше соглашаться со всем, чтобы она там ни требовала!

– Откуда мне было знать, что он ничего не слышит, - заработав три укоряющих взгляда, немедленно перешла я в наступление и проорала: – Дедуля, нам бы обратно!

– Возвращаться далеко, - махнул он рукой. - Завтра с утра в город почтовая карета поедет.

– А сегодня нам ночевать на свежем воздухе? – пробормотала Тильда, озираясь по сторонам.

– Ты еще не выспалась? - буркнул Илай.

– У нас со старухой переночуете, дом большой! – распорядился дедушка, по всей видимости, оценив, с какими откровенно ошеломленными физиономиями мы таращились то на поле с одной стороны дороги, то на темнеющую горную грядку, покрытую жестким колючим кустарником, - с другой. В смысле, таращились все, кроме Бади.

Судя по всему, здоровяка ночевка под открытым небом не пугала. Может, в училище их пять раз в седмицу заставляют спать на голой земле, на шестой день отправляют в дозор, а на седьмой – позволяют вернуться в казармы и припасть к кровати с голым матрацем. Кто знает, что происходит у боевых магов, а неразговорчивый Джер точно не расскажет.

Подвода снова затряслась по дороге. Медленно приближался деревянный потемневший от времени дом с горящими окнами.

– Слушайте, я тут недавно романчик читала, - вдруг заговорила Тильда, беспрестанно крутя головой. – В нем дедок подбирал на дороге заблудившихся путешественников, привозил домой и скормливал рейнсверскому демону.

– Ты это к чему? – вкрадчиво спросила я.

– Да так, к слову пришлось, – поправила она очки.

– Ты знаешь, кто в этой подводе самый опасный хищник?

– Папель?

– Мы.

– Не обобщай, пожалуйста, - фыркнула она. - Я не владею заклятьем разрушения, разве что стены в доме могу перекрасить. Меня можно пленить и заставить делать ремонт!

– Ты прекрасно управляешься с палкой и отобьешься, – припомнил Илай, как во время первого квеста очкастая подружка шарахнула палкой побитого наблюдателя.

– Не бойся, Матильда, - веско проговорил Бади.

– Ты меня защитишь? - расплылась она в улыбке.

– Спрячет все палки, чтобы ты ненароком никого не зашибла, – поддержала я шутку Форстада.

– Ведьма, - огрызнулась она и добавила: – С ведьмаком!

На южном берегу темнело рано и стремительно. Вроде только-только закатилось солнце, но – бах – на плечи рухнула ночь. По ясному небу рассыпались пригоршни звезд, над краем горной гряды вспыхнула

ночная звезда, крупная и яркая, отчего-то не дающая света. И во двор мы въезжали, когда вокруг было не видно ни зги.

На веранде дома под жестяным козырьком светился огонек самого обыкновенного фонаря с сальным огарком свечи за прокопченным стеклом. С басовитым лаем откуда-то вылетел огромный пес. Видимо, ощущая демона, спрятанного в корзинку, он продолжал заливаться, даже когда мы скрылись в тесной кухне, вкусно пахнущей тыквенной похлебкой.

Ужинали мы бодро, с большим аппетитом, дружно помолившись. Ни одна столичная принцесса не отказались ни от воззвания к добрым богам, ни от добавки. После трапезы, усевшись возле камина, мы обсуждали, что могло произойти с Флеммингом, строили предположения, придумывали теории заговора, но ничего толкового в голову не шло. Кому мог помешать отличник, увлеченный мироустройством и историей? Разве что метил в председатели исторического клуба.

На ночевку разместились в двух выстуженных холодных комнатах на втором этаже. По всей видимости, раньше в доме обитала большая семья, но сейчас остались одни старики, тепло хранили только в жилых комнатах. Водопровода не было, что совершенно не удивило, даже избалованных богачей. Более того, Тильда страшно обрадовалось пахнущей сырой влажностью купальне с большой деревянной бадьей и обещанию доброй хозяйки нагреть столько воды, сколько наша душенька захочет. Сказать откровенно, коллективная душенька была бы не против хорошенько отмокнуть в ванной пузырьками (конечно, не всей командой сразу), но, как любит приговаривать кухарка Бринни, чем богаты, тем и рады.

Вопрос, кому повезет первым отмыть сероватым щелоком дорожную пыль, решали, скинувшись на камень-ножницы-бумага. Провинившуюся ведьму до жеребьевки не допустили. Я возражать, естественно не стала. Честное слово, эти разбалованные комфортом городские жители такие забавные! Всем же известно: кто первый ледяную купальню занимает, тому мерзнет и греет ее для остальных. Правда, изуверы хотели меня заставить таскать горячую воду на второй этаж (лучшая подруга), но сжалились (Бади пристыдил).

Пока Тильда приводила себя в порядок, я застелила постель пахнущими сухой лавандой простынями. Продрогшая подруга

запрыгнула в кровать, дрожа накрылась тремя одеялами. Она что-то пыталась рассуждать о пропаже Ботаника, но речь постепенно становилась невнятной, и сон победил. За стеной было слышно, как укладывались парни. Старый дом стих.

Держа повыше дрожащую свечу, я спустилась в кухню за горячей водой и с удивлением обнаружила Илая. Сидя за добротным большим столом он колдовал над фонарем из слюдяных пластинок вместо стекла.

– Чем занимаешься? - спросила я, устраиваясь напротив.

– Да так... Ерундой.

В сложенной ладони зажглась яркая крупца магии. Светлячок медленно рос, заливая кухню белым светом, заставляя предметы отбрасывать изломанные тени.

– В голову тут пришло... Вряд ли они возьмут деньги, - вымолвил парень, внимательно наблюдая, как горошина превращается в световой шарик.

Он сжал кулак, и магия потухла. Раскрыл – огонек возродился и начал медленно разгораться, мерцая, словно крошечное солнце.

Я следила заворуженно, кажется, даже не дыша. Влажная челка падала Илаю на лоб, лезла в глаза, и он пытался избавиться от помехи нетерпеливым, раздраженным движением свободной руки. Губы были крепко сжаты, в глазах словно отражались звезды.

Высокомерный до мозга костей аристократ, когда-то небрежным жестом швырнувший мелкие монетки и приказавший подавальнице обслужить его по высшему разряду, из простой человеческой благодарности создавал магический светильник. Когда Илай Форстад-младший так сильно изменился? Именно в этот момент пришло осознание, что бездумная, легкомысленная влюбленность прошла. Я влюбилась глубоко и крепко, по-настоящему.

– Что? - бросил он быстрый взгляд.

– Ничего, - с трудом сдерживая улыбку, покачала головой. Новое чувство щемило сердце и почему-то поясницу, но в последнем наверняка была виновата поездка в открытой всем ветрам подводе.

Кое-как помывшись в полутьме, я вылезла из бадьи и быстро растерлась холстиной. Натянула белье, рубашку, прижала к груди свернутый ком грязной одежды. Стараясь не замечать, как неприятно ледяной сквозняк облизывает голые ноги, я открыла дверь купальни. В потемках шевельнулась живая тень.

– Кто здесь?!

– Догадайся, - насмешливо ответил из темноты Форстад.

– Ты чего притаился? Чуть до заклатья разрушения не довел, бессмертный!

– Я тут понял, что не усну, пока тебя не поцелую, – ответил Илай, отрываясь от стены. Секундой позже к этой самой стене оказалась прижатой я.

– С ума сошел? Если нас услышат?

– А мы постараемся тихо.

Комок с платьем пришлось незаметно бросить на пол, чтобы ничто прозаическое не мешало предаваться нежным глупостям. Ну и руки хотелось освободить.

В конечном итоге нас слышали абсолютно все, кроме тугоухого дедули – увлекшись, я случайно смахнула с маленькой полочки медный подсвечник. Тот гроыхнул о дощатый пол и звучно покотился в угол, заставляя нас оцепенеть и напряженно вслушаться в безмолвие дома.

– Вы что там делаете, демоны? - конечно же, раздался недовольный голос Тильды.

Выразительно-сдержанным жестом, выдающим отчаянную борьбу с плотским желанием, Илай поправил мне задранную одежду, сунул в слабые руки поднятый с пола комок с платьем и решительно отправил спать.

– Спокойной ночи.

– Но... – прошептала я.

– Эден, умоляю сжалься и просто иди.

Я запретила себе думать о том, почему испытывала жгучее разочарование.

Проснувшись на рассвете. Долго лежала с открытыми глазами, тараща в потолок и пытаюсь переварить все, что происходило накануне. Тильда изредка сладко всхрапывала во сне. Я тихонечко выскользнула из кровати, умылась ледяной водой и спустилась в кухню. Хозяйка уже суеилась возле очага. Воздух пах разваренной крупой, горячим молоком и ягодным киселем. На толстой разделочной доске лежали оранжевые очищенные дольки тыквы.

– Давайте помогу. – Я быстро взялась за нож и принялась нарезать тыквенную мякоть на кусочки.

– Я покормила твоего песика, – проговорила хозяйка. - Станный

он у тебя.

– Песик? – Я напряглась и покосилась на корзинку для пикников, вечером забытую возле двери. - Никак очнулся?

– Вылез из корзинки, - пояснила бабуля. - Начал ножку у стола грызть. Сразу видно, голодный очень был.

– Стол ещё цел?!

Я быстро наклонилась, чтобы проверить, как сильно папель попортил хозяйское имущество. Судя по всему, ненасытный Буся испытывал поистине демонический голод! Мелкий негодяй не просто покусал ножку, а выгрыз кусок. Пятнистая недокрыса! Надеюсь, он умел переваривать деревянные щепки, потому что я понятия не имела, что делать с папелем, страдающим несварением.

В этот момент во дворе раздался басовитый собачий лай, резко переросший в скулеж. Чувствуя, как меняюсь в лице, я выскочила на веранду и поежилась от влажного холода. Утро только-только просыпалось. Магический светильник, заменивший прокопченный фонарь, все еще лучился бледным светом. Возле перил, набивая в трубку табак, стоял дедушка в войлочных домашних туфлях и теплой душегрейке.

Он с интересом наблюдал, как мелкий нахальный Буся жадно мёл отвоеванный завтрак. Испуганный хозяйский волкодав забился под подводу и жалобно скулил, глядя на налетчика размером чуть больше крупной крысы.

Первым порывом было стянуть с ноги ботинок и швырнуть в прожорливую тварь, но как представила, что папель на лету сгрызет половину подошвы, сразу передумала и попыталась подействовать силой убеждения:

– Буся, мелкий паршивец! Нельзя отнимать еду у слабых!

Если бы рейнсверская «болонка» прониклась нравоучением и уступила миску, я бы удивилась до разрыва сердца. Подозреваю, дедуля тоже.

– Хороший пес, - одобрительно прогудел он. - Свирепый!

– Это папель.

– А? – не слышал дед.

– Это рейнсверский демон! – проорала я.

– Ага, вот и я говорю, пес что надо.

– Подарить? - обрадовалась я.

Он почесал седую колючую щетину на подбородке, словно обдумывая соблазнительное предложение, но с большим сожалением покачал головой:

– Не прокормлю.

ГЛАВА 10. Ребусы и разгадки

Не смотря на злоключения, в академию мы вернулись как раз перед началом занятий. Быть точнее за полчаса до звонка. Ни о каком завтраке речь не шла, времени оставалось лишь забросить в общежитие вещи и со всех ног броситься на учебу.

В панике я заметалась по комнате: одной рукой натягивала мантию, другой – собирала нужные учебники. Потом бросилась поливать обиженно притаившийся кустик. На радостях, что безответственная хозяйка вернулась, мандрагора вцепилась клыками в рукав. Я пролила воду, отодрала кусаку от мантии, впопыхах пнула корзинку с обездвиженным демоном и замерла, осознав, что впервые в жизни прогуляю лекцию. Сначала разберусь с домашним хозяйством.

«Не жди меня», - предупредила я Тильду «приветиком».

«Не жду, сплю», – коротко и ясно ответила она.

Зверинец находился на задворках академического парка. Договариваться пришлось с дерганым старшекурсником, по всей видимости, люто ненавидевшим любых животных. В какой-то степени я его понимала: попробуй каждый день почисть клетку под «методическим материалом» и покорми «живые пособия» для уроков по фауне Рейнсвера.

При приближении источника тепла у игольчатого кота из подшерстка моментально вылезали острые шипы. Красноухая черепаха, закованная в зеленовато-коричневый панцирь, беспрерывно скребла длинными когтями по стенкам водного резервуара и шипела, как ядовитая змея. Возможно, ею себя и воображала. Про саблезубых кроликов даже упоминать не буду: увидишь в темноте чудище со светящимися длинными клыками и алыми глазами-углями, до конца жизни останешься заикой.

Желтый в синюю крапинку папель на фоне местных жителей казался верхом красоты. С другой стороны, Буся вообще выглядел забавным. Пока у него не начинался приступ обжорства.

– Кто там? - кивнул лаборант на корзинку.

– Буся, - объявила я и тут же исправилась: – Рейнсверский папель.

С безгловым видом парень приподнял крышку на корзинке и

заглянул внутрь. Губы у него вытянулись и свернулись трубочкой.

Буся был вновь парализован. Поверьте, я не злодейка и испытывала искреннюю жалость, превращая вертлявого «крысеньша» в застывшее чучело, но только заклятье обездвиживания заставило его прекратить жрать все, что плохо лежало. Особенно, когда это «все» лежало очень хорошо! Как оголтелый, он лопал любую гадость, которая лично ему казалась съедобной, а я ещё не научилась на глазок определять «деликатесы», чтобы спрятать их от прожорливой болонки.

На ферме был съеден старый башмак бабушки, во время полета на воздушном судне пострадал саквояж Тильды. Насилу отбили! Терпение лопнуло, когда паршивец, с энтузиазмом облизав мой палец, широко раскрыл пасть, чтобы этот самый чистенький палец проглотить. Разъяренный окаменелый Буся выглядел до смешного нелепым.

Парень вытащил песика, повертел и так, и сяк, посмотрел в сощуренные глаза, проверил клыки, кончиком пальца потрогал спрятанные на холке под шерстью шипы и резюмировал:

– Не возьмем.

– Как не возьмете? - опешила я.

Сказать откровенно, отказ в мои планы не входил. Замороженный Буся не представлял угрозы для общежитского имущества, но что мне делать с размороженным Бусей?!

– Цвет слишком яркий, - нудным голосом начал перечислять недостатки этот знаток фауны Райнсвера, - размер не дотягивает до стандарта, хвост без ядовитого шипа.

– Что-то не пойму, - раздраженно перебила я. – У вас академический зверинец или выставка чистокровных демонов? Чем вам его цвет не угодил? Желтая шерсть, синие пятна, вертикальные зрачки. Два сердца бьются, иголки на месте. Что еще надо-то?

– Иголки не вылетают.

– Ну, извините! – взмахнула я корзинкой. – Мы все с недостатками!

– Слушайте, по папелю видно, что он выведен искусственно, а на занятиях разрешено демонстрировать только оригинальных демонов. Он же почти ручная собачка.

– Ага, только ест, как дикий игуанодон, – огрызнулась я.

– Надевайте намордник.

– Подозреваю, что он и намордник сжует.

– Перевяжите пасть.

– И когда он освободится, сначала сожрет меня во сне, а потом придет за тем, кто посоветовал ему челюсти завязывать.

– Что вы от меня хотите, девушка? – Лаборант раздраженно сунул мне в руки обездвиженного зверька с двумя быстро стучащими сердцами. - Продайте его на птичьем рынке.

– Да кто купит папеля?

– Но вы же купили.

– Мне его насильно подарили! Понимаете? Обманом!

– Сочувствую.

– Не надо мне сочувствовать, - огрызнулась я. - Лучше заберите папеля!

– Но папеля забрать не могу, – старательно пряча злорадство, развел руками лаборант.

С разъяренным Бусей под мышкой я вышла из зверинца на обледенелые ступеньки. День выдался солнечный, ясный, светлый. Снег искрился, мороз кусал щеки, а я стояла на ступеньках академического зверинца и понятия не имела, что делать с прожорливой зверюшкой без разрешительных документов!

– Адептка! – вдруг выскочил из дверей парень и, охнув от мороза, моментально съежился. - Могу оформить вашего папеля на постой. У нас тут бывает собачек держат. Вольеры теплые, кормежка два раза в день. Только напишем, что он песик.

– Как в гостевом доме, только для животных? - оживилась я.

– Ага, любой каприз за ваши деньги. – Дыша паром, он спрятал подбородок в высокий ворот вязаного джемпера и засунул под мышки руки.

– Сколько стоит этот каприз?

– Пятнадцать соримов в месяц. За выгул два сверху.

– Сколько?! – не поверила я. - Слушайте, за пятнадцать соримов в месяц я сама гостевой дом для папелей открою!

С оскорбленным видом я сунула Бусю обратно в корзинку и, гордо задрав подбородок, направилась в жилой корпус. Идея прикупить демону намордник за полтора сорима (за два, если выбрать с прострочкой) больше не казалась абсурдной.

И ничто не предвещало беды, пока возле парковой статуи – фигуры адепта в ученической мантии со снежными горками на голове и плечах – мы не столкнулись с Армасом. Проклятье отличников в действии: в

первые жизни решишь прогулять и тут же попадешься в лапы главному тирану первого курса! Только благодаря силе воли я не дала стрекача, а сдержанно поздоровалась.

– Прогуливаете, адептка Эден? - спросил он, выстрелив тем самым колюще-режущим взглядом, от какого обычно в животе начинался болезненный спазм.

– Не то чтобы прогуливаю, - возразила я, – скорее занимаюсь благотворительностью.

– И какое же, позвольте спросить, благо вы творите в середине лекции по истории? - спросил Армас.

Позволять не хотелось, но кого волновало мнение скромной адептки. Стоять на морозе было неприятно, ледяной холод, исходящий от каменных плиток под ногами, прокусывал подошвы ботинок.

– Ищу семью для брошенной сироты, - туманно пояснила я и, пока Армас соображал, что именно ответ мог бы значить, использовала прием торговцев всякой чушью: – Вы когда-нибудь думали о том, чтобы завести домашнего питомца?

Сказала и сама обалдела, как нагло прозвучало. Подозреваю, Армас тоже несколько удивился.

– Я живу в пансионе для преподавателей, - вдруг ответил он.

– То есть домашних питомцев вам заводить запрещено?

– Почему же? - усмехнулся магистр.

– О, тогда, может быть, спасете жизнь сироте?

Взгляд собеседника вдруг потяжелел, и я не сразу догадалась, насколько двусмысленно прозвучал вопрос от девчонки, давным-давно потерявшей родителей.

– Я имею в виду рейнсверскую болонку.

– Болонку? – Магистр покосился на корзинку в моих руках.

– Ну, он не совсем болонка, скорее папель.

– Простите?

– Крошечный, не прихотливый в питании папель Буся.

Божечки, если в будущем из меня не выйдет толкового мага, пойду в коммивояжеры продавать мыло из лепестков хищных рейнсверских орхидей. Точно на собственный дом наторгую!

– Буся? - вкрадчиво повторил магистр.

– Кличку придумывала не я! Посмотрите, какой он милый и, уверяю, совершенно, абсолютно, полностью безобидный! И ест, как

птичка.

– То есть много и часто.

– То есть сыт тем, что найдется в доме.

Поменьше экспрессии, Аниса. Спугнешь!

Я заставила себя заткнуться и раскрыла крышку, так сказать, демонстрируя товар лицом, в смысле, папеля – мордой. Морда у Буси с растопыренной пастью выглядела туповатой.

– Аниса... – Магистр кашлянул, совершенно не разглядев достоинств сироты. – Адептка Эден, вы что же, надо мной подшучиваете?

– Исходя из чего вы сделали такой вывод? – удивилась я.

– Если вы не заметили, ваш демон давно превращен в чучело. Не спорю, очень реалистичное, однако же...

– Заклятье обездвиживания, - с вежливой улыбкой подсказала я, мол, посмотрите своими глазами, магистр, на живое доказательство того, что напрасно поставили мне «удовлетворительно» за дополнительное задание. Вдруг совесть заставит вас поднять балл.

Он кашлянул и уточнил:

– И откуда у вас папель?

– Попал ко мне в результате несчастного случая, - туманно проговорила я, ровным счетом ничего не объясняя, и принялась нахваливать: – Песик отличный! Почти оригинальный. Расцветка яркая, носик миленький. Но в общежитии его держать не позволят. Возьмете?

Мы оба знали, что отказать в лоб, послав адептку за грань, было непедагогично. Магистр почти затравленно обернулся в ту сторону, где из-за деревьев выглядывал каменный домик академического зверинца.

– Пятнадцать соримов в месяц за содержание и два сверху, если захотите выгул, – немедленно отрапортовала я. – Не сказать, чтобы очень дорого, правда?

– Аниса, я живу на преподавательское жалование, – неожиданно признался Армас.

– То есть дорого, - приуныла я, понимая, что, по всей видимости, пятнистого уродца придется тащить обратно в общагу и молиться, чтобы они с цветком не сговорились и не попытались слопать хозяйку.

– Давайте сюда вашего папеля, - протянул он руку (да восслався педагогичность!). – Подарю супруге ректора и буду надеяться, что меня не уволят.

– Спасибо! Вы очень хороший человек! – почти неприлично обрадовалась я.

– Вы в курсе, что это любимая фраза уличных аферистов? – несмешливо заметил Армас, забирая корзину.

Стараясь сменить тему, я принялась давать инструкции по пользованию папелем:

– Буся красив и в таком виде, но лучше перед подачей его разморозить... Ой! В смысле, сначала расколдовать, а потом подарить.

– Я понял, - хмуро отозвался магистр и, вновь заглянув в корзину, сморщился, точно от Буди исходил смрадный запах. – Эден, нормальные люди привозят из путешествий к морю декоративные тарелки, а вы притащили демона. Это, безусловно, оригинально, но чем вас тарелки не устроили?

– Мне некуда их вешать, – нервно улыбнулась я и вдруг поняла, что сморозила страшную глупость. Выходило, что повесить на стенку расписную тарелку с морским видом – дурная идея, а поселить в комнате прожорливого рейнсверского песика – идея потрясающая, лучше не придумаешь. В словах не было логики, но Армас, похоже, не заметил и буркнул:

– Почему вы так смотрите, будто я собираюсь сдать вашего папеля на опыты?

– Нет-нет, вам показалось, - замахала я руками. - Извините.

– Идите, Эден, - кивнул он в сторону маячившей махины учебного корпуса. – И не смейте пропускать вторую лекцию!

– Спасибо за помощь, магистр! Уверена, супруга господина ректора придет в восторг от подарка!

– Сомневаюсь, что сам ректор придет в восторг.

Отойдя на пару шагов, я обернулась. Быстрой походкой, неся в одной руке корзину с папелем, Армас направлялся в сторону ректорского дома. Глядя вслед уходящему магистру, я ловила себя на тревожной мысли: откуда он знает о поездке к южному берегу?

Прилично продрогшая и запыхавшаяся, я проскользнула сквозь тяжелые двери в холл учебного корпуса и первым делом увидела Илая. Сложив руки на груди, он стоял на балконе, с сосредоточенным видом следил за входными дверьми и вполуха слушал Дживса. Жестикуюлируя руками, паж что-то с азартом рассказывал, вероятно, о приключениях на выходных. При виде меня лицо Форстада мгновенно расслабилось, на

капризных губах вспыхнула улыбка.

Хотелось взбежать по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, крепко к нему прижаться и даже поцеловать, наплевав на приличия, но не стала пугать Дина. Спокойно поднялась, на ходу расстегивая пальто.

Шаль, превращенная в подстилку, осталась в корзинке с папелем, теперь после мороза горели уши. Или, может быть, это магистр, сидя в ректорской гостиной, мысленно костерил меня за демона.

– Похоже, только Остад сегодня учится, - прокомментировала я.

– Еще не вернулся из дома, - уныло возразил Дживс. Видимо, напарника по двойным свиданиям ему не хватало.

– И как тебе прогуливать лекции, отличница? - спросил Илай и инстинктивным движением заправил мне за ухо выбившуюся из косы прядь волос. От нежного касания по спине побежали мурашки. Не замечать их было сложно.

– Удовольствие не оценила, но в парке удачно столкнулась с Армасом.

– Ведьма, если ты не знала, то встретить куратора во время прогула – плохая примета, – фыркнул Дживс. – Она предсказывает, что тебя ждет метла и три дня отработки.

– Да, но Армас согласился пристроить Бусю в дом к ректору.

– Как ты это провернула? – опешил Илай.

– Легко, - пожала я плечами. – Если сильно повезет, то после Буси у нас поменяется магистр высшей магии. Так что, Дживс, иногда встретить куратора во время прогула – очень хорошая примета.

– Стесняюсь спросить, кто такой Буся?

– Эден, завела папеля, но испугалась, что не прокормит, и нашла новый дом, – с иронией ответил Форстад.

– Не понял... На выходных вы правда ездили в зоопарк?! – воскликнул Дживс.

– Думал, что пошутили?

– То есть ты спихнула ректору сворованного из зоопарка папеля?! Гениально!

Выводы, которые делал Дин, всегда поражали воображение нелогичностью.

– Передарила подарок, - поправила я и посмотрела на Илая: – Армас в курсе, где мы были. Случайно оговорился. Может, за тобой

следят?

Атмосфера резко изменилась: легкость исчезла, парни заметно напряглись. Форстад покосился на внезапно притихшего друга и скупое бросил:

– Нет.

Во время большого перерыва, когда адепты оголодавшей толпой осаждали в столовую и практически на ходу прихлебывали травяной напиток, заменявшей кофе, я отправилась в почтовую службу Дартмурта, но пришла к закрытой двери. Большое объявление крупными буквами гласило, что в первый день учебной декады служба не работает.

На семинаре по старомагическому языку преподаватель во всеуслышание заявил, что если завтра не увидит на столе моего сочинения на сто пятьдесят старомагических слов о том, как прошли выходные, то я никогда не увижу даже жалкого «хорошо» по его предмету. Все справедливо, но эпистолярный жанр мне давался, мягко говоря, паршиво, а уж сочинение на магическом языке превращалось в изощренную пытку.

С обеда и до позднего вечера, рыча на всех, кто пытался меня отвлечь или просто проходил мимо, как-то по-особенному громко топая, я описывала интересную поездку в столичный зоопарк, где кормила с руки скиффолса. Обычно сочинения о зоопарках дети бросают писать ещё в средней школе, но вряд ли магистр, человек старой закалки, оценит рассказ о полете на воздушном судне под мрачное «помолимся» или о папеле Бусе, прожорливом уродце, подаренном ректорской супруге.

– Все еще корпишь? - подсел ко мне Илай.

– Почти переписала набело, – буркнула я, не поднимая головы.

Форстад ловко сцапал листик с черновиком и пробежал глазами по тексту.

– Красивая крылатая корова? - фыркнул он. - Ты серьезно?

– Надо было, конечно, использовать «величественный гигант», но если эти слова поставить рядышком, то на старомагическом они звучат как нецензурное ругательство, - поморщилась я. - Много описок?

– Ты на редкость грамотная, - улыбнулся Илай.

– Спасибо.

– Это странно.

– Странно, что я пишу без ошибок?
– Учитывая, что ты читаешь одни учебники по высшей магии...
– Между прочим, учебники по высшей магии составляют очень умные люди! – оскорбилась я и вырывала из его рук страничку с черновиком. #286136130 / 02-дек-2019 – Завидуй молча в сторонке.
– В какой из сторонок? - хмыкнул он, обведя рукой почти опустевший зал для общих занятий.

– В той, что за гранью.
– К слову, Бериард Кростада был чудовищно безграмотным, - уронил Илай.

Он посмел обругать самого известного в мире ученого, описавшего почти все основные законы высшей магии. Покусился, можно сказать, на святое. Негодяй! Ладно терзать дурацкими шуточками раздражительную подружку, но как можно обижать великого мага?! Он умер полтора века назад и способен разве что перевернуться в гробу от возмущения.

– Кажется, мы сейчас расстанемся, - сухо прокомментировала я и вернулась к сочинению.

– Отец прислал письмо, – вдруг произнес Илай, и у меня дрогнула перо, оставив на листе неряшливую чернильную закорючку. - Требуется, чтобы я сегодня приехал домой.

– Почему ты не собираешься?
– Скандалы на ночь портят здоровый сон, – усмехнулся он. - Поеду завтра утром.

– Он разозлился из-за поездки?
– Обычно сиятельных Форстадов не волнует, где проводит время их сын.

– Просто ты не летал на другой конец королевства с сиротками из восточных долин, - прокомментировала я. Без горечи. Глупо расстраиваться из-за правды.

– На самом деле, летал, - вдруг огорошил меня Илай. – И они были не из восточных долин, но сути, конечно, не меняет...

– Они? - вкрадчиво повторила я. – Сделаю вид, что ничего не слышала.

Улыбка осветила его лицо и отразилась в светлых глазах. Он откинулся на спинку стула, сложил руки на груди.

– Полагаю, родителям уже доложили.

– О чем?

– Что у нас все серьезно. Наверняка Эмрис снова сделает вид, что мы не знакомы. - Илай усмехнулся своим мыслям. - В этом даже есть прелесть: не придется объясняться хотя бы с матерью.

И как, скажите на милость, заканчивать сочинение, когда рука дрожит, а строчки пляшут по странице? Я решительно собрала записи, закрыла словарь и завинтила колпачок на самописном перо.

– Завтра доделаю.

Форстад проводил меня до комнаты. Крепко-крепко обнял на прощанье. Вообще, устраивать обнимашки в коридоре было чревато – вдруг кто-нибудь завернет в закуток.

– Зайдешь?

– Уверена? – Он отстранился и ошарашенно посмотрел мне в лицо.

– В смысле, уверена? – высвободилась я. - Надо вернуть тебе конспекты по философии.

– Конспекты... – У него на горле дернулся кадык. - Ну, конечно.

– Ты чего там бубнишь, принцесса? - не поняла я, отпирая дверь. - Заходи.

Пока копалась в шкафу, разыскивая нужную папку, он рассматривал кустик. Тот щерился на нерадивого «папашу», принявшего участие в посадке, но никогда не желавшего участвовать в воспитании. Что сказать? Кусту явно не хватало мужской руки, иначе бы не обнаглел. Бади наставником считать смешно, он только разбаловал наглую поросль.

– Держи. - Я протянула странички. Конспекты у Илая всегда были аккуратные, с отступами, абзацами, ровными строчками, написанными понятным почерком.

Некоторое время он смотрел на записи, не делая попыток их забрать.

– Ты чего замер?

– Могу я остаться на ночь?

– Принцесса, не наглей! – сморщилась я. - У меня кровать рассчитана на одно тело.

– Знаю, - мягко согласился он.

Понадобилась длинная задумчивая пауза прежде, чем стало ясно, что речь шла вовсе не о кровати и не о ночевке. Вернее, совсем не о ночевке. Иногда собственная наивность меня изумляла. Цепеня от

смущения, я опустила руку и принялась кусать губу.

– Ты покраснела, – усмехнулся он.

Наверное, он ждал какого-то ответа... конкретного ответа. Да или нет – вариантов, если подумать, немного. Но язык прилип к небу, было страшно, что вместо человеческого голоса из пересохшего горла вырвется воронье карканье.

– Похоже, я бегу впереди экипажа так, Аниса? Если подумать, у нас даже человеческого свидания не было. – С улыбкой Илай протянул руку, большим пальцем провел по моей нижней губе, молчаливым жестом запрещая ее кусать. – Спокойной ночи.

– Хорошо! – выпалила я, неожиданно даже для себя.

Он резко оглянулся.

– Ты не шутишь?

– Да! В смысле, нет. Не шучу. Ты можешь остаться.

Никогда не думала, что буду чувствовать себя столь неловкой и неуверенной, просто согласившись на естественную в отношениях с мужчиной вещь. Оставалось полагаться на опыт Илая.

– Аниса, ты не обязана делать то, чего не хочешь.

– Конечно, не обязана, – согласилась я. – Но кто сказал, что я не хочу. Просто, не посчитай меня совсем темной... Я понятия не имею, что делать дальше. Сесть, лечь, поговорить... Может, станцевать?

На его лице расцветала медленная понимающая улыбка.

– С танцами перебор, да? – пробормотала я.

– Почему же? Я буду счастлив, если ты для меня станцуешь.

– Вообще-то, я не умею... – призналась едва слышно.

– Понятно.

Он приблизился. Осторожно, словно боялся спугнуть. Или заработать какое-нибудь неприятное заклятье, если девушка вдруг распахнется. Подозреваю, мысленно он уже подготовился блокировать магический удар.

– Я смешная? И бормочу, как дурочка?

– Нет. – Илай встал в полушаге и, наверное, мог услышать, как сильно колотится мое сердце.

– Тогда почему ты смеешься? – насторожилась я, окончательно потеряв связность мыслей.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – быстро кивнула я.

– За то, что смущаешься и понятия не имеешь, что делать дальше, - произнес он и накрыл ртом мои крепко сжатые губы.

Из руки выпали измятые страницы конспектов, рассыпались по полу. Я вцепилась дрожащими пальцами в рубашку Илая, словно боялась упасть, и не могла поверить, что действительно собираюсь заняться тем, о чем стеснялась думать при свете дня. Целоваться в холодных потемках фермерского дома, понимая, что дальше горячих объятий мы не зайдём, не равноценно согласию разделить ложе. Хотя «ложе», конечно, громко сказано. Мы надумали разделить узкую постель в общежитии Дартмурта. Не очень-то романтично, но я всегда считала, что значение романтики в отношениях переоценивают. Главное, чтобы ножки у кровати не подломились, и не пришлось платить штраф зрителю, я еще от первого за испорченную дверь не избавилась.

Илай отступил на шаг, одним плавным движением стянул через голову рубашку, обнажая подтянутый торс, тряхнул головой, убирая с лица волосы. Невольно я подалась вперед, чтобы прикоснуться губами к горячей обнаженной коже... и перенеслась в незнакомые дорого обставленные апартаменты – очевидно – в номер какого-то гостевого дома. В общежитии осталась бездушная оболочка Анисы Эден, застывшей с пустыми открытыми глазами.

Что сказать? Впервые сознание раздвоилось легко и совершенно незаметно. И главное, что ж так не вовремя?! Надеюсь, Форстад не получит душевной травмы и не начнет впадать в панику, оставаясь наедине с девушками.

Я недоуменно таращилась на большую кровать с балдахином. На подушках, накрывшись тонкими простынями, лежала девушка. Она приподнялась на локтях, повернула голову. С изумлением я узнала Марлис Нави-эрн.

– Можешь не торопиться, - прозвучал подозрительно знакомый мужской голос. – Номер оплачен до утра.

Будь я в своем теле, точно от шока съехала бы стеночке. Возле длинного низкого комода стоял Армас. Красивый, холёный любовник восемнадцатилетней адепки. Не глядя на девушку, с отсутствующим видом он застегивал рукава тонкой батистовой сорочки на запонки. Страшно представить, какую сцену мне бы пришлось наблюдать, перенесись я на полчаса раньше.

– Они догадываются, – вдруг произнесла Марис.

– Они самоуверенны, но не настолько умны, какими пытаются казаться. Такие не способны решать сложные ребусы.

Верден повернул голову к любовнице, но замер, словно прислушиваясь к внутренним ощущениям, и безошибочно нашел взглядом меня. Расслабленное и даже безразличное прежде лицо окаменело, на скулах заиграли желваки...

– Аниса, вернись!

Перед глазами мелькнуло белое от страха лицо Форстада. Мгновением позже он хлопнул меня по щеке. Пощечиной этот, с позволения сказать, шлепок было назвать сложно, но, кажется, я пришла в себя только от самого факта.

Совершенно ошарашенные мы смотрели друг на друга. Вокруг разливалась ошеломленная тишина. Из коридора неуместно доносился приглушенный женский смех. Илай опустил руки, отступил на шаг.

– Ты очень долго не приходила в себя. – Он сглотнул, на горле дернулся кадык. – Можешь меня ударить. Если хочешь – магией.

– Армас спит с Марлис! – выпалила на одном дыхании.

– Ты... откуда... Что?!

– Они любовники. Я их видела. Не в процессе, а просто видела. – Я пару раз моргнула, пытаюсь переварить происходящее. – Кажется, он тоже меня... увидел.

Этой ночью мы спали вместе, в прямом смысле этого слова, даже не раздеваясь. Перебрались к Форстаду – в аристократических «хоромах» кровати стояли пошире, и если ночью не устраивать бой за место под одеялом, то никто не рухнет на пол.

Разбудил нас деликатный стук в дверь, и раннего гостя не смутило, что ручка была зажженная. Илай открыл. Последовала пауза.

– Подождите на улице, – наконец хриловатым ото сна голосом сухо приказал он.

– Кто там? – Я лежала в застегнутом до подбородка платье, но все равно зачем-то стыдливо натянула одело.

– Из дома прислали экипаж, – ответил Илай и с тяжелым вздохом растер шею рукой. – Надо ехать. Запрешь дверь, когда будешь уходить? Ключи лежат на столе.

– Нет-нет, скоро занятия начинаются... – пробормотала я и, спустив ноги с кровати, начала быстро обуваться.

И лучше бы не торопилась выходить, ведь мужчина, приехавший за Илаем вместе с каретой, стоял в коридоре. Было неловко столкнуться буквально нос к носу, но визитер даже бровью не повел. Его лицо, до странности знакомое, будто мы встречались прежде, оставалось безучастным. Вероятно, он не раз и не два наблюдал, как из комнаты Форстада-младшего выскакивали сонные, взлохмаченные девицы в измятых одеждах.

– Доброе утро, - пробормотала я.

– Слышал, вы отличный маг, – вдруг произнес он мне в спину. – Не портите себе будущее.

– Мы знакомы?

– Нет.

Я вспомнила, где видела этого мужчину: на семейном портрете, висевшем в загаженной комнате Дживса.

– Меня учили не разговаривать с незнакомцами, - дернула плечом и, не обращая внимания на парней, выходящих из купальни, покинула мужское крыло.

Птичка-записка нашла меня, когда я вспомнила о сочинении и вместо завтрака, не обращая внимания на разговоры друзей, наскоро переписывала черновик. Она вежливо легла на ладонь, сама собой аккуратно разложилась. В академии имелся только один человек, кто делал подобный реверанс в сторону получателя.

«Зайдите! В. Армас», - требовала записка.

Некоторое время я смотрела на витиеватую подпись магистра и невольно перед мысленным взглядом снова появлялась его каменная физиономия. Ощущение, что он видел меня в номере не проходило. Я смяла бумажку и бросила под стол. Комок рассыпался пеплом и растворился без следа, не достигнув плиточного пола.

– Кто пишет? - спросила Тильда.

– Армас вызывает.

– Не пойдешь? - охнула она.

– Он же не знает, когда именно пришла записка.

От тренировок по боевой магии меня освободили, и, воспользовавшись «окном», я поднялась на второй этаж хозяйственной башни в почтовую службу Дартмурта.

Ящики для корреспонденции, представляющие собой массивные тумбы с прорезами на крышках, стояли в каждом корпусе. С помощью

магического портала письма, опущенные внутрь, перемещалась в хозяйственную башню. Три раза в седмицу их забирала почтовая карета. Именно об этом с большой претензией рассказывала смотрительница, пытаясь доказать, что «отправленные перед каникулами архиважные документы» могли потеряться исключительно по дороге, но не в замке.

– Понимаете, я теперь могу остаться без тетушкиного наследства. Дом уйдет с молотка! – Я силилась пустить слезу, чтобы разжалобить грозную собеседницу, но плакать по заказу совершенно не хотелось. – Может, письмо куда-нибудь завалилось?

– То есть потерялось? – с нажимом уточнила смотрительница.

Мы синхронно оглядели огромную полукруглую комнату, пахнущую чернилами, бумагой и пылью. Везде, куда ни кинь взгляд, стояли стеллажи. На большом длинном столе высилась гора неразобранных почтовых пакетов. Юркая невысокая девушка с пачкой писем в руках проверяла адреса на конвертах и раскладывала по нужным ячейкам.

– Не сверлите во мне дыру, – не прерывая занятия, проговорила она. – Я здесь работаю только с начала полугодия.

– И все время что-то теряешь! – грозно напомнила смотрительница и пожаловалась: – Вот Коэл никаких писем не упускал! Очень хороший парень. Надежный...

Стоило услышать знакомое имя, как у меня в животе завязался крепкий-крепкий узел.

– Только почему-то этот ваш надежный Коэл Брокс слинял перед каникулами и оставил кучу неразобранных писем, – не потрудившись обернуться, недовольно прокомментировала девица. – Седмицу потела, пока все отправили. Даже премии не выписали!

Не дослушав перепалку, я развернулась и бросилась на выход.

– Адептка, а что с документами-то? – крикнула смотрительница.

– Надеюсь, дом достанется хорошим людям.

Стоя в холодной тишине хозяйственной башни, я с минуту пыталась привести в порядок скачущие мысли и пришла в себя, когда руку знакомо зацепало.

«Буду завтра», – на ладони светился «приветик» от Илая. Литеры плясали, словно он отправлял послание на ходу.

«Кақ ты?» – снова спросил он, когда я направлялась на закрытый полигон в подземелье.

Все хорошо, принцесса. Собираюсь вытрясти из нашего нового товарища по команде душу и выяснить, какого демона он воровал письма к исчезнувшему Флеммингу Квинстаду.

«Ты где?»— потребовал Илай, видимо, начиная беспокоиться.

«Не молчи!»

«Ничего не делай!»— выругался он из столичного особняка, начиная осознавать, что стоило ему уехать, как у нас началось «веселье».

«Дождись меня!»

«Замри, Эден!»— поорал, когда я уже толкала дверь в огромное сумрачное помещение, где устроили полосу препятствий для тренировок во время мороза.

В зале стоял страшный шум, воздух казался сизым от дыма. Парни отрабатывали какое-то мудреное заклятье, швыряя в деревянный щит светящиеся сгустки воздуха. Девушки стояли в сторонке и тихо перешептывались, дожидаясь своей очереди на пытку. Невольно взглядом я выхватила из шеренги других адептов долговязую фигуру Коэла Брокса.

— Что делает счастливый человек в демоническом чертоге? — поприветствовала меня Тильда. — Ходила к Армасу?

— Ходила в почтовую службу, — тихо проговорила я.

— И? - насторожилась Тильда. - Что узнала?

— Письма забрал Брокс.

— Наш?! — Подруга потрясенно уставилась на Кэпа, уронившего на пол сгусток воздуха. Из-под ног брызнул густой дым. Неумеха поспешно отскочил и, заметив, что мы наблюдаем за его магическими потугами, нервно помахал рукой.

— Вот и выясним.

— Кажется, пора объявлять общий командный сбор, — заключила она.

Рядом с нами, разгоняя воздух, пронесся взмыленный Дживс.

— Эден, лови! — Он швырнул в мою сторону зеленоватый комок. Инстинктивно мы с Тильдой пригнулись, и заклятье вмазало в стену, оставив след с обожженными краями.

— Придурок!

Секундой позже с помощью несложного заклятья, которым мы баловались в младшей школе, я заставила шнурки на его ботинках развязаться. Дживс запнулся и едва не навернулся носом в каменный

пол.

– Эден, рехнулась?! Ты что творишь?

– Высшую магию, клоун. Ту самую, которую ты не хочешь учить! – огрызнулась я.

– Объявим общий сбор без Дживса, - поправляя очки, внесла ясность Тильда.

Понятия не имею, каким образом бумажная птичка проникла на полигон. Вероятно, залетела, когда кто-то из адептов открыл дверь. Она безошибочно отыскала меня и почтительно застыла в воздухе ровно на расстоянии протянутой руки. От прикосновения записка вновь аккуратно развернулась. На этот раз магистр был до неприличия скуп в словах. Вернее, он не написал ни одного слова, очевидно намекая, что пребывает в молчаливом бешенстве.

«?!» – крупно вывел он.

– Мне надо к Армасу, - вздохнула я.

– Удачи, подружка, - Тильда похлопала меня по плечу. - Вернешься, и мы вытрясем из Брокса душу.

Перед тем, как войти в кабинет, я поклялась себе, что не буду представлять магистра в дорогом номере гостевого дома. Он встречал меня недовольной миной и хмуρο сведенными бровями.

– Похоже, чтобы лицезреть вас, необходимо сначала записать свое имя в вашу бальную карточку, – прокомментировал Армас мое нежелание появляться пред очи и выслушивать очередную нотацию.

Я понятия не имела, что такое бальная карточка, но прозвучало обидно.

– Садитесь, - указал он на кресло перед массивным письменным столом, на котором по-прежнему стояли тяжелое пресс-папье, дорогой письменный набор и вазочка с белыми круглыми конфетами.

Стараясь не встречаться с магистром взглядом, я села на краешек кресла, но едва не сползла с него на пол.

– Супруге господина ректора понравился подарок?

– Хотите спросить, не выставили ли меня вместе с вашим папелем? Как видите, я все еще здесь, - без тени улыбки проговорил Армас и протянул мне кожаную папку: – Возьмите.

Послушно приподнялась с кресла, забрала папку и заставила себя сесть обратно. Внутри лежали цветные гравюры Эртонской академии магии: величественное здание, просторные аудитории, комната в

общежитии с отдельной купальной. Я перебирала картинки, скользила взглядом по тексту, не вникая в суть описаний.

– Почему бы вам не уехать? – спросил Армас. - В Эртонию. У нас начинается программа по обмену. Сегодня утром я отправил ваши рекомендации и получил положительный ответ.

– Почему я? - слова давались с трудом. - Я даже не в тройке лучших адептов.

Потому что ты, Эден, бывшая подавальщица из провинциальной таверны, почему-то решила, что влюбиться в сына главного мага королевства – вообще отличная идея. Похоже, сиятельные родители серьезно всполошились и надумали услать беспардонную выскочку.

– Да, вы на почетном четвертом месте. – Армас откинулся на спинку кресла. - Но кому нужны баллы, если вы талантливый, а в Эртонской академии превосходная программа по высшей магии. Никаких лабиринтов, команд, тренировок. Вы расцветете, Аниса.

– Как рейнсверская мухоловка? – усмехнулась я, закрывая папку. – Считаете, мы похожи с этим цветком?

– Эден, - в голосе магистра появились стальные ноты, - не будь душой. Просто собирай вещи и уезжай из Дартмурта. Такой шанс выпадает один раз в жизни.

– Знаю, но вынуждена отказать.

– Только не говори, что ты щепетильная, – нехорошо усмехнулся он. - Я наблюдал за тобой последние полгода, ты не из таких.

Как и вы, магистр. Согласитесь, щепетильный человек не позволит себе тайный роман с адепткой.

– Вы правы, не из таких, - покачала головой, отчего-то чувствуя себя глубоко, почти непереносимо уязвленной. – Все гораздо проще: я очень плохо владею эртонским языком.

Папка легла на край стола. Когда я поднималась, печально скрипнуло кресло.

– Могу идти?

– Возьми папку, – кивнул Армас. - Подумай до вечера.

– Зачем тянуть время, если ответ не изменится? Но спасибо за предложение.

– Ты так и не научилась справляться с раздвоением сознания? - вдруг в лоб спросил он.

Мы встретились глазами. Человек, изучающий ментальную магию,

наверняка способен засечь присутствие незримого наблюдателя. Возможно, вчера он заметил тень или неясное движение, и теперь чувствовал угрозу.

– Я давно не испытываю приступов, - соврала, не моргнув глазом. - Они закончились.

Оказавшись в коридоре, я вдруг поняла, что почти не дышала в кабинете с массивной мебелью, словно магистр поглощал весь воздух вокруг себя.

«Все хорошо?» – пришел очередной «приветик» от Илая. В словах не чувствовалось ни гнева, ни претензии, только усталость встревоженного человека.

«Да», – вывела на ладони пустым пером и, сжав кулак, вернула Форстаду.

После занятий Брокс активно занимался подготовкой к балу. Понятия не имею, в чем именно заключилась эта подготовка, разве что через день меняли плакаты, но он не забывал напоминать команде, что отдувается за всех. Мы вошли в пахнущую алхимическими красками и клеевой пастой каморку. На месте Кэпа я бы напряглась, увидев почти половину команды, коллективно ненавидящей общественную деятельность в любых ее проявлениях, особенно в художественных, но он страшно обрадовался.

– Наконец-то вы решили заняться общественной работой! – воскликнул он, взмахнув испачканной в краске кистью. - Сегодня надо развесить объявления о голосовании на звание самого красивого костюма на маскараде.

Он воодушевился и не заметил, что остальные активисты, следуя молчаливому приказу Бади, технично покинули помещение. Прежде чем заблокировать выход, здоровяк выглянул в коридор. Общественные деятели с воодушевлением подслушивали и прыснули в разные стороны, боясь связываться с молчаливым, угрюмым качком.

– Кэп, - присаживаясь на стол возле Коэла, проговорила я. - Слышала, что ты работал в почтовом отделении.

– Ага, почти все прошлое полугодие, - охотно согласился он, продолжая малевать на листе кривую корону. – Очень ответственная работа! Если письма пропадают, то случаются большие неприятности. Понимаешь? Нужно быть очень внимательным.

– Но мы с тобой знаем, что письма пропадают.

Кисть замерла.

– Когда я работал на почте, ничего никогда не пропадало.

– Значит, письма к Флеммингу Квинстаду ты воровал? - вкрадчиво спросила я.

Он резко поднял голову и покосился на Бади, выразительно скрестившего руки на груди. На лице капитана задергался мускул. Он не умел ни врать, ни сохранять непроницаемый вид.

– Вы мне ничего не сделаете, - тихо проговорил Коэл.

– Ты ошибаешься, - усмехнулась Тильда. – Обязательно сделаем!

– Я буду жаловаться в деканат!

– Давай, – согласилась я. - Когда нас вызовут на ковер, мы расскажем, что страшно ответственный Коэл Брокс подворовывал на почте,и ты получишь некрасивую пометку в личную грамоту. Нас всех заставят драить полы в коридорах, а когда отработка закончится, у меня появится куча свободного времени, чтобы превратить твою жизнь в чистилище.

– Да-да, Ведьма знает толк в том, как испортить жизнь, – поддакнула Тильда. - Фантазия у нее на уровне.

– Послушайте, ребята, я правда не знаю, что произошло с Квинстадом. Ронни пообещал не остаться в долгу, понимаете? Мне просто заплатили.

– Кто такой Ронни? - тихо, но по-особенному тяжеловесно спросил из дверей Бади.

– Помощник магистра Армаса.

– Зачем ему письма к Ботанику? - сморщилась Тильда. - В этом есть вообще логика?

– Ты права: никакой логики, - медленно, осторожно проговаривая каждое слово, чтобы не ляпнуть лишнего, согласилась я.

Крошечные кусочки мозаики стремительно собрались вместе. Отгадка на ребус была найдена. Похоже, наш друг узнал, что Верден Армас падок на юных адептов академии Дартмурт,и поплатился.

Теперь чужой некрасивый секрет был известен мне.

И я почти не удивилась, может быть, чуточку, когда в собственной общежитской комнате обнаружила Марлис. Она стояла лицом к окну и с интересом рассматривала мандрагору.

– У тебя своеобразный вкус на домашних питомцев.

– Мало того, что ты вскрыла замок, так еще заперла его изнутри, -

прокомментировала я.

– Слышала, вы созвали командный сбор, - бросила она через плечо.
– Коэл остался цел?

– Почему тебя волнует, что происходит в нашей команде?

– Ты ведь знаешь, да? Обо всем догадалась. Но, зная твой характер, могу предположить, что делиться с друзьями чужими секретами ты не торопишься, так?

Она повернулась, губы кривились в усмешке.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – соврала, не моргнув глазом.

– Ладно, строй из себя дурочку. - Марлис приблизилась, хотя комната-то была крошечная, чтобы сузить расстояние между нами много шагов не требовалось. - Просто хотела сказать тебе, Ведьма... Лучше бы ты согласилась уехать.

Тихоня резко схватила меня за руку. В миниатюрной девчонке было невозможно распознать ни физической силы, ни особенных магических навыков. Внезапное нападение настолько изумляло, что я позволила сжать запястье, как раз в том месте, где на коже поблескивала метка Дартмурта. Из-под тонких ледяных пальцев Тихони брызнул черный дым.

– Черная магия? Марлис, ты рехнулась?!

Вместо того, чтобы воспользоваться заклятьем, я рефлекторно попыталась оттолкнуть ведьму. Выбросила вперед руку... и провалилась в пустоту.

Тихоня исчезла. Впрочем, она-то как раз осталась. Из общежитской каморки исчезла именно я.

ГЛАВА 11. Потусторонний квест

Стараясь справиться с нарастающей паникой, я повернулась на пятках. Пугающее мрачное место было мне незнакомо: узкий коридор с гладкими каменными стенами и простыми неприметными дверями без ручек. Вокруг разливалась тишина, такая глубокая, что поневоле начнешь настороженно прислушиваться, ожидая и одновременно страшись услышать какой-нибудь подозрительный звук. Подняв голову, не нашла потолка. Наверху, как в дождливый день, висела дымная тяжелая завеса.

– Так, Аниса, не истерить! – прошептала я, пытаюсь взять себя в руки.

Щелкнула пальцами, проверяя возможность колдовать. Ни одной искорки. Магия не действовала. Оставалось прислушаться к телу. Голод исчез, никакого желания в естественной нужде. Каждый раз, когда мы заходили в лабиринт во время испытания, досадные, способные помешать прохождению квеста потребности, если не исчезали совсем, то сильно притуплялись.

– Зато есть не хочется, - попыталась я подбодрить себя любимым способом Илая, который считал, будто слово «зато» имеет волшебные свойства и помогает найти что-нибудь хорошее даже в самой паршивой ситуации. Оптимистки, конечно, из меня не вышло. Отсутствие желания что-нибудь съесть по-прежнему являлось малым утешением.

Не позволяя себе оглядываться через плечо, я дошла до поворота. За углом тянулся такой же сумрачный коридор с одинаковыми дверями без ручек. Заканчивался он очередным поворотом.

– Спокойно! – снова подбодрила я. - Сейчас пойдем, где мы находимся!

Не спрашивайте, почему «мы». Ей-богу, десяти минут не провела в полном одиночестве, а уже начала придумывать невидимых друзей.

Я толкнула ближайшую дверь, та легко поддалась и открылась бесшумно. Клянусь, если бы по коридору разнесся душераздирающий скрип, то у меня случилось бы помутнение рассудка, и невидимые друзья, те самые, что «мы», превратились бы в осязаемые.

За дверью пряталась темная комната с крюками и каменными

стенами. Виднелся проход, перекрытый толстыми решетками. Некоторое время разглядывала экстравагантный интерьер, напоминающий комнату пыток. Похоже, я стояла на пороге квест-комнаты.

Догадка сверкнула молнией. Жаль, светлее вокруг не стало. С помощью неизвестного заклятья Марлис отправила меня в изнанку академического лабиринта!

– Зато в конце должен быть выход, - вслух произнесла я, все ещё пытаюсь строить из себя отчаянную оптимистку, но что-то с верой в лучшее не складывалось, и пришлось признать: – Главное, чтобы выход не оказался входом.

Но чтобы узнать правдивость теории следовало попытаться пройти хотя бы один квест. Одной, без команды и магии. Как я вообще попала в столь дурную историю?!

Некоторое время двигалась по лабиринту коридоров, выбирая испытание. Толкала двери, проверяла комнаты. Подозреваю, что где-то здесь бродил Флемминг, но шанс столкнуться был минимальный.

За очередной открытой дверью пряталась крошечное помещение с узким лазом у пола, зато никаких крюков, цепей, завалов мебели.

– Хорошо, Аниса, здесь и сейчас! – приказала себе и перешагнула через порог.

Неожиданно каменный пол под ногами затрясся. В самом центре помещения провалился крошечный осколок. Дыра начала стремительно шириться, превращаясь в яму. Отпрянув назад, я прижалась к холодной стене и бросила взгляд на закрытую дверь. Ручки-то, чтобы ее открыть, не было!

Я зажмурилась и забормотала, стараясь отогнать липкую панику.

– Здорово, Эден, ты просто умница. Крюки тебе нравились, да?

Наконец разрушение закончилось. Посреди комнатенки зиял огромный черный провал. По периметру сохранилась тонкая полоска пола с кружевным, неровным краем.

– Зато без демонов, - пробормотала я и, прижимаясь взмокшей спиной к стене, начала осторожно продвигаться до угла. Из-под подошв вниз срывались мелкие раздробленные камушки.

Шаг за шагом я добралась до дыры, аккуратно присела и юркнула в темный лаз. Пока на коленках доползла, раз тридцать прокляла длинное платье и решила укоротить подол до коленок. Все равно никого нет,

стесняться не перед кем, а когда через пару дней полной изоляции у меня начнет мутнеть рассудок, вообще станет без разницы, насколько сильно оголены ноги...

Интересно, как скоро возникнет желание сдаться и тихо уйти, прыгнуть в какую-нибудь дыру, закрыться в комнате с крюком на потолке. Вариантов хоть отбавляй. Как долго я смогу выдержать?

Идиотскую мысль выбило из головы, когда, вылезая из норы, я от всей души шибанулась затылком. Грязно выругалась и закрыла глаза, стараясь справиться с выстрелившей болью.

И снова передо мной была крошечная комната. В потолке находился люк, в углу стояла длинная лестница. Не спрашивайте, как я выбивала крышку. Унесу этот позор с собой в могилу... Не думать о мрачном. Вокруг и так, мягко говоря, не парк аттракционов.

– Вы из хранителей акробатов-циркачей, что ли, решили сделать? Кретины! – от души отругала я создателей квест-комнаты, когда начала подниматься по шаткой лестнице. Склизкие от влажности перекладины прогибались под тяжестью веса. Юбка снова страшно мешала, сковывала движения и трещала, когда я наступала на подол ботинком.

Вскарабкавшись наверх, я оказалась в просторном зале, отдаленно напоминающем алхимическую лабораторию. По крайней мере, муляж атанора был на месте и на столах пылились сосуды для перегонки. С треском я разорвала подол и только собралась отхватить неровную полосу, как прозвучал комментарий:

– Эден, никогда не замечал, что ты такая шумная. Тебя из другого конца лабиринта слышно.

– Флемминг?!

Я резко выпрямилась и уставилась на потерянного друга. В-первых, он выглядел ровно так, как и в конце зимы: шапка буйных кудрей, гладко выбритый подбородок. Заговоренная от изнашивания одежда выглядела опрятной, но ботинки оказались исхоженными. Во-вторых, рядом с ним стояла смутно знакомая девица с кучей косичек на голове. Та самая, что усадила нас на ледяной пол и за деньги выдала по одному пророчеству на человека.

– И пифия, - ошарашенно добавила я.

– Вообще-то, меня зовут Клара, – объявила она.

– Откровенно сказать, Ведьма, я надеялся, что ты найдешь способ вытащить нас отсюда, а не способ попасть сюда, - прокомментировал

Флемм.

– Я тоже, – оставалось только согласиться.

В лабиринте нас заперли в разное время, но по одной причине: мы все узнали секрет магистра высшей магии. Ботаник застал парочку, без стука ввалившись в кабинет Армаса. Парня даже не пытались подкупить, мгновенно перебросили в лабиринт. Со мной все было ясно: пытаюсь отыскать друга, я потерялась сама. А вот пифия попала, что называется, под раздачу.

В тот вечер, когда мы пришли за предсказаниями, она брякнула, чтобы ведьма не забывала, зачем появилась в академии. Просто из десятка жужжащих в голове фраз выхватила самую громкую, но не догадывалась, что испугала колдунью, практикующую черные заклятья. За дурную магию у нас легко отправляли в ссылку за грань. Некоторые и вовсе попадали в застенки за обычное хранение гримуара, возможно, вообще доставшегося от какой-нибудь чокнутой троюродной тетушки.

– Я не нашла ни одной комнаты, где бы действовала магия. Как ты передавал сообщения? – спросила я у Флемминга.

Мы разговаривали тут же, в помещении, напоминающем кабинет алхимика.

– Изнанка похожа на спираль. Магические комнаты в центре. Мы на окраине, но отсюда лабиринт выталкивает на границу с безвременьем. Если успеешь, то сможешь отправить записку или что-то написать на стене.

– К слову, а какой идет месяц? – невпопад светским тоном спросила Клара.

– Последний месяц зимы, – произвольно ответила я, задумавшись над тем, сколько всего дверей, ведущих в квест-комнаты, было в подземелье. Вообще-то, немало. Отыскать хотя бы одну.

– Месяц ледяного ветра, значит, – вздохнула она. – Здесь совершенно не ощущаешь времени. Король ещё жив?

– Какой король? – не поняла я.

– Наш.

– А что ему сделается-то?

Некоторое время мы с пифией разглядывали друг друга.

– Кажется, меня сейчас посетит видение, – таращась мне лицо, глубокомысленно заявила она.

– Так, давайте выбирать, – решительно я поднялась на ноги и

отряхнула разорванный подол.

– Но видение...

– Ну, ты пока настраивайся, - предложила я не терять время и распределить обязанности. Одни пытаются найти выход, другие погружаются в транс и желательно тоже ищут выход.

– Комнаты переходят одна в другую. – Флемм поднялся. - Они не заканчиваются. В прошлый раз я случайно на вас наткнулся.

– И я тебя увидела.

– Потому что у тебя случаются раздвоения, - со знанием дела вставила Клара. – Давно практикуешь ментальную магию? Я сколько ни пыталась выйти из тела, ни разу не удалось.

– У меня случаются самопроизвольные раздвоения, – заметила я.

– Здорово.

– Находишь?

В следующий момент я на собственной шкуре испытала, каким образом лабиринт выталкивал к границе реальности. Пыльное логово алхимика внезапно исчезло, и появился кабинет Армаса. В окно падал дневной свет. Все вещи, обычно стоящие на столе, были с яростью сметены на паркет: раскололась лампа, по полу рассыпались белые горошины-конфеты, щерились осколки вазочки. Кресло для гостей неповоротливо валялось на боку...

Илай вжимал магистра в стену.

– Не глупи, – проговорил Армас. - От того, что ты бесишься, ничего не изменится.

– Где она? - видимо, не в первый раз проговорил тот. – Она в лабиринтах, так?

Я не могла видеть лица, но голос звучал зло и хрипло.

– Ты оглох?! – Верден с силой оттолкнул парня. - Ты сам видел ее прошение. Она сбежала в Эртонию. Почему ты не хочешь принять очевидное? Аниса Эден – амбициозная дрянь, которая всего лишь ищет хорошей жизни.

Невидимая сила выпихнула меня обратно в лабиринт. От мощного удара в грудь, дыхание перехватило, из глаз брызнули слезы. Согнувшись, я хватала ртом воздух, застревающий где-то в горле. В голову вдруг пришла дурацкая мысль, что только полная дура помрет в лабиринте от удушья.

– Смотри какая сильная, - покачала головой пифия. - Флемминг

каждый раз в обморок падал, когда возвращался.

– Ведьма, ты что-нибудь видела? - допытывался Ботаник.

– Форстад меня ищет, - с трудом проговорила я. - Расскажи, как ты писал на стене?

– Кровью, - с трагизмом объявил он и тут же фыркнул: – Ведьма, ты бы видела свое лицо. В лабиринтах есть предметы. Нам нужно найти мел...

– Ага, последний раз у него раскрошился кусок, до сих пор ищем, – радостно поделилась Клара. - Но у меня очень хорошее предчувствие!

Созданных для антуража мелочей имелось превеликое множество. Любым предметом можно было пораниться или, на худой конец, поранить друга, если совсем достанет ворчанием. Но ни одного грифеля, мела, или хотя бы осколка кирпичика – ничего, что могло бы рисовали линии, создатели не предусмотрели. Очень недальновидно, просто «неудовлетворительно» с пятью минусами!

– Ты помнишь наш первый квест? – обратилась я к Флеммингу. – Тот, что со страшной рожей.

– Забудешь такое, - пробормотал он.

– В одной из комнат был мел. Марлис на него наступила.

– Ты хочешь, чтобы мы отыскиали ту комнату? - насторожился Ботаник. – Да, по лицу вижу, что ты собралась искать эту комнату...

Не с первого раза, но нам удалось отыскать нужный квест. Едва мы окунулись в темноту, как в меня с двух сторон вцепились товарищи по несчастью, а Ботаник вообще уткнулся в плечо лбом. Воздух задрожал, помещение разделилось на две половины, отсекая нас от заветного кусочка мела.

– Флемминг, помни! Мы уже здесь были и знаем, что делать! – скомандовала я, пытаюсь его стряхнуть с руки. Стряхнуть пифия не удалось, она вцепилась мертвой хваткой. Лучше пусть держится за локоть, чем упадет на пол и схватиться за ногу.

– Сейчас, дай мне секундочку, - пробормотал он и все-таки разжал пальцы.

– У меня дурное предчувствие, - прошептала пифия.

– Озадачься хорошим предчувствием! – приказала я.

– Это не бывает по заказу.

– Вот и потренируйся пока!

Прежде чем мы нашли в темноте окованный сундук со

светящимися минералом, умудрились истоптать друг другу ноги, пару раз удариться о стену и вообще продемонстрировать верх неорганизованности. Тяжелая крышка была откинута, комнату озарило тусклое сияние камня, который в народе называли «ведьмин огонь».

Из пифии сделали фонарь: заставили поднять руку повыше, чтобы свет попал не только под ноги, но и немножко на стены. Надрывая животы, вместе с Флеммом подвинули сундук из железного дерева. В смысле, чуточку сдвинули, чтобы можно было подняться на крышку и дотянуться до висящего на потолочном крюке ключа.

В прошлый раз сундук под Форстадом развалился на части, поэтому рисковать мы не стали – на крышку залезла я. Ключ был сдернут. Осталось опереть замок. В тишине загрохотал железный засов, открывший соседнюю комнату.

Только я хотела дернуть железную дверь с решетчатым окошечком, за которым разливалась непролазная темнота, как Ботаник проскулил:

– Потихе. Куда ты торопишься? Вдруг там страшная рожа?

– Страшные рожи выпускают только во время испытания, - ответила я, хотя не испытывала и доли демонстрируемой уверенности.

И почти не удивилась, когда из темноты соседнего помещения донеслось злобное рычание.

– Мамочки! – взвизгнул Флемм и начал сползать по стеночке. - Страшная рожа!

– Рано бояться!

Страшная рожа трубно гавкнула и примолкла.

– Клара, посвети, – недоверчиво попросила я.

Пифия оказалось никаких страшных рож не боялась, смело перешагнула через порог и повыше подняла мерцающий минерал.

– Нет-нет, не оставляйте меня в темноте, - проскулил Ботаник, немедленно перебираясь поближе к источнику света.

В тусклом зеленоватом мерцании по-кошачьи блеснули выпученные глазенки. Крошечное существо, напоминающее мелкую собачку с пятнышками, припало на нижние лапы и басовито зарычало.

– Буся?! – Я почувствовала, что меняюсь в лице. - Это мой папелъ!

– Ты завела еще одного демона?! – охнул Флемминг.

Папеля, не умеющего выживать без готовой миски с кормом, Армас отправил в лабиринт, абсолютно не похожий на ректорский особнячок. Я вдруг почувствовала, что готова взорваться от злости, как

наполненный воздухом шар. Наверное, была бы возможность пользоваться магическим даром, разнесла половину квест-комнаты с помощью заклятья разрушения. Все равно когда-нибудь восстановится.

– Иди ко мне, малыш! – протянула я руки.

Песик осторожно выпрямился и недоверчиво замахал хвостом. Наконец, он бросился ко мне со всех лап, принялся тыкаться в ладони носом. По всей видимости, перспектива оказаться в руках у ведьмы, постоянно превращающей его в мумию, пугала меньше голодной смерти в лабиринте.

– Как он посмел с тобой так подло поступить? - возмутилась я, прижимая егозящего папеля. - Официально заявляю, что Армас мой! Он чуть не убил моего питомца. Жить не смогу, пока не отомщу! Буся, перестань грызть мой воротник!

Крепким щелчком по макушке я заставила демоническую болонку замереть с кружевным краем воротничка в зубах.

– Да ты защитница животных, – мрачно пошутил Ботаник.

Едва мы зашли в соседнюю комнату, как раздался странный треск. Пифия замерла с задранным вверх «ведьминым огнем» и виновато прокомментировала:

– Ой...

Мы оцепенели, догадываясь, что она раздавила мелок. Буся тоже притих, очевидно, почувствовав всеобщее напряжение. Клара осторожно подняла ногу, демонстрируя под подошвой разломанный на две части белый грифель. Мы перевели дыхание.

– Подержи папеля, - сунула я парню песика.

Едва кусочки мела оказались на ладони, как меня вытолкнуло из лабиринта.

Все книжки утверждают, что влюбленные притягиваются друг к другу через расстояния и грани миров... В общем, эта теория дала сбой. Я оказалась в загаженной комнате Дживса. На стенах висели гравюры с полуобнаженными дамами, скособочился семейный портрет. Оставалось пометить дверь!

Я торопливо вывела: «Помоги!». Хотела дописать имя, чтобы Дин не подумал, будто над ними подшучивают, но оба мелка, словно льдинки, растаяли в руке. В лабиринт меня вышибло с такой силой, что перед глазами потемнело.

– Удалось? - с трудом удерживая егозящего папеля, спросил

Флемминг. – Получилось оставить «приветик»?

– Ага, поздоровалась, – с трудом выдохнула я. - С Дживсом.

– С тем самым Дином Дживсом? - недоверчиво переспросил Ботаник. - Ну все. Мы обречены. Надо искать новый мелок.

– Мы сейчас окажемся в замке, - вдруг проговорила Клара спокойным, ровным голосом, словно обсуждала погоду или кормежку папеля. - Там есть демоны.

– Что? – переспросила я.

– Я что-то говорила? - не поняла пифия, даже не заметив, с какой стремительностью погружалась и выходила из транса. Вероятно, это было еще одним побочным эффектом от долгих мытарств по лабиринту.

– В прошлый раз соседняя комната была последней в испытании. Пойдем, вдруг она ведет в подземелье академии.

Я обернулась к товарищам по несчастью, но увидела перед собой длинный абсолютно пустой коридор учебного корпуса. Ни Ботаника, ни пифии, ни папеля. Скрестив руки на груди и прислонившись спиной, у стены стоял Верден Армас.

Выглядел, к слову, убийца маленьких собачек и юных адептов весьма-весьма неплохо. Пиджак сидел отлично, воротничок рубашки светился от белизны. Сразу и не догадаешься, что перед тобой отборный злодей.

– Ты никогда не сдаешься, верно? – произнес он и, оттолкнувшись от стены, начал приближаться. - Провинциальная сирота знает, как цепляться за жизнь, так?

Он ведь не ждал ответов на риторические вопросы? Я молчала. Странно вести беседы с человеком, который надумал меня убить. И хотя инстинкты вопили, что следовало бежать, я не шелохнулась. Он не даст ступить и пары шагов – прикончит. Не хочу умирать от удара в спину.

– Ты знала, что Дживс всю жизнь ненавидел Форстада-младшего. Ирония, правда?

У меня всегда отлично получалось заклятье разрушения, а он так много «чесал» языком, что дал время сосредоточиться. Стекла, побелка на стенах, светильники на потолке – в одночасье взорвалось абсолютно все. Пространство взбурлило и замерло. Смертоносное облако из осколков, обломков и пыли было обездвижено. Вердену понадобилось не больше секунды, чтобы заблокировать магию.

– Ты забавная, Аниса Эден. – Он улыбался, а в глазах горела ярость. – Думала справишься со мной каким-то разрушением?

Вряд ли взрослому мужику пришло бы в голову, что девчонка не просто взорвала половину коридора, а отвлекла внимание и теперь с помощью детского заклятья распутывала шнурки у него на ботинках. Верочки ожили, подергались и осторожно, незаметно между собой связались.

– Не-а, - покачала я головой и щелкнула пальцами, выбивая сноп магических искр.

На макушку Армасу упал мелкий камушек, заставив сделать быстрый шаг. С недоуменной гримасой противник зашатался, кокон из обломков вокруг нас завибрировал.

– Да твою ж!

Ни одно знание высшей магии не может помочь человеку удержать равновесие. Не теряя времени, я со всей силы пихнула Армаса в грудь. Он упал на спину, задев рукой висящие в воздухе обломки. Из страшного ощеренного щипами облака что-то посыпалось, а я рванула в сторону лестницы.

На самом деле, плана в голове не было. Дурак бы догадался, что наши силы с убийцей не были равны, но, как гласила народная мудрость, а народных мудростей в восточной долине имелось предостаточно: ударь и убегай. Пожалуй, в жизни я не бегала быстрее.

В пустом замке слышались крики. Казалось, где-то устроили забористую драку. Со всего хода я выскочила на балкон. Внизу действительно шел бой, и воздух был сизым от дыма. Десяток демонов-крикунов насккивали на моих друзей, стоящих спиной друг к другу. Практически боевая звезда с испуганной пифией в центре!

Бади отбивался светящимися пульсарами, жалящими тонкую кожу озверелых демонов. Тильда размахивала палкой, мазала, но выглядела воинственно. Учитывая, что она была без очков, видимо, была вслепую. У Ботаника оружия вообще никакого не было, он просто выставлял вперед папеля, заливавшегося басовитым лаем. Сквозь рычание, скрежет и взрывы слышались вопли Флемма:

– Крыса, не вырывайся, просто рычи!

Вообще, Буся был в ударе! Он свирепо щелкал клыками и очень-очень хотел оскоромиться каким-нибудь демоном. Конечно, поголодай столько дней, по-настоящему озвереешь.

Я помедлила всего на секунду, просто хотела оценить обстановку, и почувствовала резкий, сильный удар в спину. Когда падала, даже через голову перевернулась. Приземлилась дурно: в плече, не один раз травмированном во время тренировок, снова что-то нехорошо хрустнуло. От удара потемнело в голове.

Перед носом появились ноги Армаса в полосатых носках. С дырой на большом пальце. У меня как раз перестали сыпать из глаз звездочки, так что разглядела вылезший палец во всей его первозданной оголенности. Похоже, распутать шнурки магистру высшей магии не удалось, пришлось расстаться с туфлями. Искренне надеюсь, что под пятку ему попался не один осколок стекла.

– Как же с вами, детьми, сложно, – склонился он надо мной и мощным ударом ноги оказался отброшен на пол. Сегодня магистру вообще не везло с пинками.

Знаете, хотелось бы сказать, что Форстад кинулся поднимать меня и проверять на сохранность конечностей, но нет – соскребаться с пола пришлось самой. Он был очень занят, избивая давнего врага. Кажется, оба забыли, что вообще-то могли обмениваться магическими тычками.

Илай сгреб Армаса за ворот и держал над лестницей. Оба тяжело дышали, с ненавистью смотрели глаза в глаза.

– Уронишь? – усмехнулся Верден разбитыми губами.

– Да, – тихо отозвался Форстад.

Не оставалось сомнений, что он действительно был готов разжать крепко, до побелевших костяшек стиснутые пальцы, но не успел. С широких перил на мужчину кинулся демон-крикун. Тесно сцепившись единым клубком, втроем они покатались по ступенькам. Клянусь, у меня остановилось сердце. Не видя ничего вокруг, я бросилась вниз с идиотской мыслью поймать хотя бы части любимого Форстада, если в холл не прикатиться целый Форстад.

К счастью, лестница была не то чтобы очень длинная, а ступеньки не особенно крутые. Противники приземлились и откатились в разные стороны. Армас валялся без сознания, Илай подавал признаки жизни. Демону повезло меньше: он лежал плашмя, раскинув руки-лапы.

– Принцесса! – Я упала на колени и затрясла парня за плечи. – Илай, ты жив?

На виске темнела рана, волосы пропитались кровью. Тонкими дорожками бежали по шее и уху.

– Скорее мертв, – простонал он.

Гибель собрата заставила демонов раззявить пасти-рты, съежится и пуститься наутек. В призрачном холле наступила оглушительная тишина. Вернее, она была бы оглушительной, если бы Буся, все-таки улизнувший из рук Флемма, прекратил лаять, как ужаленная под хвост болонка.

– Что? Куда все делись? – продолжала размахивать палкой Тильда.
- Я ничего не вижу.

– Очкастая, все закончилось, – проворчал Квинстад.

– Какая я тебе очкастая, Ботаник?! – в истерике заорала она. – Я очки потеряла, пока тебе, кретин, жизнь спасала! Столько не виделась, а я тебя по-прежнему не вижу!

Неожиданно со скрипом открылась тяжелая парадная дверь. В холл заглянул... Коэл Брокс. Сначала он потерял дар речи, а потом сдавленным голосом позвал:

– Команда, скоро час закончится. Мне часы надо переворачивать или уже все в порядке?

В общем, пока остальные нас спасали, Кэп стоял на стреме. Забегая вперед, этой тактики выживания в нашей команде победителей он придерживался до самого выпуска из академии.

– Давай я помогу тебе подняться, - проговорила я, пытаюсь взвалить Форстада на спину.

– О, я слышу голос Ведьмы! – обрадовалась Тильда и выпалила на одном дыхании: – Мы следили за Армасом. Он ведь тебя не покалечил?

– Магии не хватило, - буркнула я.

– Подвинься, - прогудел взлохмаченный, вспаренный после боя Бади, подхватывая тяжелого парня на плечи, и кивнул в сторону Матильды: – Проводи ее.

Неожиданно Армас начал приходить в себя. Он глухо застонал, попытался перевернуться на бок. Я приблизилась и без тени сомнений от всей души пнула негодяя под ребра. Подумала, и еще разок пнула. Магистра высшей магии вновь срубило.

– Что? - посмотрела я на друзей. - Он пытался убить мою собаку! Как можно убить беззащитное существо?

Беззащитное существо в это время принюхивалось к уху мертвого демона-крикуна. Глаза горели голодным блеском.

– Фу, грызть всякую гадость! – буркнула я, подхватывая обиженно

заскулившего папея.

В старейшей академии магии Дартмурт за долгую историю происходило много всякого, и дела научились заминать по-тихому. Избитого Армаса со сломанной ногой и треснувшим ребром (мне не стыдно) незаметно увезла городская стража. Думаю, он не отмоется до конца жизни. Да и разве возможно отмыть добела репутацию, если его обвинили в любовной связи с адепткой и в попытке ее прикончить? Нет, речь идет не обо мне. О Марлис Нави-эрн, сбежавшей за пару дней до «большой битвы» в лабиринте. Из Эртонию ее достать не сумели, но, если слухи не врут, в розыск за использование черной магии, все равно объявили.

А Дживс? Именно он передал Армасу послание о том, что я пытаюсь найти выход из лабиринта. Не было никаких особенных причин, просто за предательство друга, за которым приходилось бесплатно шпионить для Форстадов-старших, магистр выбил ему место Эртонской академии магии. Учеба в престижной академии – это много или мало? Я не могу ответить. Особенно по-эртоцки. Сложный язык мне всегда плохо давался.

После долгих допросов в ректорате и столь же долгого осмотра в лазарете, мне позволили вернуться в общежитие. Бусю совершенно бесплатно определили в зверинец, не в качестве живого методического пособия, а на постой. Наверное, ректор решил, что щедрость в отношении экзотических домашних питомцев – неплохая компенсация.

– Ведьма, ты, главное, не нервничай, – зачем-то все время повторяла Тильда, нервно поправляя на носу запасные очки. – Понимаешь, тебя не было почти целую декаду.

Я толкнула подозрительно незапертую дверь...

Комнатушка оказалась полностью, непередаваемо пустой, словно в ней никто никогда не жил. Стояла кровать с голым матрацем. Через открытые дверцы стенной ниши были видны пустые полки. Окованный дорожный сундук исчез, как и ведро из железного дерева, где жила мандрагора.

– Где мой куст?! – рявкнула я.

– Куст мигрировал к Бади.

ЭПИЛОГ

В золотом платье и в смешной дешевой короне на голове, той самой, что он купил ради шутки, а она надела из упрямства, Аниса выглядела... глупо. Человек слова – проиграла нацепила, а теперь постоянно поправляла, портя прическу. Корона оказалась велика и сползала на лоб.

Не будь они в ссоре, Илай точно выслушал бы град язвительных шуточек, вроде той, что столичной принцессе корону носить привычнее. Но они три дня не разговаривали. Как молча сели в экипаж после семейного ужина в особняке Форстадов, так ни разу и не прервали насупленного молчания.

Знакомство с родителями проходило натянуто, от напряжения в помпезной столовой искрил воздух. Между горячим и десертом, когда слуги меняли фарфоровые тарелки, у Анисы сдали нервы. С самым любезным видом она повернулась к Эмрис и в своей обычной манере, то есть жалея иронии, намекнула, что никто не собирается выходить замуж за их единственную принцессу. Илай точно не помнил, прозвучало ли это самое «принцесса», но мать поперхнулась, отец опрокинул стопку коньяка и тоже поперхнулся, а он в сердцах швырнул ложку и разбил хрустальный бокал. В общем, паршивый вышел ужин. Наверняка горничные пару месяцев будут сплетничать.

Музыка в зале торжеств, в котором устроили карнавал, стихла. Народ загудел, пронзительно захихикали милые дурочки, постоянно стрелявшие взглядами в сторону Илая. На сцену, украшенную под пышный блин, взобрался Брокс. Он был наряжен в пирата и задрал повязку, чтобы прочесть по измятой бумажке заранее заготовленную речь:

– Дорогие друзья! Последнюю декаду у нас шло голосование и сейчас мы объявим имя королевы бала...

Не успел он договорить, как рядом появилась Аниса. По залу побежали недоуменные шепотки, а Илай поймал себя на том, что широко улыбается.

– Эден, ты вообще не вовремя! – громко зашипел Кэп.

– Подожди, я ненадолго, - отмахнулась она, повернулась к публике

и произнесла, словно исповедовалась: – Меня зовут Аниса Эден, и я проиграла спор Илаю Форстаду-младшему!

Ну, конечно, разве могла она пропустить этот маленький досадный штрих!

В сторону парня не повернулся только ленивый. Трой отодвинулся и, мягко говоря, не особо по-дружески сделал вид, что они незнакомы.

– Чтобы все знали и ничего не перепутали. - Звонкий голос Ведьмы разлетался по залу. - Илай Форстад божественная, прекрасная, избалованная, высокомерная...

Зрители начали смеяться. Интересно, она специально нашла в словаре и вызубрила такое количество экспрессивных определений?

– Принцесса, - договорила Аниса.

Честное слово, даже отлегло. Он был уверен, что сейчас услышит «скотина».

– Еще я пообещала, что назову его скромным, но забыла. В общем, он очень скромный. Но и это ещё не все. – Она резко выдохнула и объявила во всеуслышание: – Я люблю тебя!

Однажды дед Форстад изрек, что жениться нужно на женщине, за которую готов умереть. Превосходный совет от человека, который проводил в последний путь пять своих жен. Илай не был уверен, что готов умереть ради Анисы Эден, но после десяти дней натурального чистилища точно знал, что хотел бы прожить с ней жизнь. Долгую, счастливую, желательно спокойную. Без мандрагоры и рейнсверских болонок.